Федеральное агентство по образованию
ГОУ ВПО «Ульяновский государственный педагогический
университет им. И.Н. Ульянова»
Кафедра литературы
Лаборатория традиционной культуры
и визуальной антропологии

Проблемы полевой фольклористики

Вып. 7

Духовная культура русских Ульяновского Присурья

Материалы к этнодиалектному словарю

Ульяновск
2008

УДК 82
ББК 82.3 (2 Рос-Рус)
Д 85

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Этнодиалекты Ульяновского Присурья (на материалах 20 – начала 21 века)», проект № 08-01-00497а.

Д 71 Духовная культура русских Ульяновского Присурья: материалы к этнодиалектному словарю. – Ульяновск, УлГПУ им. И.Н. Ульянова, 2008. (Проблемы полевой фольклористики. Вып. 7.) - 236 с.

В книге публикуются проект Словника и пробные статьи для этнодиалектного словаря «Духовная культура русских Ульяновского Присурья», над которой работает группа ученых Москвы и Ульяновска.

Для специалистов в области традиционной культуры, учителей, студентов гуманитарных специальностей.

ISBN 978-5-86045-274-9

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В последние десятилетия в практике этнокультурных исследований все чаще используется жанр словаря. Форма словаря, в основе которой принцип «алфавитного каталога», является удобным способом обработки значительных объемов информации по единому, общеизвестному принципу. Это создает хорошую базу для дальнейшего сравнительного анализа однородного материала из разных ареалов, особенно если он будет систематизирован по единой методике. Целью такого рода изданий является отработка методики описания локальных и региональных разновидностей традиционной культуры во всей их полноте. Предполагается, что в них должны быть представлены как народное мировоззрение, так и различные стороны материальной и духовной культуры. Кроме того корпус словаря дополняется рядом аналитических статей по истории заселения описываемого региона, его фольклорно-этнографическим и языковым особенностям, в которых на материалах словаря выделяются и картографируются локальные культурные типы, характерные для данного региона.

Поскольку речь идет об описании локальных типов культуры, то было бы вполне оправданным связать понятие этнодиалект именно с конкретными этнокультурными типами, проявляющимися в рамках местных традиций. Тем самым этнодиалект можно определить как локальный тип культуры во всей полноте его языковых и фольклорно-этнографических проявлений или как этнокультурный тип в его вещественных, ментальных и языковых презентациях. Словарь, включающий в себя описание региональных или локальных этнокультурных и языковых особенностей и нередко сопровождающийся их картографированием, можно назвать *этнодиалектным.* Важной отличительной чертой словарей данного типа от других подобных изданий является наличие *развернутой интерпретации* рассматриваемых фактов традиционной культуры *самими ее носителями* в виде развернутых речевых фрагментов.

В одних случаях — это более или менее обстоятельный ответ на заданные собирателем вопросы, в других — те или иные типы устных рассказов, выдаваемые исполнителем «по случаю». Конечно, точка зрения носителя культуры не обязательно является более объективной и достоверной, чем мнение исследователя, описывающего то или иное явление извне. Это тем более очевидно в случае, когда мы имеем дело с меморатами, то есть «изустными преданиями», воспоминаниями очевидца о том, что он некогда видел или в чем он когда-то участвовал. Такого рода рассказы, подчиняясь общим законам устного рассказа и молвы, используют характерные для них способы построения и включают в себя типичные для сказа фигуры, формулы и общие места. Тем самым любой меморат, особенно если он принадлежит опытному, искусному рассказчику, несколько «приукрашивает» действительные факты, стремиться свести их к некоему «усредненному целому», ввести в рамки и каноны традиционного устного повествования. Но именно эта «обобщенно-типическая» точка зрения на описываемые события самих носителей традиции и представляет для исследователя наибольшую ценность, так как она в полной мере передает своеобразие мышления и мировосприятия изучаемого этнокультурного типа в целом.

Чтобы достичь наибольшей адекватности описания, чисто методологически представляется более корректным представить традиционное народное мировоззрение не только с точки зрения внешнего наблюдателя — исследователя, создателя словаря, но и изнутри, так, как его понимает и видит сам представитель данного этнокультурного типа (*этнодиалекта*).

Работа над этнодиалектным словарем «Духовная культура русских Ульяновского Присурья» ведется группой авторов с 2000 г. За это время была очерчены границы обследуемого ареала, проведено обследование около сотни населенных пунктов в его рамках, опубликованы предварительные

результаты исследований[1].

Одним из результатов данной работы было создание проекта Словника словаря (см. ниже) и пробных статей, с некоторыми из которых и знакомит настоящее издание.

Все цитируемые диалектные тексты, за небольшим исключением, переданы средствами русского алфавита. Курсив в цитируемых текстах информантов обозначает частичную или полную редукцию звука. Точкой после буквы «ч̇» обозначена частичное отвердение звука [ч] в местных говорах. В квадратных скобках после цитируемого текста приводится краткий паспорт аудиозаписи или письменного текста – инициалы информанта, название населенного пункта, в котором произведена запись. Если цитирование дается по аудиозаписи, то далее указываются инициалы собирателя, год записи, номер кассеты, сокращенное название области и номер данного текста по описи кассеты (только при цитировании аудиозаписей И.А. Морозова и И.С. Слепцовой). Если цитируется не аудиозапись, а текст из фольклорного архива (ФА) кафедры литературы Ульяновского госпедуниверситета (УлГПУ), то указываются инициалы собирателя, место хранения, фонд (условное обозначение района записи), опись (условное обозначение жанра), год записи. Пояснения и комментарии собирателя даются в тексте записи также в квадратных скобках после знака равенства [=комментарии собирателя]. В списке информантов указываются – фамилия, имя, отчество информанта, год рождения, место записи (если информант не местный, то указывается место рождения и год, с которого он проживает в месте записи, если об этом было сообщено). В списке

---

[1] Духовная культура русских Среднего Поволжья: Материалы полевых исследований. Вып. 2. / Отв. ред. М. Г. Матлин. – Ульяновск, 2000. (Проблемы полевой фольклористики. – Вып. 5); Духовная культура русских Среднего Поволжья: Материалы полевых исследований. – Вып. 3. / Отв. ред. М. Г. Матлин. – Ульяновск, 2001. (Проблемы полевой фольклористики. – Вып. 6).

собирателей указываются краткие данные о собирателе.

СЛОВНИК ЭТНОДИАЛЕКТНОГО СЛОВАРЯ «ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА РУССКИХ УЛЬЯНОВСКОГО ПРИСУРЬЯ»

При отборе элементов данного Словника мы исходили из основных принципов этнодиалектного словаря[2]. Главными условиями выделения элементов описания в статьях Словаря являются уникальность и специфичность на фоне общерусской традиции, повторяемость и частотность (в качестве признака традиционности), а также опора на *прагмемы*, т.е. внутренне завершенные акции, совершаемые с определенной целью и, как правило, обозначенные терминологически самими носителями традиции. Помимо названий, связанных с прагмемами, в словник включаются также наиболее важные *реалии*, используемые в обрядовых и внеобрядовых акциях, и *персоны* или *персонажи*, без которых эти акции не могли бы совершиться.

При отборе статей, относящихся к празднично-игровой сфере, мы исходили, с одной стороны, из традиционного календаря, фиксирующего наиболее важные для народного мировоззрения даты и события, сопровождающиеся празднично-игровыми и обрядовыми акциями. С другой стороны, мы постарались максимально полно отразить игровой репертуар различных социальных и половозрастных групп и страт и его реальное функционирование в составе праздничного и повседневного обихода. Важными предметами описания стали различные формы игрового поведения (подшучивание, розыгрыши, озорство и т.п.), которые напрямую связаны с ситуациями порождения целого ряда фольклорных текстов от анекдотов до частушек. Сюда же относятся и различные игры и

---

[2] Морозов И.А. Этнодиалектный словарь: к проблеме дефиниции // Типология фольклорной традиции: актуальные проблемы полевой фольклористики. К юбилею Нины Ивановны Савушкиной (1929-1993). Международная научная конференция (Москва, 22–23 ноября 1999 г.). М., 2004. С. 139-143.

забавы взрослых с детьми (бауканье, тютюшканье и др.). В этом ряду и формы игрового поведения (кулачные бои, бесчинства, ряжение и т.п.), в контексте календарных и семейных праздников приобретающие ритуально-магический или обрядовый смысл.

СЛОВНИК

1. Анекдоты
2. Бабушка, куда пошла? (игра)
3. Баукать
4. Бери да помни (игра)
5. Бобра смотреть (святочный игровой комплекс)
6. Болящие
7. Борониска (игра)
8. Бояре (рядовая игра)
9. Бусы (игра)
10. Бутылочка (игра)
11. В могилу опускать
12. В яйца катать (развлечение)
13. Вербное воскресенье
14. Вечеренька (предсвадебный вечер)
15. Воздвижение
16. Вознесенье (праздник)
17. Второй день (этап свадьбы)
18. Вязок (игра)
19. Гадания
20. Голышки (игра на гуляниях)
21. Горелки (игра на гуляниях)
22. Городки (игра на праздники)
23. Гроб выносить
24. Гроб делать
25. Гуляния
26. Гуси (детская игра)
27. Догонялки (детская игра)
28. Домовой

29. Дразнить
30. Драки
31. Духов день
32. Душу провожать (обряд)
33. Егорьев день
34. Жаворонки (обрядовое печенье)
35. Жатва
36. Жгут (игра)
37. Жмурки (игра детей и молодежи)
38. Заинька (детская игра)
39. Закликать
40. Запой
41. Застолье
42. Застолье в доме невесты
43. Иванов день
44. Игрища
45. Игры в клетке
46. Икона
47. Ильин день
48. Исцеление
49. Казанская (праздник)
50. Каланцы (игра)
51. Кандалы (детская игра)
52. Каравай (игра на гуляниях)
53. Карусели (развлечение на весенне-летние праздники)
54. Качели (развлечение на весенне-летние праздники)
55. Кельи
56. Классы (детская игра)
57. Клёк (детская игра)
58. Козны (детская и подростковая игра)
59. Колесо катать (детская игра)
60. Колечко искать (игра в кельях)
61. Коляду петь
62. Кониться
63. Коробочка (детская игра)
64. Коршун (детская игра)

65. Кострома (детская игра)
66. Котел (детская и подростковая игра)
67. Краски (игра в кельях)
68. Красная горка
69. Крестины
70. Крещение
71. Кузьминки
72. Кулачки (обрядовое развлечение)
73. Кули (детская игра)
74. Кулючки (детская и подростковая игра)
75. Купаться
76. Кучки (детская игра)
77. Ладоши (игра)
78. Лапта (игра на праздники и во время гуляний)
79. Лапти (детская игра)
80. Летели две птички (игра на свадебных вечорках)
81. Лечить
82. Лягушка, в лягушку (детская и подростковая игра)
83. Масленица
84. Масловать молодых
85. Местночтимые святые
86. Милостыню подавать
87. Молодых солить (шуточный обычай)
88. Монашки
89. Муха (детская и подростковая игра)
90. На святой родник ходить
91. Наказывать
92. Некрутов провожать (обряд)
93. Николай Чудотворец
94. Николин день
95. Никольская гора
96. Новоселье (обряд)
97. Новый год
98. Ножички (детская игра)
99. О дожде молить(ся) (обряд)

100. Оборачиваться
101. Оборотыши (игра в кельях)
102. Озорство (обычай)
103. Около покойника сидеть
104. Орел (игра на праздниках и гуляниях)
105. Орехи (детская игра)
106. Основу сновать (хороводная игра)
107. Отзывки (свадебный обряд)
108. Пасха
109. Пляски и танцы
110. Подшкунивать (подшучивания и розыгрыши)
111. Покойника обмывать
112. Покойника обряжать
113. Покойника провожать
114. Поминки
115. Помочи
116. Попа гонять (детская игра)
117. Посигушки (детская игра)
118. Посиделочные игры
119. Пост
120. Потайная милостыня
121. Похороны
122. Предсказание
123. Прибаутки
124. Проводы масленицы
125. Пророчество
126. Просо сеять (весенняя игра)
127. Прощаться (с землёй и вольным светом)
128. Пугать
129. Радуница
130. Разлука (игра в кельях)
131. Ремень (игра)
132. Репка, в репку (детская игра)
133. Родины
134. Рождество
135. Русалка

136. Ряжение (обычай)
137. С гор кататься (зимнее развлечение)
138. Свежинка (игра в кельях)
139. Святками ходить (святочное ряжение)
140. Святки
141. Силой меряться (мужские развлечения)
142. Славить (рождественский обход)
143. Соседи (игра)
144. Средокрестье
145. Столбы (игра)
146. Таусень (обрядовый обход)
147. Тону! (игра в кельях)
148. Тот свет посещать
149. Третий лишний (игра на гуляниях)
150. Трифон (игра)
151. Троица
152. Тютюшкать
153. Успение
154. Фанты (игра на свадебных вечорках и в кельях)
155. Ходит царь вокруг Нова-города (круговая игра)
156. Ходячий покойник
157. Христосоваться (пасхальный обход)
158. Чегарда (детская и подростковая игра)
159. Чиганашки (мифологический персонаж)
160. Читалки
161. Шашки (зимняя детская игра)
162. Шутить
163. Явление иконы
164. Ямки (детская игра)
165. Ярилу хоронить (троицкий обряд)
166. Ярку искать (свадебный обряд)

И.А. Морозов, И.С. Слепцова

ИГРОВЫЕ ФОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ КАК ПРЕДМЕТ ОПИСАНИЯ В РАМКАХ ЭТНОДИАЛЕКТНОГО СЛОВАРЯ

Важной целью этнодиалектного словаря является описание разнообразных форм игрового поведения. При этом перед исследователями встает очень сложная задача, поскольку помимо огромного разнообразия этих форм и их чрезвычайной прагматической подвижности (в силу того, что игра пронизывает все сферы обыденной и праздничной жизни) приходится считаться с постоянным изменением их функционального модуса. В общепринятых терминах описания это означает чрезвычайную гибкость и изменчивость жанров, связанных с данными игровыми формами текстов и стиля поведения от дурашливого до агрессивно-насмешливого. В ряде случаев игровые формы могут трансформироваться в ритуализованные и обрядовые формы поведения. Хотя правильнее было бы сказать, что они утрачивают свой игровой модус.

Народная аксиология достаточно адекватно отражает всю сложность понятийно-смыслового наполнения игровых форм поведения, обозначая их различными словами, представляющими разную степень конкретизации и отвлеченности описания. Наиболее распространенным термином, покрывающим собой широкое поле игровых взаимоотношений, является *шутка*. Так могут называться практически любые игровые формы, кроме игр в собственном смысле слова. Чаще всего под шуткой подразумевают какое-либо необычное, парадоксальное по форме или содержанию высказывание или действие, призванное развеселить окружающих. Поэтому в рамках Словаря мы сочли возможным выделить шутки в широком смысле слова, включающие все возможные оттенки этого народного термина, и *шутки в узком*

смысле слова, отхватывающие прежде всего словесные формы игрового поведения и отличающиеся особой прагматикой («вызвать смех, развеселить»). Такая широкая расплывчатая целевая установка позволяет превратить в шутку любое действие. Например, чтобы рассмешить окружающих, могут *передразнивать* кого-либо из присутствующих, подражать голосам животных или рассказывать веселые истории, *анекдоты*. Однако от дразнилок и насмешек, также как и от анекдотов, шутки отличаются принципиально иной прагматикой. Насмешки ставят своей целью умышленно кого-либо разозлить, вывести из себя, раздражая издевкой или утрированным изображением тех или иных черт характера. Анекдоты, в отличие от шуток, являются не импровизационной, а достаточно устоявшейся жанровой формой, что обеспечивает их воспроизводимость, повторяемость и в пространстве, и во времени. По этому же критерию можно различать насмешки и дразнилки, поскольку последние также обычно имеют устойчивую форму и нередко выделяются в качестве отдельного фольклорного жанра (например, в рамках детского фольклора). В отличие от анекдотов и шуток в узком смысле слова дразнилки и насмешки имеют явно выраженные прагматические цели: унижение, оскорбление соперника, получение над ним морального преимущества; нередко таким способом стремятся подчеркнуть свой более высокий статус и униженное положение адресата. Отметим, что в ряде случаев эти прагматические установки могут изменять свой модус и тогда передразнивание обретает дружелюбный характер (например, когда взрослые поддразнивают маленьких детей или парни заигрывают с девушками).

Народное сознание выделяет в обширном поле форм игрового поведения целый ряд игровых форм, которые описываются словами *подшкунивать, озоровать*. Эти разновидности шуток также отличаются своей особой прагматикой и, в отличие от упомянутых выше, имеют не только словесное, но и акциональное наполнение. И это дает нам основание выделять их в качестве отдельного объекта

исследования. Правда, оговоримся сразу, носители традиции при описании разновидностей шуток не всегда строго соблюдают устанавливаемые нами границы, поэтому под подшкуниванием может подразумеваться насмешка или шутка как в узком, так и в широком смысле слова. Но все же, как правило, эти дефиниции близки к нашим. В группе шуток, которые мы описываем в статье «Подшкунивать», можно выделить подшучивания и розыгрыши, которые соотносятся друг с другом примерно так же, как насмешки и дразнилки, то есть розыгрыши представляют собой достаточно устойчивую игровую форму с определенными «правилами и условиями» игры. Иногда изменение прагматических установок приводит к трансформации этих игровых форм в *озорство*, которое отличается от них как применяемыми средствами (нередко это выходящие за рамки шуток действия с нанесением существенного морального и материального ущерба), так и более жесткой привязкой к календарно-обрядовым формам. Наиболее удаленную от шуток разновидность озорства можно обозначить как *бесчинство*, завершающееся порчей имущества, а иногда и личным насилием.

Таким образом, выделяемые нами формы игрового поведения в ряде случаев имеют зоны пересечения (*см. схему*), в которых они частично изменяют свои функциональные модусы и жанровую принадлежность, и в результате сближаются с другими игровыми формами, описываемыми словом «шутка». К сожалению, вне конкретной ситуации не всегда возможно точно определить прагматические нюансы тех или иных акций и сопровождающих их текстов. Поэтому наши решения отнести их к той или иной группе основываются, как правило, на косвенной информации: комментариях носителей традиции, устоявшихся жанровых признаках, привязке к ситуациям, прагматический модус которых нам достаточно хорошо известен и т.д. Но всегда необходимо иметь в виду, что изменение прагматического модуса может изменить и принадлежность акции к той или иной группе шуток. То есть в определенной ситуации подшучивание может стать озорством

или даже бесчинством, а шутка «перерасти» в насмешку или анекдот. При этом необходимо учитывать возможность разных целевых установок, приписываемых одному и тому же действию, как самим исполнителем, так и окружающими. Например, обливание водой в контексте календарных праздников может восприниматься как веселая шутка, в то время как в других обстоятельствах, это может выглядеть как оскорбление или вызов. Тем самым при описании игровых форм необходим более тщательный учет *ситуативной обусловленности* той или иной обрядовой или игровой акции.

СХЕМА

соотношения форм игрового поведения

И.С. Слепцова

ШУТИТЬ

Шутки являются неотъемлемым элементом многих комических действий, что отражается и в народной терминологии, где словом «шутить» обозначаются самые разные формы игрового поведения от передразнивания до подшучиваний и розыгрышей и озорства. Чаще всего под *шуткой* подразумевают какое-либо необычное, парадоксальное по форме или содержанию высказывание или действие, призванное развеселить окружающих. Такая широкая расплывчатая целевая установка позволяет превратить в шутку любое действие. Например, чтобы рассмешить окружающих, могут передразнивать кого-либо из присутствующих, подражать голосам животных или рассказывать веселые истории, анекдоты. С этой точки зрения можно выделить шутки в широком смысле слова. Их разновидности рассмотрены нами в отдельных статьях Словаря.

Шутки в узком смысле слова отличаются от передразнивания и подшучивания принципиально иной прагматикой: «шутить» – это не насмехаться или издеваться над кем или чем-либо и не подвергать кого-либо испытанию, а прежде всего веселить окружающих. Одной из прагматических установок при этом является самопрезентация, то есть привлечение к себе внимания. Ниже описаны типы шуток, которые не вошли в состав словесных игровых форм. При этом необходимо учитывать возможность разных целевых установок, приписываемых одному и тому же действию, как самим исполнителем, так и окружающими. Например, обнажение в контексте ряженья может восприниматься как веселая шутка, в то время как в других обстоятельствах, это может выглядеть как оскорбление или вызов. Это значит, что при описании шуток необходим более тщательный учет ситуативной обусловленности той или иной обрядовой или игровой акции. Исчезновение или значительное уменьшение в настоящее время

этой составляющей праздничного и повседневного обихода с сожалением отмечается очень многими: «Вобщим, всяких шуткав пално. Но я те*б*е гаварю, што тагда играли, каждый шутку принимал. А щас нет. Щас этава нет в народе, в этим, у маладёжи» [СНФ, с. Кадышево; СИС Ф2003-14Ульян., № 109].

Существовали некоторые ситуации, которые в большей степени продуцировали шутки. Легкий, со взаимными подколками и шутками, стиль общения был доминирующим у молодежи, особенно во время собраний на улице или в келье. Обмен шутками естественным образом возникал во время застолья, становясь средством, сплачивавшим собравшихся и создававшим особую атмосферу веселья и раскованности. Обилием шуток характеризовалось поведение ряженых.

В обыденной жизни шутки возникали по самым разным поводам и несли самую разную смысловую нагрузку. Они широко использовались при общении взрослых с детьми. При пестовании маленьких детей важно было развеселить малыша, установить с ним эмоциональный контакт, выразить ему любовь и одобрение, поэтому большинство детских пестушек, потешек и прибауток имели шуточный характер. Да и в повседневности многие действия с ребенком включали в себя шутки. Например, когда ребенка носили на плечах (*на гуськах*), то часто разыгрывали «продажу горшка». «Ну эт*а* таскали, когда вот “на гуськи”, как сказать, посадишь ребёнка и таскашь. “Купи горшок”. –“Нет, не куплю, он худой”. Да. Вроди “он худой”. А тот г*ово*рит: “Нет, нет, крепкой, не худой!” Шутили. Эта вот шутили, таскали “на гуськах”» [УАИ, ВЕН, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-32льян., № 24]. Иногда детей в шутку величали по имени-отчеству. «Какая я была уж, известна кака*я* была. Скока там мне была? Можит быть гадов пять. Ну, он уж пажилой был. Вот. И жили нидалёка. Он миня: “Вот Мар*и* Микалавна пришла”. А я яму скажу: “А ты Сок!” “Сок”-от, ну, прозвище. Ну, проста так, прозвища, ни што там ругали [=дразнили] этим. У каждава свая прозвища. Он миня завёт “Мар*и* Микалавна”, а я гаварю: “А ты Сок!” Он миня “Мар*и* Микалавна” называт, а я думаю, он миня ругат. Ну и смиялись.

Да. Атец мой тут был. Он, атец-та, гаварит: “Он видь тибя любит, он видь тибя ни ругат, а ты яво прозвищай назы*вашь*. Дочка, ни нада”. Он мне, атец, сказал. А я знаю? А я думаю, што он миня ругат» [НМН, с. Кадышево; СИС Ф2004-1Ульян., № 48].

Для детей постарше придумывали более замысловатые, содержащие некоторый подвох шутки, в которых обыгрывались местные реалии, поверья и представления. Так, в Присурье обычным персонажем, которым запугивали детей, был «татарин», он часто фигурирует также и в шутках. «Татарами пугали, я уж взрослая [=подросток] была. Пашла первый раз на базар в Коржевку вот (Коржевка вот тут вота). Ну, пашла, канешна, ни адна, зимой. И мне гаварят: “Ну, как да Шлямаса [=с. Шлемасс] дайдёшь и первый раз идёшь на базар – татарину жопу цылавать!” Я: “Мамыньки!” Ну, я жи ни знала, баюся. Ну, прашли, ничаво» [ГНФ, с. Проломиха; СИС Ф2002-3Ульян., № 75].

Шутка нередко становилась средством выражения симпатии, хотя сторонние наблюдатели могли и не понять этого. «Адин раз, [мама] гаварит, я вышла, паленица, драва беру сверху. А он [=муж] падашёл, гаварит: “Вон внизу нада брать-та, а ни навирху, а ты баисся, спина сламацца”. Он вот так шутил. А свёкар увидел, и тоже, гаварит, ево за ета [кнутом]: “Эта што такоя!”» [АРИ, с. Чеботаевка; СИС Ф2008-3Ульян., № 147].

В шутке мог содержаться скрытый комплимент. Например, чтобы сказать молодой женщине приятное по поводу ее внешности, одна пожилая жительница попросила одолжить у нее лицо, чтобы ей «выйти на люди». «Вот Лида, падруга, вот тут. Вот мы пашли с ней в магазин, а тут малодинькии две у двара, знач·ит, ходят. Я гаварю (Любай тожи завут), я гаварю: “Люб, дай мне лич·ико тваё в магазин схадить!” – “Ч·аво тибе, тётя Люб*а*? “Я гаварю: “Тваё дай, а маё мурло, мол, вазьми, всё равно ты тут капа*и*шься с нём. Мы, мол, сходим в магазин и тибе апять атдадим, а ты наше вазьмёшь”. Я гаварю: “Лид*а*ч·ка, ну страшна выхадить, страшна паказацца”. Страшны видь

какии, а? Сморшшины, страшны, стары. Ну вот и давай смияцца» [СЛС, с. Астрадамовка; СИС Ф2008-1Ульян., № 81].

Шуткой могли выразить насмешку или порицание. Так, в приводимом ниже тексте присутствует тонкая ирония, пародия на бауканье. «Прежди стиснялись и свёкыра, и свякрови. Ни как нынч·а! Да. Свёкар придёт пьяный, разувай яво. Лапти были. Где-та были в гастях, най, у хрёснава. Пришли аттоли и он палез на печ· нач·авать. “Тять, пагади, – тятий звали, – пагади, я тибя, тятя, разую”. И паю песню:

На печ·ки сижу,
Заплатки плач·у,
Приплач·иваю,
Мужа я браню,
Пабраниваю:
– Муж мой, мужинёк,
Барзой кабилёк,
Падай, муж, шубейку,
<?> насагрейкаю.

Свякровь сидит улыбацца: “Видишь, как укач·иват”» [САМ, БАИ, с. Чумакино; СИС Ф2000-9Ульян., № 70].

Насмешка также присутствует и в нарочитом восхищении сломанной, негодной повозкой. «Вот этыт вот *А*вирьян Димитрич, дядя мой. Вот аднажды мы [сидели], вот тут ищо домик был вот, и едит, значит, мущина на лашадé из Астрадамовки врод*и* туды в Чилим ли куды ли. У нево павозка вся изломана, я ни знаю чаво! Санки какии-та или чаво. Значит, мы сидим тут и он [=Аверьян Дмитриевич] астанавливает иё: “Падажди-ка”. Тот астанавился. “Падажди-ка, в нашим калхози нет такой павозки, дай-ка я у тибя сниму эта [=чертеж], штобы сделать”. А уж ана никуды-нитуды! Он астанавился, выругался...» [КСП, КМА, с. Алейкино; СИС Ф2008-2Ульян., № 47].

Человек, умеющий шутить, мог легко разрядить конфликт, примирить враждующих, потушить скандал, только вовремя сказав или сделав что-нибудь смешное. «Вот иё всё застав*ляли*: “Ну-ка, Тоня, спляши, спой-ка Курмар!” Ну ана

выйдит эта вот, кривля*и*т ноги-ти. И руками, и ногами эдак сдела*а*т. Ну, пасмиёсси над ней. Я гаварю, вот в магазин придут женшч·ины, катора женшшина там, можит быть даже ни в духи придёт, ну, што-нибудь, можит, даже каторая расскандалицца, а ана выйдит вот и спляшит вот так вот. Вот ана песню нач·инала петь:

Ах, курма́р, шта́кир вирин вирика́н,
И курбина курбина́,
И курбина саздана́.

Ах, курмар, штакир вирин вирикан,
И курбина курбина,
И турбина саздана.

Ну, вроди рассмиюцца все. Ну, как-та, можит, ищо прибавит слов какех. Висёла*я* была. Шутница» [КНИ, с. Алейкино; СИС Ф2008-2Ульян., № 115-116].

Обстановка работы в коллективе обязательно рождала множество шуток. «Тагда как-та была эта вот, принимали шутку. Ну щас, мне кажецца, ни примут такие шутки, как раньши шутили. Раньши жи чё? Выхадили в поле и как чуть – сядут атдыхать и дремлют. Ну, то привяжут, то накрасют чем-нибудь, то намажут чем-нибудь – ну и смиялись. Смех был» [АРИ, с. Чеботаевка; СИС Ф2008-3Ульян., № 149].

Очень часто разыгрывали импровизированные сценки, имеющие злободневный сюжет. «Всяки шутки были. Бывала, тут звено, и атсель звено. Я в этим звене, а тут атсюды другое звено. Вот как к абеду два звена сходюцца, йих паднимают гармони играют, пляска, песнята́, припеванья. А адин ета мужик больна уж чудн**о**й. Тоже вот тут он жил, Петей звали, он щас в Карсуни живёт. Падвизли яво на машини, вроди бальнова. А я крыч·у: “У вас есть бальныи?” – “Есть, есть”. – “Ну, щас врач·и приедут”. Ишч·о машина идёт. Вылазиют две женшч·ины в белых халатах, и знаешь эта, бойкии. “Где у вас?” Я гаварю: “Да щас выйдит”. – “Давай яво сюды”. Я яво под руки, слезит, знач·ит, с машины. Ну, я гаварю: “Правиряйти, ч·аво у няво

балит”. – “А ч·ем он жалавацца?” – “Да хто знат? Весь, мол, никудышный”. Да, ладна, ани стаят. А народу, народу! “Скидай штаны”. Тот стаит, знач·ит, шмыг – штаны па етих. И другой. А ани, знач·ит, две. “Эта”, знач·ит, вазьмут патряпают ему. Ой! Пряма умирли со смиху! Ну, я гаварю: “Признали што ль каку балезнь-ту?” – “Да признали, нич·аво, до веч·ара, — гаварит, – даживёт и прайдёт”. Ну, ч·аво, ч·удили» [ВТС, с. Кадышево; СИС Ф2004-2Ульян., № 2].

Забавные происшествия могли послужить в последующем основой для шутки, понятной только в узком кругу, где были хорошо знакомы с ее подоплекой. «Или так ищо бываит, вот такая юмар. Так, вот адин пашёл там в мардва навадить эти, ну, касяки в канюшни. Ну, он плоха сделал, хазяин-та и гаварит: “Ваньк, Ванька, зайди-ка сюда”. Он зашёл, тот взял ево закрыл. “Ты миня за што?” – “Вот за то, што ты харашо сделал. Ни так делай”. Ну эта вот и гаварят: “Сматри, а то запрут как Ваню Шабла*е*ва в канюшню!” Ну вот такие, эта уже сваи [шутки]. Свой [юмор], он такой из жизни» [МСИ, с. Первомайское; СИС Ф2001-3Ульян., № 97].

Шутки не обязательно были рассчитаны на аудиторию, их могли произносить даже не желая, чтобы их услышали окружающие, если они были сомнительного свойства или содержали оскорбление. «У нас бабушка рассказывала, как дедушкиной плимянницы брат пашли на базар в Корживки. А у них жи [=татар] этат на христе-та, чаво у них на христе? Два палумесица. Дашли, гаварят, да Шлямаса-та и гаварят: “Вон, гаварят, у них на мичети два палумесица, на каждам палумесицы свинина, гаварят, анна “бесицца”. Свининна пизда, мол, бесицца. Ну, идёт проста (а хадили сялом), между сабой ани гаварили, а кто-та эта слыхал там, у двара стаяли. Думали, убьют яво! Ани свиней-т*а* жи ни любют. Думали, гаварят, убьют за эта» [ГНФ, с. Проломиха; СИС Ф2002-3Ульян., № 77].

У мужчин «подшкунивание» часто заключалось в балагурстве, состязании в острословии, в умении блеснуть в разговоре метким словом и «срезать» собеседника. Лавры победителя и одобрение компании доставались тому, кто мог

эффектно закончить разговор. «Ну как падшкунивали? Там скажут вот так: “Эх, у тибя и нивеста какая страшная, никрасивая”. Ну, там чиво-нибудь. “Да ладна тибе балтать, мне и такой хватит. Харашо, я люблю никрасивых, а то красиву-ту всё атабьют, а никрасиву-ту нихто ни тронит. А я люблю никрасивых”. Вот так» [ЧТП, д. Сосновка; СИС Ф2004-4Ульян., № 17].

В каждом сообществе обязательно находились люди, которые создавали вокруг себя атмосферу веселья и смеха, они имели репутацию «шутников» и от них ждали соответствующего поведения. Они умели увидеть в повседневности смешные стороны, перестроить любую обыденную ситуацию по законам комедии. Это качество обычно высоко ценилось окружающими, так как общение с ними доставляло радость и поднимало настроение. «Мне кажицца, эта самыи умныи люди. Да как жи, ниушта! Ч·ай, ну-ка все глидят на них, ч·удят ане, смиюцца, висилят. И пают, и пляшут, и скажут ч·аво-нибудь интиресна. Ну, можи*т* быть так в шутках што-нибудь: “Ты вот сам там, а я сама, – вот нач·нут. – Ты миня ни любишь, я тибя люблю, ты миня ни любишь”. Вот смиюцца, шутют жа, да» [ЕАЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-13Ульян., № 51]. Такие лица были незаменимы в различных застольях и компаниях, они превращали совместное времяпрепровождение в праздник. «В компании в детской, в девичьей, во взрослой надо, чтобы от человека была отдача. Если человек сидит ест, пьёт – никакого толка. Вот тот, что баянист тут, Михаил Иванович, и вот встретится и говорит: “А? Я вспоминаю вот всё наши встречи. Вот щас соберутся, напьются, наедятся, ну ни бесу ни басу! Никакого толку от них нет!” Всё время вот так возмущается. Ну ведь это на самом деле. Должна быть душа компании, должен человек отдачу какую-то производить» [ПВМ, с. Студенец; СИС Ф2007-5Ульян., № 2].

Память о таких людях сохраняется в течение десятилетий после их смерти, а рассказы об их шутках и проделках становятся со временем анекдотами и бывальщинами. Вот несколько воспоминаний об одном из жителей с. Русские

Горенки, который имел репутацию «шутника». Уличное прозвание – «барин», «барин Салатов» – он получил также в результате подшучивания. «Он шутник был (дедушка Петруха яво звали). Бальшой дарогай едут на лошади, он, гаварит, крич·ит: “Эй, падаждити, падаждити!” Астанавились. Он падходит, гаварит, яйцо аб калясо – хлоп! “Паижайти типерь”. – “Дурак”, – гаварят яму. <...> Чё-та астановяцца. Он гаварит: “У вас што ось-та в калисе?” [Те смотрят] Ну, дийствитильна, ось-та в калисе ана и есть. <...> Гаварит: “Визити, визити, а я за вас кряхтеть буду”» [СНА, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-3Ульян., № 34].

Во время масленичного катания на лошадях «барин Салатов» объезжал дома односельчан и у каждого произносил рифмованный приговор, который содержал шутку или насмешку над хозяином. Материал для этого он собирал в течение всего года, ему специально сообщали, кто в чем проштрафился. «Ну, вобщим, вот кагда эт пост, на маслиницу. Да, на праздник на маслиницу, тагда видь все шутили. <...> Нарижался мущина и яво возют, как барин он сидит. Ну, шутник был такой. Проста яво празвали “бариным”. Вроди развали́цца там на санях, на этих, там как эти сани были-та какии, розвальни. И падъижжают к каждаму двару, и вот он выходит и гаварит ну, пра каждый, он запаминат. Ну, съездил впирёд па сваем радным. Эти што там зятья делали – выпивали ли. Ну вот, видь кагда пост видь там, ни ели [скоромного], а кто, – скажит, – ел. Скажит: “Карову даил”, “А ты гарох варил яму”. Ну, вабще, пра всех чаво-нибудь. Или песню какую спаёт, пра каво-та сложит. Как барин едит па сялу и асуждат каждыва хазяина: “Этыт такой”. Ну вот, напасмиюцца да и всё. Канешна, он жи ни дасажал, а шуткими какими-та» [МИК, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-2Ульян., № 53].

В с. Новосурское вспоминают об одном жителе – Михаиле Гордееве, который славился остроумием. «Да такой интиресный был старик, Гардеив, Мишай яво звали. Адин раз адин мущина яму гаварит: “Ни знай, есть, Мишка, хужи тибя

хто?” А он гаварит: “Есть, Петька”. А он гаварит: “Хто?” – “Аллю́к ды твая баба!” “Аллюк” – тожи прозвище, женщину звали “Аллюк”. Две была сястры, йих звали “Аллюки́”, йим прозвище была. Ани уж были какии-та грязныя да как сляпыя. Адну-та “Аллюк” звали, а жана яво [=того мужика] – сястра ей этай. Вот он и гаварит: “Аллю́к ды твая баба!” Вот хужи йих нет» [БМВ, с. Новосурское; СИС Ф2002-16Ульян., № 38].

Кроме того М. Гордеев отличался способностью складывать стихи. Его называют автором стихотворения, в котором по порядку перечисляются все домохозяйства села с указанием отличительных качеств их жителей, частью положительных или нейтральных, а частью отрицательных. Этот текст М. Гордеев читал, когда «вот проста сабяруцца вот так, он и нач·ина*и*т. И все смиюцца».

Борька Жарков рысей бьёт,
Ванька Галкин шапки шьёт,
Вася Масин пажар тушит,
А Ваня Лисачёв с Таней рыбу глушут.
А тут жил у нас директар школы Василий Иваныч –
Василий Иваныч дитей уч·ит,
А Сиргей на гаре жил с Панкай –
Сиргей Панку сваю муч·ит. <...>

Ну, всё-всё вот падряд, падряд, падряд, и пра всех знал. Вот этыт мужик. Вот он нач·инал вон аттоль с Дирявушки [=начало с. Новосурское] и шёл вот прям да этава, сюды да церкви:

Тронька да Ронька,
Там Сарка, –
ну, “сарока”, вот иё звали.
Там Уварка, –
а ани Уваркины были. Фамилия йим. Вот.
Там Фединька асёл,
Там Спиряша да Казёл, –
рядам Казловы жили.
Фралкови-ти а́линьки,

Макаравы манинськи, –
ани манинськии были.
Филиле*е*вы-ти арда,
А Белавкины-ти мардва,
Тут Николя (вар.: Вот Миколька) удавец [=вдовец],
(вар.: Тут Ключёнкав – выдавец, – НИГ),
У Лясаги нет авец,
Тут живёт с краю-та мардвин,
(вар.: Тут Михайла мардвин – ГАМ)
А тут салдат Балдин,
Гарёвы-ти – лышники, –
лыки, за лыкими хадили, лапти плили.
Ваньцовы – барышники,
Сляповы – рыбаки,
Микиташкины – киляки. –
эт*а* грыжа.
(вар.: Лактеевы – вастрожники, –
ани в тюрьме сидели.
Дабыч·ины – сапожники. – ДКП),
Ой, а тут:
У Ярмоньки – палавинки, –
или жи двайниши какии-та были, близницы?
У Бихтяновых паминки...
(вар.: У Пантихи паминки,
У Чамаев палавинки, – НИГ)
Тут дальши, дальши, дальши. Тут:
Савельевы – нямы́.

Вот. Ни знаю. Дальши ни скажу. <...> Всех он падряд, идёт и всё с парай: эт такой-та, эт – такой-та. Ну, и складна у няво палучалась. Эт ни припевка, эт проста разга*вор*, так проста, как в шутку, што ли он» [БМВ, НЕИ, с. Новосурское; СИС Ф2002-16Ульян., № 38, 87; НИГ, с. Новосурское; СИС Ф2002-17Ульян., № 40; ДКП, с. Новосурское; СИС Ф2002-13Ульян., № 104; ГАМ, ЕЕД, ОМФ, с. Новосурск; СИС Ф2002-15Ульян., № 37].

Гордеев умел с выгодой для себя использовать природное остроумие и находчивость. «А он сидит, дядя Яша, гаварит: “А пра миня ни сложишь!” Он [=Гордеев]: “Давай спорить!” Паспорили на четвирть самагонки. Он [=Яша] гаварит: “Вот расскажи пра миня”. Он гаварит:

Мима Яши ключ тикёт,

Он двайной плитень плитёт.

А он всё плёл на агароди двайной плитень. Вот так, четвирть самагонки он паставил!» [БМВ, с. Новосурское; СИС Ф2002-16Ульян., № 38].

И после его смерти чтение этого стиха продолжало оставаться любимым времяпрепровождением у мужчин. «Вот ани [=мужики] вечирам сабяруцца и пратаскивают друг друга. А если петь-та будут, убьют жа, эт*а* прозвища. Нет, проста гаварили, ани вот вечирам сами сибя пратаскывают» [ЕЕД, ОМФ, с. Новосурск; СИС Ф2002-15Ульян., № 37].

Список информаторов

АРИ – Аникина Раиса Ильинична, 1938 г.р., родилась и проживает в с. Чеботаевка

БАИ – Борисова Анастасия Ивановна, 1923 г.р., родилась и проживает в с. Чумакино

БМВ – Бушова Мария Васильевна, 1924 г.р., род. из с. Елховка, прож. в пгт. Сурское

ВЕН – Воронкова Евгения Николаевна, 1925 г.р., родилась и проживает в с. Барышская Слобода

ВТС – Вахлаева Татьяна Сергеевна, 1912 г.р., родилась и проживает в с. Кадышево

ГАМ – Губчёнкова Александра Макарьевна, 1917 г.р., родилась и проживает в с. Новосурское

ГНФ – Гусева Нина Федоровна, 1929 г.р., родилась и проживает в с. Проломиха

ДКП – Добычин Константин Павлович, 1924 родилась и проживает в с. Новосурское

ЕАЯ – Еремина Анна Яковлевна, 1926 г.р., родилась и

проживает в с. Кадышево

ЕЕД – Елисеева Евгения Дмитриевна, 1918 г.р., родилась и проживает в с. Новосурское

КЕФ – Колесов Евгений Федорович, 1955 г.р., родилась и проживает в с. Большая Кандарать

КМА – Кудакова Мария Александровна, 1924 г.р., родилась и проживает в д. Алейкино

КНИ – Кудакова Нина Ивановна, 1928 г.р., род и прож. в д. Алейкино

КСП – Кудаков Степан Петрович, 1928 г.р., родилась и проживает в д. Алейкино

МИК – Миронова Ираида Каллистратовна, 1925 г.р., родилась и проживает в с. Русские Горенки

МСИ – Мезенков Семен Иванович, 1926 г.р., родилась и проживает в с. Первомайское

НЕИ – Нестерова Евгения Ильинична, 1928 г.р., родилась и проживает в с. Новосурское

НИГ – Нестеров Иван Григорьевич, 1930 г.р., родилась и проживает в с. Новосурское

НМН – Нарышкина Мария Николаевна, 1920 г.р., родилась и проживает в с. Кадышево

ОМФ – Отряскина Мария Никифоровна, 1913 г.р., родилась и проживает в с. Новосурское

ПВМ – Панова Вера Михайловна, 1941 г.р., род. из с. Студенец, прож. в пгт. Сурское

САМ – Сорокина Антонина Михайловна, 1915 г.р., родилась и проживает в с. Чумакино

СЛС – Сазонова Любовь Степановна, 1932 г.р., родилась и проживает в с. Астрадамовка

СНА – Сыров Николай Андреевич, 1932 г.р., родилась и проживает в с. Русские Горенки

СНФ – Свитов Николай Федорович, 1924 г.р., род. и прож в д. Кадышево

УАИ – Усова Анна Ивановна, 1918 г.р., родилась и проживает в с. Барышская Слобода

ЧТП – Чуднова Татьяна Петровна, 1925 г.р., род. из д. Сосновка, прож. в с. Котяково

И.С. Слепцова

ПОДШКУНИВАТЬ

Словом *подшку́нивать* в Присурье обычно обозначается подшучивание, розыгрыш, шутка в широком смысле слова, а в некоторых ситуациях также легкая, беззлобная насмешка. Подшучивания – это форма игрового поведения, тип шуток, целью которых является вовлечение окружающих в неформальные игровые отношения, а также дружелюбное заигрывание или подтрунивание. «Любила я падшку́нить над кем-нибудь. Ну, падшутить вроди, пасмияцца. Гаварят: “Падшку́нили над ней”. Патом смиёмся. А чо за слово? Разабрацца, ано где написана эта слова? Падшку́нить. Эта чаво эт? Падшутить, да, падшкунить» [СЛС, с. Астрадамовка; СИС Ф2008-1Ульян., № 76]. «Падшкунивать – падсмеиваисси там. Ну, сичас гаварят: с юмарам» [КСП, с. Алейкино; СИС Ф2008-2Ульян., № 18]. «Вот эдак станишь падсмеивацца, скажут: “Ну, хватит тибе шутить, чаво ты падшкуниваешь”» [МВД, с. Котяково; СИС Ф2004-5Ульян., № 20].

Широко распространенной разновидностью подшучивания является розыгрыш – игровая акция, инициаторы которой получают моральное преимущество при помощи обмана или подвоха. Цель розыгрыша – подшучивая над кем-либо, одурачить его, а заодно и поднять на смех, то есть элементом розыгрыша может быть насмешка. Розыгрыши применяются в самых различных жизненных ситуациях и с самыми разными намерениями и по сути очень близки к загадкам или «трудным задачам», задаваемым молодым на свадьбе. Инициаторы розыгрыша обычно не стремятся скрыть свои действия и открыто предлагают оппоненту поучаствовать в каком-либо действии, которое должно выявить его осведомленность. Смеховой, комический эффект розыгрыша заключается в выявлении зрителями (наблюдателями) несовпадения целевых установок исполнителей акции и ее организаторов (они нередко одновременно являются и

зрителями). Исполнители обычно попадают впросак, в приготовленную им ловушку, и бывают за это осмеяны и наказаны (их, например, обливают водой или вымарывают сажей). Близкой, но существенно отличающейся по прагматике формой игрового поведения является также дразнение.

Так же как и озорство, с которым они во многом перекликаются, подшучивания и розыгрыши часто имеют архаическую основу, уже не осознаваемую самими носителями традиции. Но, в отличие от озорства, они обычно направлены на конкретное лицо (реже группу лиц) и, как правило, окказиональны, не имеют календарно-обрядовой привязки и обрядовых целей, то есть не ставят перед собой задачи изменить окружающую реальность при помощи ритуально-магических действий. Кроме того, они не причиняют человеку какого-либо существенного материального или морального ущерба. Напротив, они часто имеют дидактическую (обучающую) направленность, то есть адресат подшучивания или розыгрыша получает в результате некую практическую пользу – новые навыки или новое знание.

Они были органичной частью многих молодежных развлечений и игр, а также являлись отдельным видом забав, практиковавшихся на посиделках. У девушек взаимное подшучивание часто проявлялось в форме особых частушек-«соперниц».

Объектом подшучиваний часто становились слабые, слишком доверчивые, иногда наделенные какими-либо изъянами люди, которые не могли соответствующим образом ответить насмешнику и тем самым давали тому возможность оказаться в более выигрышной позиции, выглядеть более остроумным, ловким, находчивым. «Ну, шутки-ти шутили все. Катора девка што-нибудь или паринь ни так развитай, эта вот над ними падшучивали. Вот так вот. Ну как-та ни мог, к примеру, за сибя пастаять, эта абизатильна яво клюют» [БРН, с. Сара; СИС Ф2006-36Ульян., № 10]. «Например, у нас одна всё принимала за чистую монету, что ей скажешь. Вот пришли мы, например: “Поставь самовар, Марина, поставь самовар”.

Самовар стоит на кухне, вода стоит на крыльце. Она кружкой таскает туда. Один парень говорит: “Ну ты чё оттуда таскаешь, нам тебя не видать. Ты поставь ведро сюда [ближе] на крыльцо”. Она приносит ведро, ставит на крыльцо. И продолжает таскать кружкой. Ну, все лежат! Вповалуху лежат все. Их замучивали таких, конечно. <...> Она всё принимала за чистую монету. Вот есть недостаток. Она сначала сделает, а потом дойдёт. “Ну, зачем меня просмеяли-то?” – скажет, например. После. “А ты не поняла? Тебе нарочно сказали”» [ПВМ, с. Студенец; СИС Ф2007-4Ульян., № 88].

Подшучивания часто практиковались по отношению к более младшим, особенно к детям. При этом они выполняли несколько функций. С одной стороны, неопытность и доверчивость детей вызывали у взрослых желание посмеяться над ними и тем самым доставить себе удовольствие, с другой – так старшие выражали ребенку свое расположение. Кроме того подшучивания служили и дидактическим средством: они в завуалированной форме знакомили ребенка с какими-либо реалиями, нормами поведения и т.п. «Вот такоя была. Вот, примерна, ну, рабятишки придут вот к пажилым-та, надаедят йим, ч·аво ли, так ли падшуч·ивали. Пашлют там: “Колька или Ванька ли, иди! Идити к этаму, к дяди Коли вот, спраси у няво: Дай мне та́ску и во́зку”. Да. Вон этат идёт: “Дядя Коль, дай мне таску да возку”. – ”Пагади щас, конч·у вот”. Салазки, бывала, всё делали, были избёнки, асобе были избёнки. “Щас вот я конч·у, тибе дам таску-возку”. Падайдёт к няму: “Ну, с ч·аво нач·инать? Плети што ль тибе? Или вязок вот, вязком тибя атхадить?” – “За што?” – “Да ты просишь”. Вот, эта была, эта ч·удили» [ЗМД, с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 31]. «[Принеси:] “Та́ску, во́зку и пыро́к!” Ну, он же ни паймёт што эта. Ну, паслали и паслали. Вот приходит: “Дай мне таску, возку и пырок”. Вот ему там за воласы, за уха патиребят. “Таску” – таскают, “возку” – вот павозят ево, “пырок” – вот пырнёт в спину, вот палучай и ниси. Он посли дагадаицца, што эта

“таска, возка и пырок”. Вот такии были» [ИИП, с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 144].

В подшучиваниях нередко обыгрывалось желание детей принять участие в работе взрослых, стать полезными, при этом использовали понятия им еще не известные. «Вот гаварят: “Иди-ка вон схади за кампрессией к саседу”. Асобинна кто миханизатар. А кампрессия эта значит, ну, в машине поршневая группа, знаете? В моторе поршень ходит. А вот пад поршнем и пад галовкай там кампрессия – воздух сжимаицца. “Вот иди, – гаварят, – с мишком, приниси кампрессии, што-та в машине кампрессия прапала”. Вот он придёт с мишком и там: “Дядя Вань, мне там паслал вот к тибе за кампрессией папка!” Как он кампрессию [сможет] нисти, эта жи воздух! Нет ничаво. Он гаварит: “Ну ладна, патом придёшь после, щас пака у миня нет”. Вот ево и ганяют. Эта вот шутки были. И вот в атряди-та, я же камбайнёрам был, работал сколька. Вот кто плоха учицца. Ну, чувствуишь, што чилавек што-та ни знаит, то ему: эта приниси, то эта приниси. Вот “кампрессия” эта уж асобинна [часто] как-та была игра» [ИИП, с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 143].

В подобных подшучиваниях в роли ребенка мог оказаться местный дурачок. «Ну как шутили? Работали раньше на току́, мы сезон-то учились, а сезон работали. Вот на току бабёнки над ним [=дурачком] тешились. Надоест он им тут. Пошлют куда-нибудь за чем-нибудь, за каким-нибудь паром. С ведром. Или за чем еще. Или где-нибудь чего-нибудь растёт. Он и пошёл, и ходит полдня. “Не нашёл где, – придёт скажет, – там ничего не растёт”» [ПВМ, с. Студенец; СИС Ф2007-4Ульян., № 89].

Вообще, для детей настолько притягательно было внимание взрослых, что они соглашались неоднократно терпеть боль, лишь бы принять участие в какой-либо совместной забаве. Приводимое ниже развлечение, устраиваемое взрослым мужчиной, на первый взгляд может показаться жестоким, если не принимать во внимание его амплуа «шутника» и общий шуточный характер его отношений с детьми. «Вот эта вот [был] Никалай Иваныч. Мы были пацанами. Вот он сабирёцца и гаварит (раздяваца дагала, про́стынью адявацца, ставит икону

– такой мужик был): “Давайти катайти!” Мы вместа лошади в эту калымагу и па всяму сялу. Вот он дирижироват, дирижироват: “Я, – гаварит, – вас атблагадарю!” А чем атблагадарить? Значит, кнутом. Вот будит ганять кнутом и всё равно идём. Ну, ка двару яво падвозим, всё: “Щас я вас, детки, атблагадарю!” Кислыи ранетки (вот “ришато” называлась, эта муку-ту сеили), ну, значит, яво – раз! – вытаскыват. Мы уже [настороже], уши у нас щас. Кинит! Мы сабирать, а он нас в этыт мамент кнутом будит хлыстать. Кинит и давай! Мы врассыпную, он кнутом нас и ганяет! Ну, зачем эта нам нужно было? Садов у нас было море, яблакав у всех, ну зачем нам [они]? Ради интиреса вот» [КЕФ, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-31Ульян., № 2].

Для молодежи было жизненно важно продемонстрировать качества, которые входили в число социально одобряемых: бойкость, остроумие, находчивость, веселость. Поэтому взаимные подшучивания, подколки, розыгрыши были доминирующей формой общения молодежи на посиделках, создавая особую атмосферу молодежной игры: «В келье, чай, смех какой-то нады делать» [РКС, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-35Ульян., № 64]. Этим объясняется и тот факт, что очень часто подшучивания и розыгрыши на посиделках не имели явно выраженной мотивации.

При этом действия не отличались особым разнообразием: обычно это было вымарывание сажей, поджигание остатков кудели (мочек), обливание водой, завязывание узлов на одежде и т.п. «Сидели в кельи-ти, так намажут руку-то вот незаметным образом, подойдут сзади или сбоку: “Ты мой хороший друг” или “Ты моя хорошая подруга”. Вымажут иё, и все ржут. Што ржут? И она вмести с ними. “Да ты чево смиеёсся?” –“Чево вы смеётесь, и я смиюсь”. Ну, а потом кто-то, значит, шепнёт: “Тебе намазали!”» [РКС, РАВ, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-35Ульян., № 64]. «Вот, например, шапку измазал сажий –“мая дарагая”. Ей ни видать» [СЛИ, с. Потьма; СИС Ф2005-19Ульян., № 28]. «Сажай-та мазали парни. В кельи. Эта парни мазали дивч·онкав. Да а зач·ем? А чёрт йих узнат. Ане чё-нибудь

скажут вот: “Чё у тибя тут висит?” – “Где?” [По лицу мазнут]. Вот и смиюцца: “Ба, ты што какая грязная!” Где там дивчонку какую намажут, падайдёт да ух всё, ух, засмиялась. Ба, скарей умывацца. А видь сажу тожи ни скора иё атмоишь» [ЧТП, с. Сосновка; СИС Ф2004-4Ульян., № 44]. «Ну вот девка намажит затылак и парню сядит [на колени] и абатрёт, харю-та намажит. Ну, ана падделат так, штобы намаракать. Ну так, шутили маненька, больши нечим была заняцца. Проста, ни то што вот там какая-та месть была да эта дела — нет!» [КАИ, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-28Ульян., № 44].

Значительная часть молодежных подшучиваний была обращена к лицам другого пола и имела характер заигрывания. Они применялись, когда хотели в оригинальной, привлекающей внимание форме продемонстрировать интерес к тому или иному человеку и выразить ему симпатию. Как правило, инициатором шутки выступал парень, а девушка выказывала ему только свое одобрение или осуждение. Подшучивания парней над девушками в основном были связаны с их работой: прядением, вязанием. Они тем или иным способом мешали их работе, чтобы обратить на себя внимание. «Бывала-та, ведь в келью-та идёшь, пряжу придёшь [=прядёшь], данцо́, гребинь, придёшь куделю. Вот придёт [парень], с каторым дружишь, вот на данцо-та ногу пирикинит, с табой и шепч·ит, и всё. А то вазьмёт да и зажгёт моч·ку-та эту» [САН, с. Кадышево; СИС Ф2003-5Ульян., № 31]. «Даньцо́, пряду. А кой рабяты-ти падайдут да спичкай зажгут, мочка-та и сгарит. Я сама пряла вот хадила. Сижу у Маньки у Киндиный, до́ньце у миня, гребинь, мочка, сижу пряду, пряду, дёргаю, вирчу. Ани падайдут да зажгут, хоп – и сгарит. Азаравали. Ну, шутют, шутют» [МВМ, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-20Ульян., № 88]. «Эта кудель-та сжыгали. Задумают азаравать рибятёшки, вазьмут да зажгут тут с гребня-та. Так, шутют» [ЛВН, с. Кадышево; СИС Ф2003-4Ульян., № 63].

В с. Валгуссы парни однажды подшутили над девушками, одарив их пряниками, сделанными из березового гриба – трутовика. «Пришли рабяты – ани лес рубили в калхози где-та

там, калхоз уж был. Вот, значит, эти вот трутни-ти белы-ти на деревьях-та, ани как пряники. А уж пряники всё-таки прадавали. Ани нарезали и там сгаварились вот. Пришли там, у адных не была дома радитилев, и начавать астались: жинихи с нивестами. Гаварят: “Мы нынчи были, нам нынчи пряники прадавали”. Ну, даст там пряничка два. Радёханьки! Прячим! Ани, рабяты, уйдут, а эти пряники какии? Трутни. Была дела, была, азаравали» [ЦАП, с. Валгуссы; СИС Ф2001-8Ульян., № 76].

Парню могли незаметно повесить «хвост» на пиджак. «Хлястики-ти были у всех, на проволочку вона на один-то конец повесишь эту тряпичку, а другем-то концом незаметно на хлястик повесишь. Вот и ходит трясёт хвостом-ти. И обратно тожи смех» [РКС, РАВ, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-35Ульян., № 64]. В с. Сара уснувшему парню подложили «невесту», сделанную из фуфайки, чем сильно напугали его. «Эта раньшы была. Эта вот мая сястра старшая, ана с дваццать пятава года, ани вот эта вот шутили, эта называицца “чудили”. Ну, у них вот адин паринь был, он придёт начавать, гаварит, толька дайдёт и тут же спит (на печке спал). “Я, – гаварит, – яво пришью”. И аднажды, гаварит, сделала (ана “чуди́ла” была), нарядила чаво-та там, два палена ваткнула в фуфайку в эту, голаву там как-та сделала, платком павязала, и с печки иё, гаварит, я вот эдак маненька пратянула туды да чаво-та яво разбудили. Он чуть, гаварит, ни в обмарак упал!» [ПТС, МАИ, с. Сара; СИС Ф2006-35Ульян., № 41].

Подшучивания могли выполнять функцию наказания за нарушение норм поведения или какой-либо проступок. Некоторые из них были вполне безобидны, как например, приводимые ниже случаи, в которых описывается наказание неумелой стряпуха, назойливого гостя или возчика – любителя выпить. «У нас адин мельникам вот работал, больна уж был такой [шутник]. Бывала, жана-та испичёт хлеб, што-нибудь корка-та атайдёт, ана сабираат там ужинать ли абедать ли ч·аво ли, он атрежит эту корку, ложки туды заталкаат пад эту корку. “Где у тибя ложки-ти?” –“Да батюшки, щас толька падала!” – “Ну, где жи, вот глиди, ни адной ложки нету”. Вот ни пики

такой хлеб. Да, в наказание. Вот такой был» [ЗМД, с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 32]. «У нас адин – ну, ани оба делали салазки – ну, адин к другому хадили: Никалай Чирвяков и Симён Павлав. Ну вот. Придёт к няму, а стулья были вон атрезаны [чурбаны], вот как ат дерива атрежут, работали на таких стульях. Вот адин раз он яму надаел, гаварит: "Дамой нада ужинать идти". –"Да пагади, Никалай Никалаич, пакурим давай маненька, да уж пайдём савсем дамой". Ну, бывала, хадили в зипунах, длинныи зипуны, широкии, этыт зашол, яво прибил гваздём. Ну, пакурили, пасидели. "Ну, айда, Симён Иваныч". –"Ну, айда таперь". – "Эх, ты миня, видна, к ч·урбаку-та прикалол тут". Вот смиялись всё над этим. И щас всё помнят йих» [ЗМД, с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 33]. «Едит, если где у магазина встанит, эта, выпиваат, яму гужи к аглобли пришьют [=прибьют]. Ну гваздями, гваздями. Или к дуге, или к аглобле пришьют. Дамой приедит, выпрягаат, никак ни распряжёт. Эта вот были шутки. Или ищо пашлёт жану сваю: "Иди распряги". А та выйдит распрягать, а... Ну, он на смех уж иё пашлёт, што ни сможит ана, он знаат, што там прибита» [КИД, д. Алейкино; СИС Ф2008-3Ульян., № 3].

В Присурье, в зоне давних и тесных этнических контактов, существовало немало взаимных подшучиваний русских и мордвы, русских и татар. Основой для них служили различия в языке, обрядах, этикете, в некоторых чертах материальной культуры, прежде всего в одежде. Подшучивания русских над мордвой практически не имели этнической специфики, так как эти народы сближало общее вероисповедание и многие черты культуры, хотя и бытовали дразнилки, специально адресованные мордве. С татарами же кроме языковых существовали более глубокие различия, касавшиеся в первую очередь религиозной принадлежности и связанных с этим особенностей быта. Наиболее распространенно было использование крестов: их чертили на земле перед идущими татарами или за ними, наклеивали на окна, бросали в ведра с водой, в источники и т.п. Причем этим занимались как подростки, так и взрослые. Характерно, что у

татар и русских часто было диаметрально противоположное отношение к одной и той же акции: русскими она затевалась как подшучивание или дразнение, а татарами воспринималась как оскорбление. «В седьмым класси учились вот в Тат[арских] Горенках. И наши рабятишки зашли и из бумажки нарезали и крясты на акошка-та налипили. Ане как зашли, [татарские] рабятишки-ти, увидали и к директару. Директар идёт, гаварит: “Кто налипил на акошки, идити сичас жи сабирити!” Рабитишки пашли убрали» [МВД, МНИ, с. Котяково; СИС Ф2004-5Ульян., № 15]. «Вот тут речка у нас, колодиц был. Вот мы падбижим, в вядро крест бросим. Ане [=татарки] яво моют, моют уж. А сами воду атнясут, бильё в этим же вядре тащ**а**т стирать» [МНС, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-2Ульян., № 48]. «Ну, бальшии уж были. Вот здесь вот гара вон там рядам, у них [=татар] ключ с этай с гары-та вытякат. Мы чё-та баранавали, што ли, вот, наверна, вясной, или пахали тут на гаре-та. Ане за вадой ходют. Ну и вот, эта, крест-та палажили в воду. О-ой! Мы ели-ели убижали. Ну, мы в гору-та влезли, аттуда уж в них камнями» [МВД, МНИ, с. Котяково; СИС Ф2004-5Ульян., № 16]. «Вот уж эта мае двоя рибитишки были и сестрин здесь летам-та жил. А из татарскай [=Татарские Горенки] паринь, он старши йих, ане хадили сюды на наш калодиц за вадой. И вот адин раз прибижал он как бешинный с карамыслам, этат татарин: “Где Шурка?!” – эта старшива сына Шуркай у миня. –“Убью я йих!” Он инда трисёцца вот так. Я гаварю: “Айся, Айся, што ты, што ты, за што ты йих?” – “Я йих убью!” –“За што ты йих?” Ане сделали из палачки крестик и яму в вядро в воду пустили. Он эти ведры бросил, вот и прибижал с карамыслам ка мне. “Я йих убью!” Я гаварю: “За што ты йих?” –“Ане мне крестик пустили в воду”. Я гаварю: “Айся, ты, видь, наверна, камсамолиц”. – “Камсамолиц!” Я гаварю: “Ну, и ты веришь? Ане тебе палачку бросили, ты веришь? – я гаварю. – Эх ты”. Успакоился. А ане убижали, ни панимают куда. Пришли, стала ругать-та. “А што, – гаварит, – он бесицца, падумаишь, палачку кинули”. Да, йим эта пазорна, ане всё-таки, татары-ти, рилигиозний русских-та» [БАИ, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-5Ульян., № 103].

Еще одна особенность татарского быта, хорошо известная русским – запрет употреблять в пищу свинину – также широко использовалась в подшучиваниях. «В дивчонках [я была], у нас дома парасёнычик сдох, нибальшой был парасёнак. Идёт татарка, и калодезь у нас у двара рядым, и я падшутила над ней. Ана кагда шла, эта я увидала и скарей взяла этава парасёнка, он дохлый, сдох у нас, и вот так пасадила, этава парасёнка-та, окала калодца. Мима маво двара ана бижит, эдак вот бижит татарка. Как наткнулась: “Ой!” – прыг взад! Ой, донгыз!” Парасёнак. Ани йих не ели раньши видь. Эта вот я раз толька падшутила. Ана прашла, а я уж убрала. Чё ж? Нада идти выкидывать» [КВН, с. Голышевка; СИС Ф2003-14Ульян., № 61]. «Эта азаравали, азаравали. Ой, боже мой! Дедушка-та с татарами работал, на пастаянке [=постоянной работе] всю жизню был. Работал там с ними вместе. Зарезали парасёнка, он “пятак”-та атрубил вот так и там каму-та в карман палажил. Смиялись, смиялись. Уж он [=татарин] сразу дагадался, што шутки. Все смиюцца!» [СНИ, д. Александровка; СИС Ф2004-10Ульян., № 72]. «Как абъидинились калхозы-ти, работали на горинскем поли и, значит, варил татарин, мущина. Ну вот. Или горински ли, или катяковски ли, ну вот яму в катёл-та и бросили жа свининая ухо-та. Да. Ну, а он стал разливать, или увидали татары или чаво ли, ну вот, ани чаво над ним делали? Он гаварит: “Я и ни видал, я ни клал!” Шутки, в парядки шутык, да» [МВД, МНИ, с. Котяково; СИС Ф2004-5Ульян., № 17].

Обычай татаркам удалять волосы с лобка послужил поводом для подшучивания одного татарина над группой колхозников, среди которых были и татары, и русские. «А скажут: “Эй, ты, татарка, у тибя брита”. Ну, сика брита. Ане ведь татарки-ти брили. Вот трактарист был у нас татарин. А он был с Уразавки, там окала Сасновки Уразавка, вот он с Уразавки был. У нас была диривянна ложка, и вот он адин раз и сказал: вот кагда татарка идёт в баню, ана эту ложку бирёт и в сику втыкат, и ана иё бро́ит. Мы эту ложку нихто в рот! Нихто не стали ей есть! А то ели все деревянной ложкай. И вот я: “Чёрт тибя сунул тут!” Ну вот, я гаварю, эту диривянну ложку

все закинули и сказали хазяйки: “Больши иё на стол ни клади!” –“Пашутил над вами, а вы!..” Пашутил, ну пашутил, а больши – всё!» [ЧТП, с. Сосновка; СИС Ф2004-4Ульян., № 20].

Незнание языка соседей, представляло хорошие возможности для подшучивания. Так, работавшая в татарском селе Стрельниково русская женщина, стала объектом шутки одного молодого татарина. «Он посли придсидатилим калхоза [был], из армии пришёл раниный в руку. Я гаварю: “Миня науч·и маненька”. Я гаварю: “И как мне, штобы палучч·е бы, ласкава, – я гаварю, – штобы я пришла и сказала: здраствуйте!” Там видь *ак*сакалы ходят, эти, татары больше, женщины меньши ходят, больше пажилые. <...> И вот он миня науч·ил: “Юбчи мене!” – Здраствуйте. Ну да, я и паздравствавалась. Я гаварю: “Юбчи мене!” Ани все глаза вытаращили, все хахоч·ут. Ну и всё. Я уж посли гаварю: “Чё эта? Я вас как здраствавала? Я вам сказала: здраствуйте, таваришч·и. На вашим языке”. Ну ани смиюцца. “Юбь!” – цалуйти меня. Ну, миня, канешна, ни абидили» [ОМЯ, с. Коржевка; СИС Ф2002-12Ульян., № 37].

Розыгрыши наиболее активно использовались при общении взрослых с детьми. Они имели при этом испытательный смысл, пробовали ребенка или подростка на прочность в разных обстоятельствах. Очень часто такого рода розыгрыши практиковались подростками, которые сами не так давно стали жертвой подобных акций. Для них это было средством повысить самооценку, а то обстоятельство, что им удавалось кого-либо провести – доказательством их взрослости. Они демонстрировали свое умственное превосходство, ставя ребенка в такие ситуации, когда всем, и ему тоже, становилась очевидной его «глупость». Если для старшего это было игрой, и отчасти средством самоутверждения, то для младшего –школой, в которой он учился разгадывать истинные намерения людей. Например, довольно широко был распространен розыгрыш, когда ребенку предлагали сесть или встать в какую-нибудь замысловатую позу, а старший, выйдя за дверь, обещал в точности ее описать. «Ну, как сказать, примерна Вы младший, я старший. Примерна, ты ка мне пришол в гости. Ну чево?

Шутишь, смиёшься, да. Ну, гавaришь: “Вот я уйду за дверь, а ты аставайся в комнати. Вставай как хошь, я тибе скажу, как ты стаишь”. Я выхажу за дверь, вот. Он встаёт, гаварит: “Я встал! Как я стаю?” Я яму гаварю: “Как дурак!” Ну, чево? Шутишь...» [ВНГ, ИИА, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-34Ульян., № 14, 52].

Аналогичный характер имели розыгрыши, в которых ребенка обманом заставляли залезть под стол. «Эта я тоже слыхала вот здесь [=в с. Кадышево], рассказывали. Заставляли. Колька Шигаев был? Сымяков Колька Шигаев был, в Кадышеви-ти был видь он? Яму сказали: “Ну-ка, скажи Колька: я ни дурак!” Он: “Я ни дурак! Я ни дурак! Ни дурак!” Ага. Вот яму сказали: “Колька, а пад стол ни залезишь!” – [“Что это не залезу? Залезу!”] Залез пад стол. А яму гаварят: “Ну вот, дураки толька лазят. Ты, – гаварят, – и дурак. Кричал: ни дурак, а пад стол залез, вот и дурак ты!”» [КВН, с. Голышевка; СИС Ф2003-14Ульян., № 62]. Иногда провоцировали произнесение под столом текста, который содержал непристойность, и потешались над несообразительностью ребенка. «Эта пад сталом вот тожи ни помню, ну, знаю, што пад сталом крич·ать как-та заставляли, крич·ать. Ана крич·ит, у ней выходит на матерна. Да, шутили, шутили» [НМН, с. Кадышево; СИС Ф2003-11Ульян., № 92].

Очень часто розыгрыши затевались с целью подвергнуть ребенка тому или иному физическому воздействию. Формы их при этом были различны, но результат всегда один и тот же: кто не сумел увидеть подвох и слепо доверился другому, тот оказывался наказан. Среди них известный розыгрыш с «показом Москвы». «“Видал Москву? Давай пакажу. Хоп!” – говорит. Вот так зацепицца за уши, подымут. “А-а-а! – орёт. – Больно”» [УАИ, ВЕН, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-32Ульян., № 25].

Некоторые розыгрыши являлись диалогом, в котором было важно знать правильные ответы. Неожиданно схватив ребенка за нос, спрашивали: «Дуб или вяз?» Если тот не догадывался об обмане и выбирал любой ответ из предложенных, то следовало наказание. «Скажут там: “Дуб”. –

“Тяни да губ”». И тянули нос вниз. «Если скажут: “Вяз”. –“Тяни да глаз”». Соответственно нос задирали вверх. «Ну, кричишь кали́ больна, да всё, закричишь: “Всё, больна, хватит!”» Надо было ответить: «Ни дуб, ни вяз», после чего следовала реплика: «Ни дуб, ни вяз, от носа отказ», – и нос отпускали [ЗАЕ, САЕ, с. Новосурское; СИС Ф2002-19Ульян., № 87].

Дотронувшись до пуговицы на груди спрашивали, что это такое, а потом тянули за нос неосторожно наклонившего голову. «Вот ткнёт в пугавицу он тебе, значит, датроницца: “Где вот, чаво эта у тебя?” Тебя вот за нос зацепицца. Или там што-нибудь ищо» [СНФ, с. Кадышево; СИС Ф2003-14Ульян., № 109].

Наказания могли быть довольно болезненными, например, в результате неразгаданного подвоха получали сильный ожог. «Ну, эта шутили. “Щас я тибе, этих, парасяткав наганю”. Туды [=в сени] ана выходит. Вот дужку вон накалит луч·инками, ана бижит и хватит – ана гаряч·а. Вот и смиялись» [НМН, с. Кадышево; СИС Ф2003-11Ульян., № 90]. «Всяки шутки были, доч·ка. Мы жили ни как сич·ас, ну, мы жили па-прастому. Вышлим иё в сени, а сами дужку луч·инками калить. Накалили, ана там пабыла. “Иди!” Другая сабражат, а другая ни сабражат. Ана аттоль идёт, зацепицца за дужку, ана горяч·а. Ну, ана зазява́ла [=закричала] и вот ей “парасяткав”, вот и смех. Эта всё детства была. А щас савсем другоя. Щас дети савсем па-другому живут» [НМН, с. Кадышево; СИС Ф2004-1Ульян., № 36].

Довольно часто наказанием служило обливание водой. «Да, всё эта было. А ковшик? Туды к паталку доржим яво, щас эта: “Ковшик примарозим!” А патом на ниё всё выльют. Ну, проста даржали, а патом выльйим на ниё: “Никак ни примараживацца!” Ну, сколька там в кавше вады. Вот какие шутки-ти были. Эт нам, можа, была па десить или па восимь лет. Вот детства-та всё наше была, а щас савсем другоя» [НМН, с. Кадышево; СИС Ф2004-1Ульян., № 37]. «”Хочешь я там [ковш приморожу]?” Ну, мы все говорим: “Ну-да! Ты што ты,

как это ты всё сделашь?” Рот розинешь...» [ИИА, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-34Ульян., № 53].

В некоторых розыгрышах еще отчетливо прослеживается их архаическая основа. Так, обещали «нагнать журавлей», то есть приманить и показать их, что по поверьям, могло принести счастье. «Падруга была, у них матири не была, ане жили с атцом, вмести мы в школи учились. Ну вот, в субботу: “Айда к нам палы мыть”. –“Айда”. Пришли. Адна мне равестница, а вон эта памаложи. Я пачарпнула кружку вады, в сени вынисла. Гаварю: “Кать, давай, я тибе в рукав журавлей наганю”. –“Как?” Я гаварю: “Как? Я, – гаварю, – вот в сени выйду, а ты вот ат платья-та рукав-та вон скинь да там прасунь. А я дверь-та затварю и патом у тибя журавли палитят”. Ну, эта ни будь дурная, скинула, прасунула рукав-та. Я ей туды кружку-та вады-ты и вылила. Ана и давай плакать. И эта [=старшая] уж ругать: “Надь, ну у ней больши-та платья нету, сминицца-та нечим”. – “Ну, ладна, чаво, щас высыхнит”. Ну вот, я ей “журавлей нагнала”» [МНИ, с. Котяково; СИС Ф2004-5Ульян., № 30].

«Журавлей» могли заменять «самолеты», что тоже было интересно ребенку. «Там, скажим, мана́ркой накроют, эта манарка, были раньши. Вы знаити, што такоя манарка? Жакетка. Вот пакроют иё: “Вот сматри в рукав! Щас там у тибя паявюцца, прям всё эта, палитят самалёты”. Ну, сдуру-ти пасодим, бух туда вады ей! Вот эдакими глупыстими занимались» [СЛС, с. Астрадамовка; СИС Ф2008-1Ульян., № 69].

Очень распространено было измазывание сажей. Мотивации при этом были разные. Обещали угадать, что человек ел: «Ево, значит, обнюхаат, а шапку, это, намазал сажей. “Ну чё унюхал?” Ну, так наобум скажит. А потом все со стороны товарищи смотрят: “Ха-ха-ха, ха-ха-ха!”» [ИИА, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-34Ульян., № 54]. Или обещали сообщить секрет: «Вот шапку здесь вот [=надо лбом] сажей намажит. Да. “Па сикрету я тибе вот скажу”, – ну вот, любапытнаму. Сикретничали. И весь день неумытый и праходит» [ЕИП, с. Большое Шуватово; СИС Ф2000-5Ульян., №

44]. Или предлагали вместе «помолиться»: «Ну вот намажит сажей эта [=руки]. “Малицца”. Вот. “Мались!” – по лицу ей намажут. Для таво, пасмияцца штобы. Дурач·ились, вобшшим» [СЛС, с. Астрадамовка; СИС Ф2008-1Ульян., № 70]. Или просто обнимали, выказывая радость при встрече: «То шапку намажут сажей, то ищо што. Ну вот шапку надел. Ну, падайдёшь: “Эх, ты хароший!” Абнимишь да галавой-та патрёшь. Ну, штоб пасмиялись, да и всё» [МСИ, с. Первомайское; СИС Ф2001-3Ульян., № 95].

Среди мальчиков, пасущих лошадей в ночном, обычным розыгрышем было прикрыть шапкой кучку навоза или кала и позвать товарищей, как будто бы посмотреть гнездо или птицу. «Паедим в начную, там вот, ну, аправится, скажит: “Иди сюда, гняздо нашол с яйцыми! Диржи, кабы птенчики ни убигли”. Туды вляпацца, вот тибе и всё» [ШАМ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-11Ульян., № 57]. «Эта была кой кагда. Да эта азарники акаянныи, азарники. Он напарол, кричит: “ди сюда, вот эта птичка у миня пад шапкай там”. Или гняздо нашёл, ни птичку. “Палязай вот”. Тот палезит... И паймал “птичку”. Азарники. У нас были случаи, ну редка, редка» [БВИ, ГАВ, с. Чумакино; СИС Ф2002-5Ульян., № 85].

Некоторые розыгрыши казались на первый взгляд полезными для жизни советами, дававшимися опытным человеком. Но неосторожное или бездумное следование им приводило к плачевным результатам. «Хадили за ягадами летам и вот какая-та ягада у нас есть вредная в лясу, я забыла как иё и называют. Старуха адна гаварит: “Вот этими ягадами мы натирались, штобы лицо была румянае”. Ну вот, я и натёрлась же. Тоже все натёрлись. У нас у всех распухли лица. Мама спрашиват: “Што эта у вас?” А мы ни гаварим. Так и ни сказали. <...> [Старуха сама] сказала: “Ани намазались какой-та ягадой. Я шла в лес и йим рассказывала, шты мы мазались вот этай ягадай”. А ни сказала, што с ниё балит» [МИК, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-2Ульян., № 74].

Многие розыгрыши выглядели как внешне простое действие, выполнить которое предлагали на спор. Если

спорящий проявлял недальновидность и не замечал скрытой для него опасности, его ждало наказание, нередко болезненное. Например, предлагали провести с закрытыми глазами спичкой в широкие ворота, которые делали из двух спичек или коробков. При этом спичку нужно было держать, прижав большим пальцем головку к шероховатой стороне коробка. В какой-то момент инициатор спора ударял по коробку, спичка от этого зажигалась и прилипала к пальцу, вызывая ожог. «Были у нас такие шутки. Ага. Вот эта так вота широкии ворота делали. Што: “Провидёшь ли ты с закрытыми глазами?” – ‘Ну што? Неужто я в такии широкии варота не проведу?’ – ‘Веди’. Вот спич·кой. И серу-та сюда прижимашь пальч·иком. Ага. Головкой прижмёшь спич·ку-ту. И, знач·ит, глаза закроишь. Тут как стукнут кулаком, спич·ка зажгётся, прилепицца к пальцу, ой-ё-ёй как обожгёсся!» [РВД, с. Сурское; СИС Ф2007-1Ульян., № 84].

Такой же характер имел розыгрыш, в котором подростку предлагали лечь на пол, а инициатор забавы обещал обвести его ухватом, в результате чего тот не сможет подняться. Подвох заключался в том, что обведя лежащего, он прижимал рожками ухвата его шею к полу. «Вот ляжишь на этыт, на пал, руки апустишь. Щас ухватым вот [обведу]... Вот, например, я падруги гаварю сваей: “Ты ни встанишь”. –“Ну да, ни встану! Встану”. –“Ни встанишь!” Ну, значит, ухват бирёшь, эта за шею-та вот так ухватам иё. Ана дийствитильна ни встанит. Ну, вот эти вот разныи вот безделушки» [СЛС, с. Астрадамовка; СИС Ф2008-1Ульян., № 68].

В целом, подшучивания и розыгрыши отучали ребенка или подростка от излишней доверчивости и формировали такие полезные качества, как самостоятельность мышления, предусмотрительность, независимость от чужого мнения, стремление опереться на свои силы и т.п.

Розыгрыши, практикуемые молодежью, во многом сходны с детскими и подростковыми, зачастую это одни и те же действия. В них сохраняется и даже усиливается провокация, стремление подтолкнуть человека к определенным поступкам,

вызвать желаемую для инициатора розыгрыша реакцию. Эта черта особенно актуализируется в тех ситуациях, когда они адресованы лицам своего пола, что связано с характерным для молодежи стремлением к состязанию, с борьбой за лидерство в группе. Наиболее ярко это проявляется у мужской молодежи. Предпочтение, отдаваемое парнями развлечениям такого рода, свидетельствует о стремлении к самоутверждению, к достижению высокого статуса, причем не только в своем кругу, но и в более престижном кругу взрослых мужчин. «Хто я! А ты? Мол, тибя нада затаптать. Значит эта, мол, я вот! Кум каралю, сват министру. Такии-та [=простые] ни будут насмихацца, а этат вот “хто я”, он сриди ни то што сваех сверстникав, ну рабят, ну и [взрослых]. Вот» [БРН, с. Сара; СИС Ф2006-36Ульян., № 11].

Среди календарных периодов и дат, для которых особенно характерен игровой тип поведения (см. еще Святки, Масленица, Вёсну провожать, Кузьминки), выделяется первое апреля, как день, когда предписывалось разыгрывать и обманывать друг друга. «Абманывают, например, в апрели: “Первая апрель, никаму, гаварят, ни верь!” А тибя так абманут! И плач·ишь, и всё, и... а хвать – нет нич·аво. И так бываит. Там крикнут: “Давай-ка иди, Надька, тибя крич·али вот кто”. Ай помнишь? Што к ч·аму? Пайдёшь: “Ты ч·аво крич·ла?” – “Ба, да я тибя и ни думала”» [САН, с. Кадышево; СИС Ф2003-5Ульян., № 46].

Розыгрыши в этот день допускались не только над ровесниками, но и над лицами гораздо более старшими, чем часто пользовались подростки и молодежь. «Вот адну старуху [обманули]. На первае апреля вот всё абманывают тут. Вот мы с падружкай нач·авали (у них на задах келья была), мы с ней нач·авали вмести. Вот: “Идём эта лёлю [=крёстную] абманим". – “Айда” – “А как мы иё?” – “А вот (а ани там в Сирёдки жили, а вот на этим парядки-ти иё плимянница жила), мы иё к тёти Кати давай пашлём”. А ч·еряпоч·ик ищо был, лидяшок [=лёд], первава-та апреля. Мы стукаимся: “Лёль!” –“Ай?” –“Иди, Катя Диянова при смерти!” –“А, батюшки! Хто вам сказал?” –“Мы щас там были”. Ана тут жи шубняк в адин рукав, в ступнишках,

пабягла. Пабягла к ней. Стук, стук. Катя-та выходит: “Ба, Лёля, ты што?” – “Да ты што! Мне сказали пра тибя, ты при смерти!” – “Как при смерти?” – “Вот так и так”. –“Кто тибе сказал?” – “Вот хто”. Утрам-та идём из кельи-ти, ана: “И нада вот, акаянныи вы эдакии, я инда насквозь прамач·илась, дабягла задахнулась”. –“Лёль, ты разви ни знаишь, вч·ара был первае апреля”. Вот эта вот азаравали» [ЗМД, с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 30].

«Первава апреля были эти. Да вот, адин, ну ищ тоже он парним был, а яво тётка больна любила в бане мыцца. А мать у ней жила на Низу, вот где Степан, там вот. Иё тётей Варей звали – мать-та у ней. А у миня сястра у них вот, у Стяпана, в снахах была. И он [=парень] миня насмутил: иди. И значит, этыт паринь-та миня упрасил: “Тибе ана паверит, патаму што ты ходишь на Низ туды. Ты, мол: там Машу пашли, мы нынчи баню топим”. Он мне это всё слажил, я, канешна, маложи яво была. Ну и чаво? Мне пришлось к ней идти. Я гаварю: “Тётя Маша, ты эта, тётя Варя как раз вышла и гаварит, што пашли Машу в баню”. А был холад такой! Халадно была. Ну, [она] пришла, а баня ни топлина. “Ты што, ты што, да я никаво и ни видала”. А проста я вот наврала. Патом-та, канешна, эта мне нихарашо. Вот да сих пор помню, што я абманула. Ни нады бы была так» [КНИ, д. Алейкино; СИС Ф2008-3Ульян., № 6].

«[Отец] очинь был шутник. Вот первае апреля, а он у нас и придсидатилим работал, и сельским, и калхозным придсидатилим, и уже кагда стал пастарши, бригадирам был. Ну, пайдёт наряжать [=давать наряд на работу] и абманывал вот всех вот так вот. Ну вот скажит там чё-нибудь. Адин у нас мущина (ну видь тагда жи не была адёжи, друг у дружки брали), ну вот адин мущина у другова взял [пиджак]. А он [=отец] как-то узнал, што на свадьбу он ушёл. Он [=отец] сидит и гаварит: “Вот вчера Тимофеич разадрался на свадьби, пинжак ему весь изрезали!” Тот: “Ох! На нём пинжак-то мой был!” –“Ну, там ни спрашивали, чей был”. Вот такими он этими» [АРИ, с. Чеботаевка; СИС Ф2008-3Ульян., № 144].

Часто у взрослых розыгрыши и подшучивания устраивались на работе, когда собиралось много народа и когда каждому хотелось блеснуть каким-либо талантом перед другими. Уже само это обстоятельство провоцировало людей на взаимные шутки. Как правило, они не имели каких-либо устоявшихся сюжетов и во многом зависели от находчивости и остроумия конкретного человека и реакции окружающих.

«Жнём там, я любила, штобы вечиром работать, я была бригадиркой. И вот с одной женшч·иной: “Айда, там будём до позново [работать]”. А у ней мужик на разъездным на дворе работал. Ну, с председателем. А тогда видь поджигали, да всё. И мы даже ноч·авали там [на работе]. Я зажму горло и крычу: “А-а! А-а!” Они гоняют, ишч·ут везде, ну кто? Приезжают: “Крыч·ала, слышали, –говорят, – ково-то душили!” – он домой-то придёт. А это жена-то [смеется], это ведь муж её, вот так. <...> А один раз это жнём веч·арок, идут с работы. Я лежу, вроде беременной притворилась. Да. Она встаёт: “Слушайте, вы из какой бригады?” –“Из третьей”. –“Пожаласта, скажите, вон женшч·ина муч·ицца. Пожаласта, пришлите лошадь”. Просит. За мной гонят лошадь, за “роженицай”. Оне не знали [что я не беременная], у нас и странний [со стороны] народ там работал. Оне едут, ну раз просили – рожаница. Вот эта была» [УЗН, с. Кезмино; СИС Ф2000-14Ульян., № 97-98].

В некоторых случаях в качестве подшучивания или розыгрыша могли применяться различные ритуальные и бытовые формы, например, запугивание. В первую очередь так поступали, адресуясь к детям. При этом использовались широко известные образы местной демонологии. «У нас была читыри яблани вот у нас на агароди. А маме бóльна уж была жалка, мы яблаки кабы ни сарвали. Видь, бывала, знаашь, какии были старики-та: “Яблаки да время [не рвите], сматрити: там Яга-баба! Пайдёшь на агарод, там Яга-баба!” Вот я пра сибя скажу. Мне мама сшила платья халставóя, на баку карман. Халставоя, холст пасконнай, сами выткали, а ано закрашино, да толста! Я палезла за яблакими, палезла и залезла я на ябланю. Залезла на ябланю, скарей рву, рву, а брат увидал, сел за гарадьбу да

[басом]: “Кума, а кума, ты чево делаашь?” А-а! Я как прыгну́ла! Как задела за сучёк этим платьим-та, у миня на баку карман, яво ни атарвёшь! И вишу. Я и ни слезу, я и ни взавьюсь – никуды. Кричу: “Ма-а-а-ма! Миня Яга-баба сичас съест!” Ана выбигла: “Чаво ты, ничистый дух!” Я вишу на платьи. Ана миня стащила, а он вышил да смиёцца: “Ищо ни палезишь!” Пугали...» [РАИ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-11Ульян., № 18].

Также с целью подшучивания могла использоваться имитация колдовства. «Обычно это уж вот перед Новым годом эти все проказы, значит. Те, кто помудрей-ти, начнёт придсказки такеи делать, это, россказывать: “Я от бабушки такой-то слыхал вот. Ну, дескать, мол, хочешь вот я щас напущу там, ну, кур в избу. Ты, мол, вот только не убегай, не бойся”. А тот сразу: “Как, – говорит, – так ты такую вещь сотворишь?” Ну, и вроди дрожит, мол, с испугом. Ну, вот, допустим, вот он надиёт шубняк, ну, старинную [одежду] там, накрывацца и вот там чё-то воркует, воркует. А заранее там договорицца, на дворе поймаат курицу, держит иё – пырх! Ну и опять с такем с испугом, кричит. Ну, вроди каково-та представления. Ну, кто напугаицца, убижит там уже» [ИИА, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-34Ульян., № 51].

У молодежи распространенным способом подшучивания было запугивание «покойником». При этом разыгрывались самые разные сценки: иногда просто демонстрировали «покойника» и вызывали этим удивление и испуг у ничего не подозревавших близких. «”Покойником” [наряжалась] это лет шеснаццать было, пятнаццать. Колоду вытащили, там мы у попа во дворе, я лёгла в эту, в колоду, цветами нарядили. Там сырени, сыренью уладили всё. У матери холсты утащила, вынисли. А женшч·ины сидели напротив: “Да батюшки! Со двора-то покойник!” Кинулись! “А ба! Да ты што!” Наряжалась...» [УЗН, с. Кезмино; СИС Ф2000-14Ульян., № 97].

Но гораздо чаще инициатор шутки стремился напугать окружающих, используя для этого и неожиданное появление, и устрашающую внешность «покойника». «В кладовой играли в эта, в карты, в пешки. В пешки в эдакии деревянны. А под

кроватью – у них были нары сделаны – там гроб. Эта я заметила этыт гроб. Старики для себя сделали. Играам в карты, а я всё-таки думаю: “Я их напугаю”. Один раз говорю: “Девч·онки, я уйду за жеребёнком нонче рано, ага, оставайтесь тута”. Вот оне все сошлись, я лёгла в гроб, как там зашвырялась! Оне и пошли! Вот было это дело, вот такие-то у меня шутки были. Озоровали» [УЗН, с. Кезмино; СИС Ф2000-14Ульян., № 99].

«А сын у миня ищо Колинька-та. Всё Лёсу боялись. Ага, Лёса Карманава, ана толька умярла, и вот начали пугать йих, рабят маих. Ане больна уж баялись рибятёшки, а уж бальшии были: Сашка уж мата́нился [=женихался] хадил, да и Калян бальшой. А старший, Саша, пашол в туалет на зады, а Колинька-та взял да скарее выбиг, тоже надел эту [простыню], как ей нарядился, у него была толька папиросина [во рту]. Да вот так вот – крыльими-ти и машит! “А я, – Сашка гаварит, – глижу. Мне, – гаварит, – видать в дырачку. Я, – гаварит, – сижу, блин! А, мамыньки! А-а, Лёса! Лёса!” Вот пугал. “Кабы папиросины не была, – гаварит, – я бы, мама, ни знал, [что это брат идет]”. <...> У двара была у нас машина – Минька Шигаев вот приехал выпимши. А у нас умярла саседка (саседка Лёса Карманава, ну, эт давно дела-та была), ана умярла. Минька-та кагда приехал, а сын у миня, Колинька-та, взял да простынь белую накрыл и идёт. Идёт и вот так вот [руками машет] – яво пугать. Пугать. Он [=Минька] как в машину, эта, сел в машину да гаварит: “Вот! Хер миня вазьмёшь в машини-ти!” И вот заводит машину-ту. Да-да-да. А Колинька-та патом: “Дядя Мишь, дядя Мишь, эта я, эта я!”» [КВН, с. Голышевка; СИС Ф2003-14Ульян., № 63].

Иногда для розыгрышей с «участием покойника» старались заманить на кладбище. При этом не исключались взаимные подшучивания. «Сам рассказывал, муж мой. Спорили там: “Ты на кладбище ночью ни пайдёшь!” – “Пайду”. Пашёл, а у атца был (атец работал директором, и всем) у нево наган был, кто-та в ревалюцию падарил. Ага. “И вот я, – гаварит, – иду эта на кладбище-та, а ане, гаварит, все в прастынях! За мной. И

машут руками. А я, – гаварит, – как стрельну! Ане, гаварит, убижали без ума! Сами напугались, убижали. Патом прибижали, – гаварит, – дамой. Я иду: “Ты, Витька, гаварит, зачем?” – “А вы зачем?” <...> Знал, што ане будут пугать, я, – гаварит, – взял у атца тихонька украл наган-та и стрельнул. Ане и бижать! Куда, – гаварит, – и прастыни палители”» [АРИ, с. Чеботаевка; СИС Ф2008-3Ульян., № 153]. «Рабяты пашли на кладбище – паспорили ани [с девчонкой]. “Я, – гаварит, – пайду ночью на кладбище”. Ну, паспорили. А адна дивчонка была, ана накинула на сибя простынь, “пакойникам” наридилась, и впирёд йих на кладбище. Ани идут, к кладбищу падходят, ана выходит из кладбища. Вот ани падали́сь! Ага. Праспорили» [МПИ, с. Проломиха; СИС Ф2002-4Ульян., № 32].

В качестве подшучивания друг над другом взрослые также прибегали к запугиванию. «Я бальшинство всё пугала. Вот у миня эта снаха у нас, ана такая бая́зливая. Вот чуть смеркницца, ана пайдёт, а я за ней следам. Чо-нибудь накину, малахай махнатый или ч·аво – иду с бадагом. И ана бижит, я за ней, ана бижит. Вот люблю вот я в природе пугать. А то вот один раз вылизла в акошка, сын ищо был вот, и стуч·у. Ани ни видили, как я вышла. Тожи пирипугались, ни знаю как. Вот люблю шутить, пугать вот. Всяч·иски была. Вот эта мне удавольствие была. Наряжусь вот, люблю нарижацца ч·ем-нибудь, шо́баны на сибя накину, или ваенным, или фуражку, или шапку. И пайду чо-нибудь пугать вот так па дварам или вдоль парядку. Любила я падшку́нить над кем-нибудь. Ну, падшутить вроди, пасмияцца» [СЛС, с. Астрадамовка; СИС Ф2008-1Ульян., № 76-77].

Инициатор шутки часто выстраивал ситуацию, приближенную к реальности, разыгрывал спектакль по своему сценарию, и затем смеялся над тем, что взрослые люди всерьёз верили в обман и пугались. Например, в пгт. Сурское одна из жительниц – З.Н.Устинова, разыграла своих соседей, инсценировав нападение бандитов, требовавших деньги, полученные за продажу телки. «Адин раз мы с адной [=с Нюрой] работали, баню тапили, вот в старой бани-ти работали.

И ани прад**а**ли тёлку. Прадали тёлку, а ана [=Устинова] к ним за малаком хадила, малака пакупала, и узнала, што тёлку-та ани прадали. Ана наридилась ва всё бела и к акошку падходит и гаварит: “Давайти мне деньги, а то я вас щас всех пирибью!” И вот, значит, ана эдак-та йих напугала. А я думаю, што ана ни идёт, тётя Нюра, тапить-та? Думаю, наверна забалела, нада затапить иё-та баню (а тапили дравами, вот такии галланки были). Ну вот. Ана [=Нюра] уж идёт, светло. Я гаварю: “Ты чаво, тётя Нюра?” – “Да чаво, какеи-та бандиты к нам хатели. Давай деньги, вот [велели] в дыру класть, и всё”. А ана [=Устинова] посли-ти гаварит: “Маруся, эта я видь йих напугала!” Я гаварю: “Да ты што? Ане так напугались”, – я гаварю. – “Да ничево ни сделалась йим. А деньги, – гаварит, – ни вынисли мне”. Посли-ти я тёти Нюри гаварю: “Тётя Нюра, вроди тётя Зина была”. – “А, батюшки! Эта чё эта ана эдак дадумалась!” Так ни абидились ане, нет, ни абидились на ниё» [ИМФ, с. Жемковка; СИС Ф2007-4Ульян., № 35].

В с. Новосурское одна из жительниц устроила целый ряд розыгрышей, в которых использовала чучело. В этих местах его называли «Андрюшей» и обычно наряжали на проводы весны. «У нас вот, ну, гадов пять [назад], наверна, эдак Кадрия-та стрелинская [=из с. Стрельниково] наридила эта [чучело]. Татарка. Ну, вот я даяркай работала, ну, ана наридила яво [=чучело] этава. И гаварит мне: “Иди, Маня, выключай эта там дойку”. И я пашла, а он [=чучело] сидит. Я думала, эта чилавек. Я как закричу: “Караул!” Пуга́ла. Да, ана, знаешь, чево сделала? Наридила яво [=чучело] и пашла в правленья. Пасадила яво на места бригадира. Сидит в фуражки, в шапки, ручку. Руки, знаешь, вот да сих пор вот, эти, красныи, пирчатки яму надела и на голаву-ту шапку надела. А тут всё сделала красна: щёки и [лицо]. Он сидит. Ага. Нинушка тагда тоже напугалась и Катюша. Ну, ана заходит и гаварит: “Здрасьти, Михал Александрыч”, – и дала яму ручку. А он малчит! Ана как закрычит!» [ЛМС, ГАМ, с. Новосурское; СИС Ф2002-14Ульян., № 79].

Ей удалось переполошить чуть ли не все село, положив в сумерках чучело около дома. Жители приняли его за замерзшего человека. «А патом ана наридила яво [=чучело] и принисла вот, где Вы были, в саседний дом и палажыла яво у двара. Шура идёт, эта саседка мая, гаварит: “Маня!” – “Што?” – “Айся видь замёрз”. – “Где?” – “У маво двара лижыт. Айда, Айся замёрз". Ну, и тут все сбулга́чились! Я скарей пабягла. Я, мол: “Да эта, наряжаный, “Андрюшка”. Чучила!” Ана пирчатки яму надела, всё, ну как чилавек и ноги вот так раскинул. [Айся – это], ну, проста “прастой чилавек”. Эта татарска. Па-русски завут яво Вася, ну, а па-татарски Айся. Ну, и мы так все: Айся и Айся. Ана гаварит: “Эта Айся замёрз”. – Я мол: “Ты што?” Я мол: “Ниужели он к тибе ни стукался?” –“Нет, гаварит, ни стукался”. А тямно. Да я, мол: “Эта Андрюшка!” Лижыт в саломи. Ана набила в штаны-та саломы и шапку надела, падпаясала, рубашку и всё. Вот и азаравали. Зимой. Проста ана пугала нас тута, шутила. Заловка иё, тётя Наташа, [потом] принясла и на дарогу яво палажыла. Яво машынами развизли [=раскатали]» [ЛМС, ГАМ, с. Новосурское; СИС Ф2002-14Ульян., № 79].

Иногда для подшучивания использовали персонажей местной мифологии, например, пугали «русалкой». «Да, эта вот в поли, бывалач·а. Палоть видь хадили, пшиницу палоли. Пшиницу, проса сеяли, палоли хадили. У лесу всё палднявали, абедали, в лес в халадок забивались. Адна вот была шутница Ефрасинья-та Лужонкава. Ана раскасматицца, всё нагал**а** скинит и выходит из лису-ту. Распустит космы-ти, выйдит, пугать вроди. Всё на свети сымит, дагала всё. Ну, адны бабы, бабы адны. Вот на ч·итырёх нагах выпалзит как-нибудь. “У-у”, – зарыч·ит. Да. Ну, как вроди, как сказать тибе? Эти русалки-ти, вот всё калякают, русалки вот космы-ти распускают, гаварят. Я ни видала, мне ни прихадилась, вот сто гадов даживаю и ни знаю, што за русалки. Ну, каторыи, ни в разум каторым, напугаюцца, канешна. Ана спряч·ицца, зайдёт в кусты-ти, разбирёцца и вылизит. <...> Сайдуцца, хахоч·ут все» [ЕАЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-13Ульян., № 47].

Если для молодежи взаимные подшучивания и розыгрыши были в какой-то мере характерным типом поведения, то у взрослых чаще выделялись своего рода профессионалы, которые исполняли роль «шутников». О том, что эти люди были очень важны для общества, свидетельствует тот факт, что о них долго помнят после их смерти. Например, в с. Русские Горенки рассказывают о человеке, которого все называют по-уличному «барин», «барин Салатов», он получил это прозвание также в результате подшучивания.

Во многих вариантах существует рассказ о том, как «барин Салатов» заговаривал зубы. «Яво так и звали: “барин Салатов”. Ну, он шутник был. И он всё знал. И пра няво сказали вон: “Иди, гаварят, вон “барин” зубы загавариват. Он знат, как”. К няму падашли: “Дядя, загавари мне зубы”. – “Давай, давай, загаварю. Давай, садись (с шуткими апять): Губы, губы, што дражити? / А вы, зубы, што малчити?” Ну, шутник был. Никагда он ни сирдился ни на каво, хоть над нём падшучивали, и он надо всеми шутил» [МИК, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-2Ульян., № 84]. «Адин мужик больна уж был гарячай и у няво забалели зубы. Ну, где-та в поли были. Забалели зубы. Вот он: “Ой, ой, ой”, – больна уж балят сильна. А “барин” гаварит: “Давай, – гаварит, – я тибя щас выличу”. – “Как дядь? Пажалуйста, памаги!” – “Павтаряй за мной: Зубы, зубы”. Тот павтарят. “Што балити?” И этат павтарят. “Х... ли вы, губы, глидити?” Он, гаварит, как вскачил! Как схватил яво! Яму больна, уж у няво тирпения нет никакова, он думат, он правду яму паможит, а тот вот так вот. Вот, гаварит, яво схватил и начал яво тряпать» [БАИ, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-5Ульян., № 112].

Вообще, ситуация лечения неоднократно использовалась для розыгрышей. Так, одна молодая женщина стала жертвой шутки, устроенной ее родственницей, оказавшись обманутой на 500 руб. (в ценах до 1991 г.). «Наша нивестка хадила [лечиться]. Вот слушай. “Изжога, изжога, ехал мужик от бога, кабыла упала и изжога прапала”. И ана [=невестка] атнясла пятьсот рублей и

боле ни пашла!» [КМИ, с. Чумакино; СИС Ф2002-7Ульян., № 26].

Характерной чертой людей-«шутников» было умение быстро оценить конкретную ситуацию и использовать ее для разыгрывания окружающих так, чтобы те не заподозрили подвоха. Вот несколько воспоминаний о таких личностях. В пгт. Сурское рассказывают о розыгрышах, устраиваемых Зинаидой Николаевной Устиновой. «Вот раньше был дефицит золота, цепочки. Она госбанским девчонкам звонит: "Да батюшки! Да приходите ко мне, я вам сколько угодно, у меня есть. Приходите, я вам продам". Ну, они пришли, она им стол накрыла, всё по делу, сидят. "Ну, давай, где цепочки, показывай". Она несёт цепи вот, привязывать там собаку, скотину. Она кучу принесла и положила им среди полу» [ПВМ, с. Студенец; СИС Ф2007-5Ульян., № 2].

В с.Чеботаевка вспоминают об Илье Лямине. «Эта мама [рассказывала]. Как я, гаварит, вышла [замуж] к ним, к Ляминым (Лямины мы были), гаварит, а в саседях жили муж с жаной. А он [=муж] (раньши жи ухадили на работу, щас уходят мущины на заработки, и тагда ухадили), ну он ухадил на заработки. А он [=отец] увидел, што он с заработкав пришёл, вечерым падашёл к акну и кричит: "Настя, я пришёл, пусти!" А мущина-та [=муж], ты што! Ма! Ага. Мама гаварит, ага, ана [=жена] пришла и жалуецца: "Эта Илюшка, больши некаму". А этыт, гаварит, свёкыр взял, гаварит, кнут да ево кнутом за эта. Вот он так шутил» [АРИ, с. Чеботаевка; СИС Ф2008-3Ульян., № 146].

В с. Котяково тоже рассказывают о подобных шутниках. «Хазяин [=муж], што хошь наплитёт. Белаводавски пришли муж с жаной двух гусыняв искать: "Нет ли продажных? Ни знашь у каво?" Значит [говорит]: "Пашли к Кругловым, у яво". Ага. А ане [=Кругловы] здаравенны женщины-ти! Ане вот! Адна другой толщи, мать с дочирью. Ага. Пришли: "У вас, гаварят, гусыни есть?" А Круглов-та, он тожи спятил [=понял]. Ага. "Есть. Вот адна гусыня маладая, вот старая". Ага. Сразу спетрил. "А хто тибя паслал?" – "Вот Кливачёв". – "Ах, ети

яво!”» [КПИ, с. Котяково; СИС Ф2004-4Ульян., № 90]. «Ну вот, а наш-та [=муж] ишчё паслал. А искали бычка. “Ну вот, – гаварит, – вот где бычок-та здаровый”. А Василий Цыкорин был, он здаровый был мущина-та. Яво и звали “Василий Цыкорин – божий бык”. Про́звали эдак. Он здаровый был, а рядам-та был [низкорослый], всё и калякали: “Васёк Ларин, как татарин, а Цыкоря – божий бык”. Приходют, а он асердился: “Эта хто вас, ети!” Уж в мать паслал. “Мы, – гаварит, – ни знам, вот тут, – гаварит, – живёт мужик-та”. Ага. Чу́дили жи, чу́дили» [КПИ, с. Котяково; СИС Ф2004-4Ульян., № 92].

Розыгрыши и подшучивания обладают кумулятивным свойством, то есть вызывают аналогичное ответное поведение, вовлекают его участников в своеобразное соревнование в остроумии, находчивости, оригинальности. В качестве примера приведем рассказ о З.Н. Устиновой, которая, превращая в шутку любую ситуацию, заставляла окружающих принимать этот стиль общения.

«Ну вот, подружка моя была, Махрина Александра, и вот, значит, они жили в доме и вдруг звонок (ну, там праздник какой-то, я уж не помню с чем это было связано), она открывает дверь, в калитке, значит, петушина голова на этой, на щеколде, с курящей сигаретой. Она, Зинаида Николаевна, пришла, нажала на звонок, эту голову посадила. Ну, ладно. Вот, а после этой петушиной головы Шура и говорит: “Погоди, я тебе устрою”. А они, значит, муж ездил на рыбалку (уж есть, рыба какая-то на ужа похожа, чёрная – угорь). И вот она принесла потихому и их выпустила на кухне. Та [=Устинова], пока дома сидели, пошла на кухню, как свет включила, они вот эти клубком-то, она и упала в обморок. Шура говорит: “Я так напугалась, батюшки, не дай-то бог, что случится, что произойдёт”. Ой, ну невынасимо, и смех и грех!» [ПВМ, с. Студенец; СИС Ф2007-5Ульян., № 1].

В с. Котяково игровое состязание разворачивалось между Василием Цикориным и мельником. «Ну, а там адин ходит [ищет быка], яво [к Василию] послали. Василий, как яво уж очиства, он здаровый тожа. “Мне вот так вот сказали, у вас

прадаёцца бычок”. – “Кто вам сказал?” – “Вот на мельнице, мельник”. Вот [чтобы] пасмияцца, паслал за быком. <...> А патом кто-та спросил: “Сабаку бы где эта мне найти”. А он [=Василий] тожи: “Иди, на мельнице хароша сабака-та. Ане иё, можит, прададут”. Ну вот, пришли: “У вас сабака есть лишняя?” – “Нет, я ни лишняй!” Да, и он, как сабака, вроди. А тот [=мельник] над нём падсмиялся, правадил, а он [=Василий] уж к няму» [МВД, МНИ, с. Котяково; СИС Ф2004-5Ульян., № 19-20].

Список информаторов

АРИ – Аникина Раиса Ильинична, 1938 г.р., родилась и проживает в с. Чеботаевка

БАИ – Борисова Анастасия Ивановна, 1923 г.р., родилась и проживает в с. Чумакино

БВИ – Бутусов Виктор Иванович, 1931 г.р., родилась и проживает в с. Чумакино

БРН – Брыкина Раиса Николаевна, 1921 г.р., род и прож. в с. Сара

ВЕН – Воронкова Евгения Николаевна, 1925 г.р., родилась и проживает в с. Барышская Слобода

ВНГ – Волгин Николай Григорьевич, 1937 г.р., родилась и проживает в с. Сухой Карсун

ГАВ – Гордеев Андрей Васильевич, 1919 г.р., родилась и проживает в с. Чумакино

ГАМ – Губчёнкова Александра Макарьевна, 1917 г.р., родилась и проживает в с. Новосурское

ЕАЯ – Еремина Анна Яковлевна, 1926 г.р., родилась и проживает в с. Кадышево

ЕИП – Ершов Иван Павлович, 1925 г.р., род. из с. Большое Шуватово, прож. в г. Инза

ЗАЕ – Заева Александра Васильевна, 1929 г.р., родилась и проживает в с. Новосурское

ЗМД – Замошникова Мария Дмитриевна, 1929 г.р., родилась и проживает в с. Потьма

ИИА – Игумнов Иван Андревич, 1930 г.р., родилась и проживает в с. Сухой Карсун

ИИП – Ильин Иван Петрович, 1932 г.р., родилась и проживает в с. Потьма

ИМФ – Иванова Мария Федоровна, 1934 г.р., род. из с. Жемковка, прож. в пгт. Сурское

КАИ – Колчин Александр Иванович, 1930 г.р., родилась и проживает в с. Большая Кандарать

КВН – Круглова Валентина Николаевна, 1936 г.р., род. из с. Голышевка, прож в с. Кадышево

КЕФ – Колесов Евгений Федорович, 1955 г.р., родилась и проживает в с. Большая Кандарать

КИД – Кудаков Иван Дмитриевич, 1934 г.р., родилась и проживает в д. Алейкино

КМИ – Кончева Мария Ивановна, 1919 г.р., родилась и проживает в с. Чумакино

КНИ – Кудакова Нина Ивановна, 1928 г.р., род и прож. в д. Алейкино

КПИ – Клевачёва Пелагея Ивановна, 1924 г.р., родилась и проживает в с. Котяково

КСП – Кудаков Степан Петрович, 1928 г.р., родилась и проживает в д. Алейкино

ЛВН – Лазарева Вера Николаевна, 1916 г.р., родилась и проживает в с. Кадышево

ЛМС – Лисачёва Мария Степановна, 1936 г.р., родилась и проживает в с. Новосурское

МАИ – Морозова Анна Ивановна, 1926 г.р., родилась и проживает в с. Сара

МВД – Монахов Василий Дмитриевич, 1925 г.р., родилась и проживает в с. Котяково

МВМ – Мясникова Валентина Михайловна, 1916 г.р., родилась и проживает в с. Большая Кандарать

МИК – Миронова Ираида Каллистратовна, 1925 г.р., родилась и проживает в с. Русские Горенки

МНИ – Монахов Василий Дмитриевич, 1925 г.р., родилась и проживает в с. Котяково

МНС – Миронов Николай Сергеевич, 1920 г.р., родилась и проживает в с. Русские Горенки

МПИ – Маркачёва Прасковья Ивановна, 1921 г.р., родилась и проживает в с. Проломиха

МСИ – Мезенков Семен Иванович, 1926 г.р., родилась и проживает в с. Первомайское

НЕИ – Нестерова Евгения Ильинична, 1928 г.р., родилась и проживает в с. Новосурское

НМН – Нарышкина Мария Николаевна, 1920 г.р., родилась и проживает в с. Кадышево

ОМЯ – Онина Мария Яковлевна, 1918 г.р., род. из с. Коржевка, прож. в с. Проломиха

ПВМ – Панова Вера Михайловна, 1941 г.р., род. из с. Студенец, прож. в пгт. Сурское

ПТС – Петрухина Таисия Степановна, 1933 г.р., родилась и проживает в с. Сара

РАВ – Рымбаев Александр Васильевич, 1938 г.р., родилась и проживает в с. Сухой Карсун

РАИ – Ралле Александра Ивановна, 1924 г.р., родилась и проживает в с. Чамзинка

РВД – Романова Валентина Дмитриевна, 1932 г.р., род. из с. Барышская Слобода, прож. пос. в Сурский

РКС – Рымбаева Клавдия Степановна, 1929 г.р., родилась и проживает в с. Сухой Карсун

САЕ – Савельева Александра Егоровна, 1938 г.р., родилась и проживает в с. Новосурское

САН – Старкова Анастасия Николаевна, 1919 г.р., родилась и проживает в с. Кадышево

СЛИ – Сизов Леонид Иванович, 1933 г.р., родилась и проживает в с. Потьма

СЛС – Сазонова Любовь Степановна, 1932 г.р., родилась и проживает в с. Астрадамовка

СНИ – Столыпина Надежда Ивановна, 1932 г.р., родилась и проживает в д. Александровка

СНФ – Свитов Николай Федорович, 1924 г.р., род. и прож в с. Кадышево

УАИ – Усова Анна Ивановна, 1918 г.р., родилась и проживает в с. Барышская Слобода

УЗН – Устинова Зинаида Николаевна, 1912 г.р., род. из с. Кезмино, прож. в пгт. Сурское

ЦАП – Цыпина Анна Павловна, 1925 г.р., родилась и проживает в с. Валгуссы

ЧТП – Чуднова Татьяна Петровна, 1925 г.р., род. из д. Сосновка, прож. в с. Котяково

ШАМ – Шубин Александр Михайлович, 1924 г.р., родилась и проживает в с. Чамзинка

ШНА – Шмакова Надежда Андреевна, 1925 г.р., род. из с. Гулюшево, прож. в с. Полянки

И.С. Слепцова

БАУКАТЬ

В Присурье укладывание ребенка спать, включавшее в себя качание в колыбели и пение, обычно называлось *баукать, прибаукивать, качать, укачивать*, иногда *люлю́кать* (сс. Новосурское, Проломиха), а исполнявшиеся при этом песенки – *колыбельные* или *колыбельницы* (с. Валгуссы). Часто употребляли и характерные для других песенных жанров наименования: *прибаутки*, *приговорки* и даже *причётки* (с. Чумакино). Колыбельные песни – один из жанров фольклора, который с равным правом можно отнести как к взрослому (материнскому), так и к детскому. К взрослому – потому что создавался и исполнялся взрослыми, ухаживающими за детьми, к детскому – так как был адресован детям и фрагментами входил в корпус текстов собственно детского фольклора. Кроме того, детям уже с 7-8 лет нередко приходилось нянчить своих младших братьев и сестер, поэтому они должны были владеть достаточным запасом колыбельных; естественно, при этом они использовали и другие известные им рифмованные тексты: прибаутки, считалки, частушки и проч.

Маленького ребенка (до года-полутора или пока не появился другой младенец) укладывали спать в *зыбке, люльке* (колыбели), изготовленной из продолговатого ящичка с полотняным дном; ее подвешивали на четырех веревках или ремнях к потолку. Зыбку раскачивали, вставив ногу в веревочную петлю, которая свешивалась с ее дна. «У нас, эта, “зыбка” называлась. Вот две даски, эта, длинных, патом ищо две, этих, каротинькии, папирёк. А патом туда вставляли, ну, эту, раму, материей абшивали. Каторы так, прям из дасок сделаны, каторы вырезаны края-ти, а, можит, каторы там накрасют как иё, зыбку-та эту. А патом по́лаг на ней был, ат мух полаг, сделают полаг такой, сверьху широкый. Вот платья́ кагда широкии бывают шестиклинкай, семиклинкай, эдакии шили и

эта закрывают. Ну, ат мух, ат всяво – и на крюч·ок вешали. Кожаны*и* ремни па бакам-ти ч·итыри римня, и в сиридини-ти их саидиняли – крюч·ок. И крюч·ок вот в эту вот – кальцо вот тако*я* вот [на потолке], и в это кальцо вот туда надявали этыт крюч·ок ат зыбки и вешали иё и кач·али. Вот так вирёвку привяз*ы*вали, вот так на нагу надявали, вот так кач·али. Туда атпихнёшь, ана к тибе, апять туда, кач·ашь иё нагой» [БЕА, с. Кадышево; СИС Ф2003-3Ульян., № 2]. «Зыбки на вирёвачки привяжут и качают. В паталке есть гвозди, иё прицепют туда на калечка и вот и качают. Сами чаво-нибудь делают, а нагой вот так, к зыбки вирёвачка и нагой вот так качают, а руками чаво-нибудь да делают. Читыри дащечки вот так вота. А тут каким-нибудь палатном абашьют, низ-от. Какую-нибудь тряпачку [подстилали], чаво ли» [ГНФ, с. Проломиха; СИС Ф2002-3Ульян., № 73]. «Ну, раньши были у нас такии, щас ка́чки, а раньши были зыбки с римнями такии самадельны*и*. Вот, бывала, кача*а*шь, если эта азарной [=беспокойный] рабёнак, вот и люлю́ка*а*шь яму, и песни паёшь, и всё» [ЗАЕ, с. Новосурское; СИС Ф2002-14Ульян., № 1]. «Люлю́кать, – вот эт*а* зыбку кач·ать. Ч·итыр*и* вирёвки, ч·итыри в адным каньце. И вот была дирвян**а**я у миня. Вон кальцо-та висит. А в кальцо-та этат, ну, загн**у**т толстый этат крюч·ок. Абшивали матерьям. Падушыч·ка, пиринка. Пиринка внизу, падушыч·ка в галовках. Нибальшыи падушыч·ки делали» [КМИ, с. Чумакино; СИС Ф2002-6Ульян., № 25].

Колыбельные по своей функции и структуре близки к заговорам (своеобразные «заговоры на сон»), в них содержатся обращения к мифологическим персонажам, которые «распоряжаются» сном и могут послать его младенцу; сближает их с заговорами также и повелительная интонация.

Сон да дряма,
Приди к Илюши в галава
[ЗАВ, с. Новосурское; СИС Ф2002-19Ульян., № 47].
А, бай, бай,
Паскарее засыпай,

Дальши ни хади,
А мне ни мишай
[ВПМ, с. Сара, ММГ Ф2000-4Ульян., № 10].

«Эт кагда вот укач·иваш:
Усни, усни, усни глазок,
Усни, усни, усни другой,
Не слышь, не слышь, не слышь ушко,
Не слышь, не слышь, не слышь друго.
Спи, милый, спи.

А она глаза-ти вылупит вот эдак вот и не хоч·ет» [УАИ, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-32Ульян., № 6].

Адресованные в первую очередь младенцам, которые еще не в состоянии понять обращенную к ним речь, колыбельные являются особой формой общения взрослого с ребенком, в ней главную роль играют не слова и не их смысл, а мелодия и ритм. Прагматика колыбельных (успокоить ребенка, помочь ему расслабиться и уснуть) определяет их ритмико-мелодический строй. Большинство из них связаны с речевой интонацией, исполняются речитативом и имеют спокойный, размеренный ритм, близкий к биению сердца. Колыбельные, как первая музыкальная форма, с которой знакомится ребенок, закладывают основу для формирования дальнейших эстетических предпочтений и для освоения всего богатства песенного фольклора.

Наряду с другими жанрами детского фольклора колыбельные можно рассматривать как одну из форм передачи традиционного мировоззрения, этических и эстетических норм. Поэтические образы колыбельных знакомят ребенка с окружающей действительностью, которая представлена в них реалиями, символизирующими мир и покой. В первую очередь это относится к персонажам, которые действуют в колыбельных (котику, гуленькам, галонькам).

Ой, ты котик, мой каток,
Разаватинькый насок,
Приди котик начавать,
Маю дочку пакачать

[ЗАВ, с. Новосурское; СИС Ф2002-19Ульян., № 47].
У котика у ката
Была зыбка залата.
А у нашива у Сашиньки
Сиребриныя
[ЗАЕ, с. Новосурское; СИС Ф2002-19Ульян., № 90].
Люлиньки, люлиньки,
Прилетели гуленьки,
Оне стали вороковать,
Куды Кристиньку дёвать
[УАИ, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-32Ульян., № 9].
Гули-гули-гулиньки,
Сели возли люлиньки,
Ани стали уркавать,
Маво сыначку кач·ать
[ОЕД, с. Коржевка; СИС Ф2002-6Ульян., № 55].

Прилители гулиньки,
Сизиньки, галубиньки,
Ани сели на кравать,
Стали Илюшу варкавать (вар.: качать)
[ЗАВ, с. Новосурское; СИС Ф2002-19Ульян., № 47; БМВ, с. Елховка; СИС Ф2000-16Ульян., № 66].
Люлиньки, люлиньки,
Прилители гулиньки,
Стали гули варкавать,
Тани песин напявать,
Таня крепка будит спать
[ГНФ, с. Проломиха; СИС Ф2002-3Ульян., № 70].
Люли-люли-люлиньки,
Прилятайти гулиньки,
Прилятайти начавать,
Маво Сашиньку качать
[ЗАЕ, САЕ, с. Новосурское; СИС Ф2002-19Ульян., № 90].
Гулиньки, гулиньки,

Прилители гулиньки
Кач·ать Сашу в люлиньки
[ТМИ, с. Чумакино; СИС Ф2002-8Ульян., № 68].
Баиньки-баиньки,
Прилители галаньки,
На сосенку сели,
Песинку запели,
А сосинка скрип-скрип,
Таничка спит, спит
[ГНФ, с. Проломиха; СИС Ф2002-3Ульян., № 70].
Ой, качи, качи, качи,
Прилители к нам грачи,
А грачи-ти мохнаноги
Ни нашли пути-дароги,
Ани сели на вароты,
А варота скрип, скрип,
Ни будити Машу,
У нас Маша спит, спит
[ЗАВ, с. Новосурское; СИС Ф2002-19Ульян., № 54].
А, кач·и, кач·и, кач·и,
Прилители к нам грач·и,
Сели на палати,
А палати скрип-скрип,
А Мишинька спит, спит
[ЦЕА, с. Валгуссы; ЧМП, Ф. 4 2001-10; ВПМ, с. Сара, ММГ Ф2000-4].
А, качи, качи, качи,
Прилители к нам грачи,
Прилители на кравать,
Стали Таничку качать
[БМВ, с. Елховка; СИС Ф2000-16Ульян., № 66].

Одним из широко распространенных сюжетов колыбельных является обозначение границ освоенного ребенком пространства, для младенца оно ограничено колыбелью, это его безопасный, надежный дом. Предостережение «не ложись на краю» должно уберечь его от

контакта с «иным миром», посланцами которого являются «волчок», «бука», «дедушка», и связанных с ним опасностей.

Баю-баюшки-баю,

Ни лажися на краю,

(вар.: Ни лажись на краюшки – сс. Проломиха, Елховка)

Придёт серинький валчок,

Схватит Лизу (вар: Тибя цапнет) за бачок

[ГМФ, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-7Ульян., № 5; ЕАА, с. Кадышево; СИС Ф2003-14Ульян., № 36; ГНФ, с. Проломиха; СИС Ф2002-3Ульян., № 70; БМВ, с. Елховка; СИС Ф2000-16Ульян., № 66].

«Эт*а* уж вот ка*г*да укач·иваш рибёнка, эта у нас кач·ают, вот:

А, баю-баю-баю,

Ни садися на краю,

Придёт серинький валч·ок,

Схватит тибя за бач·ок,

Унисёт в тёмный лясок,

За горы, за долы,

За луга зилёны.

Эта вот эти вот всё прибаутки» [ЕЕВ, с. Кадышево; СИС Ф2003-6Ульян., № 72].

«Вот кагда засыпа*а*т рабёнак, вот яму, бывала, паёшь эту прибаутку.

А, бау-бау-бау,

Ни лажися на краю,

При́дит серинькый валчок,

Тибя схватит за бачок,

Тибя схватит за бачок,

И утащит ва лясок,

Рубашонку скинит,

Пад масток закинит»

[ЗАЕ, с. Новосурское; СИС Ф2002-14Ульян., № 9].

Если ребенок долго не засыпал, его старались напугать, угрожая отдать «дедушке» или буке, обещая побить или продать.

А, баю-баю,
Ни лажись на краю,
А то дедушка пайдёт,
И тибя, гаварит, забирёт.

А, баю-баю,
Ни лажись на краю,
А на краишки бука́,
Ана съела мужука
[МАГ, с. Кадышево; СИС Ф2003-8Ульян., № 83].

«Ну, эта калыбельницы были, да, кач·али. Ну, пели:
А, бау-бау-бау,
Калатушик надаю,
Калатушик двацдать пять, там,
Ванюшинька – ай хто – будит спать.

Эдак пир*и*бирали. <...> А, бывала, то за вирёвки нач·нёшь, штобы спал, а блажны́ жи были, зявали [=кричали]» [ЦЕА, с. Валгуссы; ЧМП Ф2001-10].

А мы сами пасидим, ай,
На базари прададим,
Прададим за дёшива,
Купим харошива
[ЦЕА, с. Валгуссы; ЧМП Ф2001-10].

Для детей, вышедших из младенческого возраста, становилось интересным уже само содержание колыбельных, поэтому в их роли часто употреблялись отрывки из прибауток, скоморошин, песен и т.п.

«А ду-ду-ду-ду,
Потерял мужик дугу,
На поповом на лугу,
Шарил, шарил, ни нашёл,
Ко сударинке пошёл.
– Сударка, сударка,
Где твое-ти детки?
– Сидят на поветки,

В соломинной клетки,
Яица катают,
Со́бакам лука́ют [=кидают],
Собаки-ти сыты,
А волки-ти бриты,
Собаки-ти ни хотят,
А волки-ти ни едят.

А она [=внучка] ищ*ё* скаж*ет*: “А они што ни едят?” – “Ну, я тибя укачиваю, а ты всё: ищо давай”. – “Баба, расскажи, россказывай, россказывай!” Засну. “Баба! Ты заснула!” Опять на*до*» [УАИ, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-32Ульян., № 8].

«А, бау-бау-бау,
На паповам на лугу,
На паповам на лугу,
Патирял дед*у*шка дугу,
Шарил, шарил, ни нашол,
К сударушки зашол.
– Сударка, сударка,
А где тваи дети?
– Маи дети сидят на павети.

Ну, ищо там как-та, ну я ни вспомню» [ЗАЕ, с. Новосурское; СИС Ф2002-14Ульян., № 9].

А, баю-баю-баю,
Патирял мужик дугу,
Шарил, шарил, ни нашол,
Сам заплакал да пашол.
Пабижал он к Яшки,
Прищимил он ляжки.
Пабижал он к кабаку,
Нанюхался табаку
[ЗАВ, с. Новосурское; СИС Ф2002-19Ульян., № 47].

А, баю-баю-баю,
Живёт мужик на краю,
Он ни бедин, ни багат,

У няво многа рибят,
У няво многа рибят,
(вар.: Падна горница рибят – ДТП)
Все па лавачкам сидят,
Кашу маслину йидят,
Каша маслиная,
Ложка крашиная,
Ложка гнёцца,
Лоб трисёцца,
Губы (вар.: уши) треплюцца
[БВА, с. Кадышево; СИС Ф2003-7Ульян., № 81; ЕАА, с. Кадышево; СИС Ф2003-14Ульян., № 36; ДТП, с. Кадышево; СИС Ф2003-10Ульян., № 80; ЕЕВ, с. Кадышево; СИС Ф2003-7Ульян., № 17].
«Баю-баюшки-баю,
Сидит мужик на краю,
(вар: Сидит сарока на краю)
Он ни бедин ни багат,
У няво пално рибят,
Все па лавач·кам сидят,
Кашку с маслицым ядят.
Вот эта все, пригаворки-ти» [ЕЕВ, с. Кадышево; СИС Ф2003-6Ульян., № 74; КПТ, с. Кадышево; СИС Ф2000-16Ульян., № 40].
А, баю-баю-баю,
Живёт мужик на краю,
Он ни бедин ни багат,
У няво троя рабят,
Все па лавачкам сидят,
Кашу маслину йидят.
Кашка маслиная,
Ложка крашиная,
Ложка гнёцца,
Рот смиёцца,
Душа радуецца
[ТВМ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-11Ульян., № 118].

«Баю-баюшки-баю,
Ли́жит мужиык на краю,
Он ни бедин, ни багат,
У няво троя рабят,
Адин Гришка,
Другой Мишка,
Третий Ванюшка сынок,
Па берижку ходит,
Белу рыбку ловит,
Алёнушку кормит,
Алёнушка, ты Алёна,
Ради-ка мне сына
В чатыри аршина.

Вот и паёшь яму, рабёнку. Кача*а*шь в зыбки, паёшь, паёшь. Баюкать-та многа, баюкай и баюкай» [РАИ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-11Ульян., № 5].

Ба́ю-ба́ю-баю́,
Сидит котик ны краю,
Сидит котик ны краю,
Он ни бедин, ни багат,
У няво многа рибят,
У няво многа рибят,
Все пы лавыч·кам сидят,
Кашку маслину идят,
Кашка маслиная,
Ложка крашиная.
Ложка гнёцца,
Рот смиёцца,
Душа радывыцца
[ТМИ, с. Чумакино; СИС Ф2002-8Ульян., № 68].

Довольно редко в Присурье встречаются колыбельные с мотивом смерти, которые по происхождению связаны с заклинаниями, имеющими охранительную функцию. В отличие от других колыбельных они характеризуются плачевыми интонациями.

А, баю, баю, баю,

Нет ли местичка в раю,
<Тоо добра> принесу,
За табою я приду.
Я тибя там и найду.
А куды пашол? – В батву,
А, баю, баю, баю,
Нет ли местичка в раю,
И я к ти*б*е приду,
А ни вирнёшься ли ты назад,
Апять к нам придёшь...
[ВПМ, с. Сара; ММГ Ф2000-4].

Также редко в Присурье встречаются колыбельные литературного происхождения, например, «Спи, младенец мой прекрасный» М.Ю. Лермонтова. «А я вот и нидавна...

Спи, дитё маё прикрасно,
Баиньки-баю,
Светит месиц, светит ясный
В калыбель тваю.

Эта калыбель – зыбка – калыбель. А уж вот ищо-та дальше я причётку эту я забыла. Харошая причётка» [КМИ, с. Чумакино; СИС Ф2002-6Ульян., № 24].

Исполнение колыбельных состояло в непрерывном пении и качании зыбки, пока ребенок не засыпал. Отдельные сюжеты следовали один за другим, как бы нанизываясь на однообразную мелодию, что хорошо характеризует слово *перебирали*: «Вот так вот и пели. Пирибирашь, палучацца, пирибирали пели». Выбор и последовательность песенок ничем не ограничивались и зависели только от настроения и широты песенного репертуара няньки и состояния ребенка.

«Баюшки-баю,
Живёт барин на краю,
Он ни бедин, на багат,
Пална горница рибят,
Все па лавачкам сидят.
Вот так вот пирибирали.

Как у котика-ката
Калыбелька залата,
А у Вани маво
Да и луччи тваво. <...>

Купим тибе валинки,
Нибальшии, малиньки,
Пайдёшь па завалинки.
Будишь валинки насить,
Будишь косыньку плисти,
Будишь к бабушки хадить...
Да ищо как-та...» [ЦАП, с. Валгуссы; СИС Ф2001-8Ульян., № 89-91].

«А, кач·и, кач·и, кач·и,
Прилители к нам грач·и,
Все паели калач·и,
Калач·ики на дражжах,
Йих ни удержишь на важжах.
Придёт сериникий валч·ок,
Схватит тибя за бач·ок,
Унисёт в тёмный лясок.

Эта вот укач·ивали, кач·*а*ишь рибёнка, пригаварива*и*шь» [ЕЕВ, с. Кадышево; СИС Ф2003-6Ульян., № 73].

«А уж укачиваш иё [= внучку] всяка, всяка есть.
Ты белинький каток,
У т*иб*я серинький бачок,
Прихади к нам начевать,
Будим Кристиначку качать.
[А я котику-кату]
За работу уплачу,
Дам я кринку малака
И кусочик пирага.

Баю-баюшки-баю,
Ни лажысь на краю,

Придёт серинький валчок,
Кристину схватит за бачок,
Унисёт в тёмный лесок,
Там цветочки цветут
И саловушки пают,
Кристини спать ни дают.
Ой, скока я их! Ой, вабще. Да всяка.

Лю-лю-лю-люлиньки,
Прилители гулиньки,
Ане стали уркавать,
Кристину некуды дявать.

Вот и ходишь с ней. А то частушки. Вот. Каких то*ль*ка частушик ни напаёшь. И ана: “А-а-а”. И ана пад голас падбираит уже» [КВК, с. Чернёново; СИС Ф2007-4Ульян., № 62].

В детском фольклоре не существует резких жанровых границ, употребление одного и того же текста зависело преимущественно от его прагматики. Поэтому колыбельными могли служить также потешки, прибаутки, плясовые, частушки, рифмованные приговоры из сказок и т.п., напетые в зависимости от конкретной ситуации на тот или иной мотив. В качестве примера приведем отрывки из различных жанров, которые исполнялись как колыбельные.

«Да видь вот угаварива*а*шь йих, бывала: “Ни нада, давайти я вам сказку скажу”. Уж и забыли, сказки сказывали. Этаму [=правнуку] вот всё: “Давай сынок, как питушок-та паёт”
.

Питушок, питушок,
Залатой грибишок,
Маслина галовка,
Шалкова бародка.

“Баба, а што ана у няво шалк**о**ва?” – “Ана у няво, мол, све́тицца”. Да.

Бай-бай-бай,

Лёша глазки закрывай»
[КПС, с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 108].
«Всё так жи и прибаукывали:
Дон, дон, далидон,
Загарелси кошкин дом,
Кошка выбигла,
Глаза вытаращила,
Пабижала к Митьки,
Прищимила титьки,
Пабижала к Яшки,
Прищимила ляжки,
Пабижала к дубу,
Прищимила губу
[ЗАЕ, с. Новосурское; СИС Ф2002-14Ульян., № 9].
«Ну, вот эта вот, всякии, што на разум набридёт:
А, ту-ту, ту-ту,
Я горошык молочу,
Ко мне курочки бегут,
И воронычки литят,
Я по курочке цыпом,
По вороне топором,
Баю-бай, побыстрее засыпай»
[ШАИ, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-37Ульян., № 61].
«Ну, вот кагда баукали, да, кача*и*шь, да и придсказыва*и*шь.
На паповам на лугу
Стаит чашка тво́рагу,
Две титери прилители,
Паклявали, улители.
Вот эдак вот, тон такой» [ЗАЕ, САЕ, с. Новосурское; СИС Ф2002-19Ульян., № 90].
А вот котик кошки
Купил полсапожки,
Ана их ни носит,
А другие просит
[ЗАЕ, с. Новосурское; СИС Ф2002-14Ульян., № 9].

«Сабачка лю́тра,
Ни хади к нам утрам,
Хади, лютра, на заре,
Вазьми Сашу на дваре.
Эта всё баю-бай, эта всё прибаутки» [ОЕД, с. Коржевка; СИС Ф2002-6Ульян., № 55].

«Я всё вот стану укачивать:
– Колида, где была?
– Каров пасла,
Каней пасла.
– А где кони?
– А где быки?
– За горы быки ушли, / 2 р.
– А где горы?
– Черви вытычили, / 2 р.
– А где черви?
– Гуси выкливыли, / 2 р.
– А где же гуси?
– В трастник ушли, / 2 р.
– А где трастник?
– Девки вылымыли, / 2 р.
– А где девки?
– За мужьёв девки ушли.
– А где мужья?
– На войну мужья ушли.

Вот и бармочишь и бармочишь эти вот прибаутки. Да, вот укладыва*а*шь рабёнка спать... Он заслуша*а*т, заслуша*а*т, уснёт, патихоньку уйдёшь» [РАИ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-11Ульян., № 6].

«Вот так мы раньши прибаукывали маниньких в люльках дитей.

Бом-бом-бом, на рибинки сижу,
Бом-бом-бом, животинку пасу,
Бом-бом-бом, я ни выпысу,

Бом-бом-бом, я каней куплю,
Бом-бом-бом, а где кони?
Бом-бом-бом, за вырота ушли.
Бом-бом-бом, а где варата?
Бом-бом-бом, йих вадой снясло.
Бом-бом-бом, а где вада?
Бом-бом-бом, быки выпили.
Бом-бом-бом, а где быки?
Бом-бом-бом, за горы ушли.
Бом-бом-бом, а где горы?
Бом-бом-бом, черви вытычили.
Бом-бом-бом, а где черви?
Бом-бом-бом, гуси паклявали.
Бом-бом-бом, а где гуси?
Бом-бом-бом, в трас*т*ник ушли.
Бом-бом-бом, а где трас*т*ник?
Бом-бом-бом, девки паламали.
Бом-бом-бом, а где девки?
Бом-бом-бом, за мужья́ ушли.
Бом-бом-бом, а где мужья?
Бом-бом-бом, на вайну ушли.

Вот ана кака*я* длинна*я*. Как стану йим, и сразу ане эта присмиреют и тут жи засыпают» [ЗАЕ, с. Новосурск; СИС Ф2002-15Ульян., № 89].

Список информаторов

БВА – Балукова Вера Андреевна, 1927 г.р., родилась и проживает в с. Кадышево

БЕА – Бурыкина Екатерина Андреевна, 1924 г.р., родилась и проживает в с. Кадышево

БМВ – Бушова Мария Васильевна, 1924 г.р., род. из с. Елховка, прож. в пгт. Сурское

ВПМ – Весёлкина Праковья Михайловна, 1927 г.р., родилась и проживает в с. Сара

ГМФ – Грачева Мария Федоровна, 1930 г.р., родилась и проживает в с. Большая Кандарать

ГНФ – Гусева Нина Федоровна, 1929 г.р., родилась и проживает в с. Проломиха

ДТП – Дворецкова Татьяна Петровна, 1929 г.р., родилась и проживает в с. Кадышево

ЕАА – Ершкова Анна Алексеевна, 1929 г.р., род. и прож в д. Кадышево

ЕЕВ – Ершова Екатерина Владимировна, 1925 г.р., родилась и проживает в с. Кадышево

ЗАВ – Заева Александра Васильевна, 1929 г.р., родилась и проживает в с. Новосурское

ЗАЕ – Заева Анна Егоровна, 1927 г.р., родилась и проживает в с. Новосурское

КВК – Князькина Валентина Константиновна, 1938 г.р., род. из с. Чернёново, прож. в пгт. Сурское

КМИ – Кончева Мария Ивановна, 1919 г.р., родилась и проживает в с. Чумакино

КПС – Кичигина Пелагея Степановна, 1919 г.р., родилась и проживает в с. Потьма

КПТ – Куклева Пелагея Трофимовна, 1919 г.р., род. из с. Кадышево, прож. в с. Кирзять

МАГ – Миндина Анна Григорьевна, 1925 г.р., родилась и проживает в с. Кадышево

ОЕД – Осипова Екатерина Дмитриевна, 1929 г.р., род. из с. Коржевка, прож. в с. Чумакино

РАИ – Ралле Александра Ивановна, 1924 г.р., родилась и проживает в с. Чамзинка

САЕ – Савельева Александра Егоровна, 1938 г.р., родилась и проживает в с. Новосурское

ТВМ – Тарабаева Васса Михайловна, 1927 г.р., родилась и проживает в с. Чамзинка

ТМИ – Турчанова Мария Ивановна, 1926 г.р., родилась и проживает в с. Чумакино

УАИ – Усова Анна Ивановна, 1918 г.р., родилась и проживает в с. Барышская Слобода

ЦАП – Цыпина Анна Павловна, 1925 г.р., родилась и проживает в с. Валгуссы

ЦЕА – Цыпина Евдокия Андреевна, 1911 г.р., родилась и проживает в с. Валгуссы

ШАИ – Шаляева Анастасия Ильинична, 1926 г.р., родилась и проживает в с. Сухой Карсун

И.С. Слепцова

ТЮТЮШКАТЬ

Уход за детьми в младенчестве (*нянчить*, *тютюшкать* – сс. Новосурское, Проломиха, Большая Кандарать, *тутушкать* – с. Барышская Слобода) включал в себя множество игровых моментов. Практически любое общение с ребенком в этот период носило игровой характер. Народной педагогикой выработаны оптимальные, проверенные опытом многих поколений способы физического и психического развития ребенка, учитывающие его потребности в том или ином возрасте. Характерной чертой игрового общения с детьми, является сочетание простых форм движения, выполняемых взрослым вместе с ребенком либо самим ребенком, и коротких рифмованных приговорок или песенок – пестушек и потешек. В традиционной культуре Присурье нет отдельного термина для их обозначения, что отражает синкретическую природу детского фольклора: в зависимости от ситуации один и тот же текст мог использоваться с противоположными целями (например, для баукания или для развлечения, пляски).

Пестушки начинали широко употребляться в воспитании детей примерно с полугода, когда все более длительным становится период бодрствования и когда малыш активно стремится к общению со взрослым. Несмотря на свою незамысловатость, они играли чрезвычайно важную роль в умственном развитии маленьких детей, создавая эмоциональный контакт со взрослыми, без чего немыслимо нормальное психическое и физическое развитие ребенка, особенно на первом году жизни. Это хорошо осознавалось и самими носителями традиции. «Всё были, всяки*и* вздума*а*шь пригаворки. Штобы развивался рабёнак, развивался» [КПС, с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 113].

Ритмически звучащая речь или напев закладывали основы будущей способности к стихотворной и музыкальной импровизации в рамках традиции. Также как и все жанры

детского фольклора, пестушки связаны с фольклором взрослых системой поэтических образов, символикой, представлениями об эстетическом и этическом идеале. В целом, можно сказать, пестушки помогали детям осваивать культурное пространство, в котором им придется существовать в будущем.

К пестушкам примыкают разнообразные игры взрослых с детьми, а также подшучивания и розыгрыши, которые выполняют в воспитании аналогичную функцию: развлекая ребенка, постепенно формируют у него необходимые для взрослой жизни качества.

С маленькими детьми *водились* чаще всего не матери, которые были заняты на работе и на плечах которых лежало хозяйство, а члены семьи уже вышедшие из работоспособного возраста или его еще не достигшие. «Если не с кем манинькава рабёнка аставить, а каторы*и* павзраслеи-та [дети] есть, с ними аставляли» [ГНФ, с. Проломиха; СИС Ф2002-3Ульян., № 69]. Таких людей называли *нянькам*и и это название оставалось за ними потом на всю жизнь, даже когда их подопечные становились взрослыми. О том, какими няньками могли быть дети, говорят следующие воспоминания. «“Палажили, гаварит, тибя ни биряжок и ты, гаварит, уснула. Пришла дамой-та, ой! – у миня рабёнак астался на речки. Пришла, гаварит, ты спишь харашо”. Так и щас я иё няней заву. Ну, па саседству раньши жили. <...> А ищо адна саседка [рассказывала]. “Сабрались, гаварит, мы рыбу лавить туды на речку (вот там манинькая ричушка тикёт), тибе, гаварит, па жопе нахлопали, нахлопали, пад лавку затискали, пад эту пад скамейку, а сами-ти убижали – спи, как хочишь”» [ГНФ, с. Проломиха; СИС Ф2002-3Ульян., № 71-72].

Все гигиенические процедуры, проводившиеся с ребенком, обязательно сопровождались рифмованными приговорами. Так, когда малышу меняли пеленку, то расправляли ему ручки и ножки, вытягивали их, гладили по спинке и животику со словами «потягушеньки-порастушеньки». «Вытягывали яво, паложишь вот так на койку: “Патягушыньки”, – гладишь, – “парастушиньки”. Гладишь яво вот так [=вдоль

спинки]. За ножки, за ручки. Он патягивацца, гладишь ка*г*да» [ПМТ, д. Малиновка; СИС Ф2001-21Ульян., № 4]. «“Патягушиньки, патягушиньки”. Кагда гладили ево, кагда уж он большинький, месицив пять, читыри, вот так, эта гаварили. “Слышу́шиньки. Расти. Расти ножиньки, расти ручиньки, будь умна галовушка, как салавей-саловушка”. Вот так вот перибирали» [ЦАП, с. Валгуссы; СИС Ф2001-8Ульян., № 85].

«Я вот, вот гладишь, вот прям па животику, кагда он праснёцца вот, па животику-та яму ат плеч·икав да ножкав гладишь и пригавarива*и*шь:

Холстики-толстики,
Тинитися, билитися,
На лавач·ку кладитися,
Мамке – холст,
Папке – холст,
А тибе сабач·ий хвост!»
[ОЕД, с. Коржевка; СИС Ф2002-6Ульян., № 57].

Такой текст могли произносить и адресуясь к ребенку уже стоящему на ногах. «Вазьмёшь за руки яво: “Тини халсты, суравыи талсты!” Эдак вазьмёшь в руки-ти: “Давай, сыноч·ик”. Вот эдак, вроди ка*г*да што он стаит. Ахота вроди штобы он и пашол тута. [Ставишь] лицом к лицу и тянишь вот так за ручки-ти.

Тини халсты,
Суравыи талсты,
Ни прядины, ни ткадины,
В каробачку пакладины»
[КПС, с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 113].

Окатывание водой после мытья также сопровождалось приговором. «“С гуся вада, с тибя вся худаба. Расти бальшой, ни будь лапшой”. Вот так и пирибирали» [ЦАП, с. Валгуссы; СИС Ф2001-8Ульян., № 86]. «“С гуся вада, там с Нюрыньки, *и*ли с Марусиньки ли вся худаба!” А, как уж тут та? “Расти бальш**а**”. Вот эта прич·итали. “Вада тякуч·а, у Марусиньки тела растуч·а, сама растуч·а”. Вот эта да, была, пир*и*бирали»» [ЦЕА, с.

Валгуссы; ЧМП Ф2001-10].

Период развития младенца, когда он только начинал становится на ножки, назывался *дыбы, дыбочки* или *дыбочки стоять*. «Ну, щас вот он у нас елозит, елозит, встанит, и скарей бряка*е*цца. Вот “дыбо́чки”» [ГМФ, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-7Ульян., № 7]. При этом, чтобы поощрить ребенка подольше постоять, взрослые, демонстрируя ему свою радость, приговаривали речитативом: «“Дыбы-дыбы-дыбы, ой, Илюшинька, дыбы-дыбы-дыбы!” Стаит он, радуисся» [ЗАВ, с. Новосурское; СИС Ф2002-19Ульян., № 53]. «Вот эт*а* уж пазабыла, как-та тожи эта всё падгаваривали. Вставать нач·ина*и*т – эта “ды́быньки-дыбы́”. “А, вот дыбки́, дыбки. Дыбы-дыбыньки-дыбки”...» [ЕЕВ, с. Кадышево; СИС Ф2003-6Ульян., № 75]. «“Ну, дыбы-дыбы-дыбы-дыбы”. Он встанит, стаит. Сядит апять. “Ну-ка, дыбы-дыбы-дыбы-дыбы”. Он встанит, стаит. Миша-та у нас...» [КМИ, с. Чумакино; СИС Ф2002-6Ульян., № 22].

Иногда этот приговор сопровождали несложной рифмой. «“Вставай, вставай, сынанька” там, или “Доч·инька, вставай!”

Дыбочки, дыбочки,

Вырастут манинькии*и* грибочки!»

[КПС, с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 112].

Первые шаги ребенка сопровождались также рядом охранительных и стимулирующих действий. Иногда это было просто осенение крестом. «Вот пир*и*кристим яму хрястом, штобы он ни баялси идти. Пир*и*крист**и**м вот руками, ка*г*да он идёт» [БЕА, с. Кадышево; СИС Ф2003-3Ульян., № 12]. В с. Кадышево чертили ножом перед ребенком крестики. «Христик христят. Вот щас рибёнач·ик пайдёт – а, скарей ножик*ам* яму: “Хресть-перехресть, хресть-перехресть!” Эта хрестили...» [ЕЕВ, с. Кадышево; СИС Ф2003-6Ульян., № 76].

Но гораздо чаще перерезали или перерубали ножом или топором невидимые путы, которые, считалось, связывают ноги ребенка. «Вот, бывала, он, значит, встаёт “дыбы” и как толька первый шаг даст, эта у нас ба*б*ушка наша гаварила. Ай, ана,

бывала, этим касырём тупым – хлоп! – яму прамеж нажонкав-ти. “Эта я, – гаварит, – яму путы пир*и*рубила!” И он пашол, да. “ Путы, – г*авар*ит, – яму надо пир*и*рубить”. Вот так вот была дела» [ЗАЕ, с. Новосурское; СИС Ф2002-14Ульян., № 4]. «Тапаром рубют или нажом. Ба*б*ушка у миня взяла ножик – раз скарея! – [между ножками стукнула]. Нада атрезать яму, штобы он хадил. Вроди завязаны у няво ноги» [ПМТ, д. Малиновка; СИС Ф2001-21Ульян., № 6]. «Он [=правнук] “дыбочки” вставал, а я падайду – хоп яму между ног. Я вот стукну и всё, скарей бы пашол вроди. Скарей пайдёт» [ГМФ, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-7Ульян., № 7].

Иногда считалось, что пойти ребенку мешает страх («страсть»). «Ну, штоб хадил, “страсть атбивали”. Ну, га*варя*т: “Айда, айда, дочинька, айда! Вот мы как страсть тибе, штоб ты ни баялась. Айда, айда, айда, дочинька”. Ну и всё. Хоть вот чем стукни пирид ним» [СПЛ, с. Тияпино; СИС Ф2001-23Ульян., № 5].

В с. Чумакино ножом или топором рубили позади идущего ребенка и это действие производилось для отгона «буки». «Вот ка*г*да он перьвыи шаги дела*и*т, а за нём, гаварят, нажом нада стукать, эта, рубить. Штобы ни баялся. Буку атганять. А ч·аво пригаваривают? Ч·ай, ч·аво-нибудь пригаваривают» [ЗМФ, с. Чумакино; СИС Ф2002-7Ульян., № 113]. Подобного рода пестушки сохраняют еще отчетливую связь с магией.

Когда ребенок уже уверенно держался на ногах, его начинали побуждать к пляске. Причем, часто просто подметив какое-либо движение малыша (топнул ножкой, покружился), его толковали как плясовое и сопровождали припевками. Со временем малыш начинал сам проделывать эти движения, заслышав знакомые слова и напев.

Плиши, плиши, ножка.
Правая нимножка,
А ищо-та лева,
Мамычка вилела
[БМВ, с. Елховка; СИС Ф2000-16Ульян., № 78].

Ох, топну нагой
Да притопну другой,
Ножка манинька,
Да расхарошинька
[ГМФ, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-7Ульян., № 8].

«Да вот с Кристинкой, ана вот кружится, я гаварю:
Кругам, кругам калесо,
Наш папанька за лесом,
Куры в анбаре,
Петух на базаре.

А ана вот больна радавацца, вот кружицца, кружицца. “Ко-ко-коля, ко-ко-коля”. И ана вот. Уже сабражает, што нада...» [КВК, с. Чернёново; СИС Ф2007-4Ульян., № 61].

Одной из важных функций пестушек являлось поддержание у ребенка радостного настроения, отвлечение его от капризов и слёз. «Эт*а* тютю́шкать – эта уж вот кагда, например, манинькый вот, вроди пависилицца нам над нём, патютюшкать. Штобы он радавался. <...> Играли вот эдак вот с йим. Штоб рибёнак улыбался, радавался вот» [ЗАЕ, с. Новосурское; СИС Ф2002-14Ульян., № 2]. Для этой цели чаще всего применялись самые простые действия: щекотание, поглаживание, тормошение, подбрасывание и т.п. Например, плачущего ребенка часто успокаивали, показывая ему «козу». Наставив на него вытянутые указательный палец и мизинец, приговаривали: «Каза-каза, пых!» [ЕАА, с. Кадышево; СИС Ф2003-14Ульян., № 31]. С последним словом «коза бодала» ребенка в живот.

Детей постарше старались отвлечь, переключив их внимание на интересное содержание пестушки. «Эта кагда ушибёт*ся* рибёнак, вот ушибёт и плачит, и яму: “Пагади, пагади, пагади, малчи, малчи, ни плачь, ни плачь!” Да:
У сароки бали,
У сабаки бали,
У Тарзана бали,
У валка́ забали,

У лисы забали, –
читаа*а*шь, читаа*а*шь, –
А у Димачки заживи.
Кшу, палитела,
На галовку села.

Эта вот эдак гаварили, кагда вот упа́дит. И всё, пиристаёт плакать» [САЕ, с. Новосурское; СИС Ф2002-19Ульян., № 83].

Многие пестушки, сопровождавшиеся подбрасыванием ребенка или качанием его на ноге вверх-вниз, когда-то носили магический характер и применялись с целью обеспечить быстрый рост. В забавах с детьми этот подтекст совсем не присутствует, а действия выполняются, чтобы доставить удовольствие ребенку от ощущения взлета и падения. «Эта уж атец сидел яво качал. Сажа*а*т на каленку, вот и кача*а*т яво. Он прыга*а*т, прыга*а*т. Ну он [=отец] сидит вот вечирам-та, забавляцца нада чаво-та. С ними тожи забавлялись. Вот у нас девить чилавек была, забавляйся» [РЛП, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-3Ульян., № 115].

«Эт тутушкают маленьких. Вот эт*ак* робёнка тутушкают [=подбрасывают]. Тутушкают и вот приговаривают:

Тушки-тутушки,
Спали на подушки,
Пришли к нам подружки,
Согнали с подушки»
[УАИ, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-32Ульян., № 12].

«Бывала:
Тютюшки Макар,
На ножки скакал,
Па вадичку пашол,
Маладичку нашол.
Маладичинька,
Невиличинька,
Сама с виршок,
Галава с гаршок.

Падбрасыва*а*шь яво, он смиёцца» [ЗАЕ, САЕ, с.

Новосурское; СИС Ф2002-19Ульян., № 88].

«Ну, паст*а*новишь на нагу вота: “Тютюшки, тютюшки, тютюшки!” И всё, патютюшкашь и спустишь. На наге, он кой пабольши, стаит, прям стаит сваими ножками. Яво за ручки доржишь вот так вот. И тютюшкашь. И он смиёцца, яму интиресна. Или вирхом сядит на нагу. Чаво? Он глупый» [СПЛ, с. Тияпино; СИС Ф2001-23Ульян., № 3].

«На наги вот встаёт и на адной наге. И вот качаю.

Ах ты, дедушка Тарас,

Ни даехал ты да нас,

Завирнул в лисочик,

Кристиначке сарвал цвиточик.

Вот эта. А ана вот всё на адной наге как балирина» [КВК, с. Чернёново; СИС Ф2007-4Ульян., № 63].

Также как и другие жанры детского фольклора, пестушки полифункциональны. В зависимости от необходимости усыпить или развеселить малыша один и тот же текст мог использоваться то как колыбельная, то как пестушка. Например, прибаутку «А, качи, качи» говорили и при качании в колыбели и тогда, когда подбрасывали ребенка на коленях.

«Пасодишь на нагу, ну эдак:

А, кач·и, кач·и, кач·и,

Прилители грач·и,

На варота сели,

Варота с петли слители

И в речку палители.

Да, маниньких, чай, па всяки на наге» [КПС, с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 115].

«А качи-качи-качи,

Прилятали к нам грачи,

Все паели калачи,

Калачи-та на дражжях,

Ни удержишь на важжях.

Всё пригаваривали, всякии» [РЛП, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-3Ульян., № 116].

Пестушки играли очень важную роль при овладении

родным языком. На их примере видно, как постепенно и с какой последовательностью происходило освоение речи. У самых маленьких они формировали умение соотносить реальные предметы или действия с их названиями, для чего взрослый показывал их или проделывал вместе с ребенком. Потягивание, подбрасывание на коленях, раскачивание на ноге и другие действия с ребенком сопровождались соответствующими приговорами. Существует большое количество таких пестушек. Например, взрослый начинал крутить головой, показывая кудри («барашки»). «“Барашки” гаварили как-та. “Барашки, барашки”. И он вот так галавой [крутит]. Ну-ка, сынок, “барашки, барашки ”. И он вот так вот “барашки” дела*и*т» [ДТП, с. Кадышево; СИС Ф2003-10Ульян., № 84].

Следующей ступенью в освоении языка были пестушки, имеющую форму диалога, которыми развлекали более старших детей. В отличие от настоящих речевых диалогов в них реплики-ответы заданы текстом. При игре весь текст сначала проговаривался взрослым, затем ребенок с подсказками отвечал на вопросы взрослого и, наконец, текст разыгрывался в виде настоящего диалога. Наиболее распространенной пестушкой такого типа были «Ладушки».

– Ладушки, ладушки,
Где были? – У бабушки.
– Чево ели? – Кашку.
– Ч·оо пили? – Бражку.
Шу! Палители! На галовку сели!
[БМВ, с. Елховка; СИС Ф2000-16Ульян., № 65].
«– А, ладышки, ладышки,
*Г*де были? – У бабушки.
– Чево ели? – Кашку.
– Чаво пили? – Бражку.
Кашка маслененька,
Бражка ядрененька,
Крестинька умненькя.
“Я умна?” – “Умница”. Баукашь вот так вот иё. Ка*г*да

укачивашь» [УАИ, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-32Ульян., № 13].

– Ладаньки, ладаньки,
Где были? – У бабаньки.
– Чаво ели? – Кашку.
– Чаво пили? – Бражку.
– Чаво на закуску?
– Пирог да капустку
(вар.1: Хлеба да капус*т*ку! – с. Котяково
вар.2: Хрен да капус*т*ку! – с. Русские Горенки)
[БЕА, с. Кадышево; СИС Ф2003-3Ульян., № 15; МНИ, с. Котяково; СИС Ф2004-5Ульян., № 73; ЗАТ, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-4Ульян., № 10].

– Ладушки, ладушки,
Где были? – У бабушки.
– Чево ели? – Кашку.
–Чево пили? – Бражку.
– Чем ба*б*ушка била?
– Веничком-голичком,
Не ходи-ко босичком.
Ходи в котиках
Да в чулочках
[ШАИ, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-37Ульян., № 63].

– Ладушки, ладушки,
*Г*де были? – У бабушки.
– Чаво ели? – Кашку.
– Чаво пили? – Бражку.
Расшибли карчажку.
– Чем ба*б*ушка била?
– Веничком-голичком,
Ни хади-ка бисичком.
(вар.1: Хади в лапатках! – с. Валгуссы)
Хади в котиках,
Ва чулочиках.

(вар.2: Каты мазаны,

Чулки вязаны – с. Коноплянка, д. Малиновка)

[РАИ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-11Ульян., № 9; ЦЕА, с. Валгуссы; ЧМП Ф2001-10; ЧТП, с. Сосновка; СИС Ф2004-4Ульян., № 30; ЦАП, с. Валгуссы; СИС Ф2001-8Ульян., № 80; ПМТ, д. Малиновка; СИС Ф2001-21Ульян., № 2; КАФ, с. Коноплянка; СИС Ф2002-5Ульян., № 25].

«Вот астануцца кагда с ними сидеть, пригаваривают прибаушки-ти:

– Ладушки, ладушки,
Где были? – У бабушки.
Вот он сидит, так хлопат.
– Чаво ели? – Кашку.
– Чаво пили? – Бражку.
Кашку ели с семичкам,
Жопку били веничкам.
Веничкам-галичком,
Ни хади-ка басичком. – с. Большая Кандарать
Хади в котиках
Да в чулочиках»

[ТВМ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-11Ульян., № 116; РЛП, МВП, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-3Ульян., № 114].

– Ладушки, ладушки,
Где были? – У ба*б*ушки.
– Чаво ели? – Кашку.
– Чаво пили? – Бражку.
– Чем бабынька била?
– Веничком-галичком
Па голинькай жопки. – с. Кадышево
Ни хадити басичком,
Хадити в котиках
Да в чулочиках

[ЗАВ, с. Новосурское; СИС Ф2002-19Ульян., № 50; ДТП, с. Кадышево; СИС Ф2003-10Ульян., № 81].

«– Ладушки, ладушки,
Где были? – У бабушки.
– Чаво ели? – Кашку.
– Чаво пили? – Бражку.
Ели кашку с семичкам,
Били жопку веничкам.
А веничкам-галичком,
Ни хади-ка басиком,
На маниньки ножки
Белиньки сапожки,
На галовку картузок,
Будит у нас Алег тузок.

И он тожи у нас руками захлопа*а*т. "Ой, ой, Алежинька у нас ладушки, ладушки!" И вот начнёшь яму» [ГМФ, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-7Ульян., № 10].

«– Ладушки, ладушки,
*Г*де были?
– У бабушки.
– Ч·аво ели? – Кашку.
– Ч·аво пили? – Бражку.
– Ч·ем бабушка била?
– Венич·ком-голич·ком,
Ч·ерез порог всё тыч·ком.
Т-р-р-р! На головушку!

И он машет так. Как понимат, так и он кладёт» [ЕАА, с. Кадышево; СИС Ф2003-14Ульян., № 29].

– А, ладушки, ладушки,
Где были? – У бабушки.
– Ч·аво ели? – Кашку.
– Ч·аво пили? – Бражку.
– Ч·аво на закуску?
– Хлеба и капус*т*ку.
– А ч·ем бабушка била?
– Венич·кам-галич·ком,

Ч·ириз парог тыч·ком,
В акошич·ка рагач·ком
[ЕЕВ, с. Кадышево; СИС Ф2003-6Ульян., № 70].

В пестушках также часто происходит контаминация сюжетов. Например, концовка текста в следующих примерах является фрагментом прибаутки «Синенькие глазки купили салазки».

– Ладушки, ладушки,
*Г*де были? – У бабушки.
– Чаво баба делает?
– Ступу да лапату,
Параню гарбату.
Пара бабушк*е* вставать,
Курам зёрнышкав давать,
Куры наклявались,
На сосенку сели,
Сасна абламилась,
Другая урадилась
[БЕА, с. Кадышево; СИС Ф2003-3Ульян., № 10].

– Ладушки, ладушки,
Где были? – У ба*б*ушки.
– Чаво ели? – Кашку,
– Чаво пили? – Бражку.
– Каво били?
– Машку.
Машка-куряшка,
За курами бегала,
Куры улители,
На сасёначку сели,
Сасёначка абламилась,
А другая урадилась
[СПЛ, с. Тияпино; СИС Ф2001-23Ульян., № 2].

Кроме «Ладушек» существовало немало пестушек, построенных по принципу диалога. Обращает на себя внимание дидактический характер многих текстов: ребенку внушают,

каким он должен быть, что нужно делать и что нельзя.

–Чей нос? – Савин.
– Где был? – Славил.
– Чаво *на*славил? – Капейку.
– Чаво купил? – Калач.
– С кем ел? – Адин.
– Ни ешь адин,
Ешь са мной!
[САЕ, ЗАВ, с. Новосурское; СИС Ф2002-19Ульян., № 85].

– Ч·ей нос? – Савин.
– Где был? – Славил.
– Ч·оо заславил? – Капейку.
– Ч·оо купил? – Прасвирку.
– С кем ел? – С кошкай.
– Ни давай кошки крошки,
Давай матири с атцом!
[БМВ, с. Елховка; СИС Ф2000-16Ульян., № 63].

– Чей нос? – Савин.
– Где был? – Славил.
– Чево выславил? – Копейку.
– *Г*де копейка? – Калач купил.
– *Г*де калач? – Съел.
– А *г*де крошки? – Отдал кошки.
– Ах ты пёс, ах ты пёс,
Не дал папи-мами!
[ВЕН, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-3Ульян., № 23].

«– Чей нос? – Савин.
– Чаво наславил? – Капеичку.
– Чаво купил? – Канфетычку.

Вот так. Вот так тянули [за нос], вот так тряпали» [ГПП, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-21Ульян., № 94].

– Чей нос? – Савин.

– Чаво наславил? – Капейку!

Или:

– Сапельку!

[ИАС, с. Малая Кандарать; СИС Ф2006-23Ульян., № 48].

Некоторые забавы взрослых с детьми, построенные в виде диалога, по форме напоминали розыгрыши, хотя по сути таковыми не являлись. Ребенка вовлекали в простой на первый взгляд разговор, который однако содержал подвох. Если он не знал как себя правильно вести в этой ситуации, то подвергался наказанию. В отличие от розыгрыша, который можно устроить только один раз, эти забавы повторяли с малышом неоднократно. При этом разумеется утрачивался элемент неожиданности и подвоха, столь характерный для розыгрыша. Пестушки такого рода играли важную роль в освоении нового и пока сложного для малыша характера отношений с другим человеком, когда надо суметь разгадать его истинные намерения и не поддаться на провокацию. Существовало несколько вариантов забавы, в которой взяв за нос ребенка, задавали ему как будто бы обычные вопросы.

Самым маленьким взрослый подсказывал правильные ответы. «Тянули. “Чей нос?” Там он скажит: “Ни зна*ю*”. – “ Свой, – скажи, – прирос!” Скажи: “Свой прирос”. Вот так гаварили» [ЗАЕ, с. Новосурское; СИС Ф2002-14Ульян., № 5]. «“Чей нос?” А то скажит: “Папин”. Или “Мой”, – скажит. Ни атпускают, ни атпускают. “Чей нос?” Скажи: “Свой прирос”. Тагда нос атпустют» [ГМФ, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-7Ульян., № 12]. «“Чей нос?” – этыт яму каляка*а*т малень*каму*. “ Свой прирос!” – он атветит, да. А ка*г*да ни гаварит ничаво» [КПС, с. Потьма; СИС Ф2005-20Ульян., № 114].

В зависимости от ответа ребенка с его носом производили разные манипуляции: тянули вниз или вверх. «Дитя́м-та вот. “ Чей нос?” – “Батянин”. – “Давай ево потяним!”. Ево и тянешь. Он плачит. “Чей нос? Свой прирос?” Ну, всё, прирос он, свой» [КАВ, с. Кирзять; СИС Ф2000-16Ульян., № 38]. «“Чей нос?” – “

Матанин”. – “Давай яво паматаим, паматаим”. А ищо: “Чей нос?” – “Свой прирос!”» [ТВМ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-11Ульян., № 117]. «“Чей нос?” – “Кузькин”. – “Давай яво спустим”. И спускаешь [=тянешь вниз], вроди, яво.“Чей нос?” – “Свой прирос”. Эта вот правильна всё. Атпустить [надо], да» [КВН, с. Голышевка; СИС Ф2003-14Ульян., № 80]. «“Чей нос?” – “Кузькин”. – “Давай яво спустим”. – “Чей нос?” – “Мой”. – “Давай вытиним гной”. – Чей нос?.. Ох ты, господи...» [РАИ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-11Ульян., № 10]. «“Чей нос?” – “Мой!” – “Иди яво памой!” И всё. Мы так вот тока играли» [ЛМП, с. Кадышево; СИС Ф2003-14Ульян., № 7]. «“Ч·ей нос?” – “Мой!” – “На Суре памой!” Вот так вот» [ДТП, с. Кадышево; СИС Ф2003-10Ульян., № 85].

Некоторые пестушки содержат элемент соревновательности, который в последующем станет главным в игровой деятельности детей. Среди таких развлечений известная забава «зайчик». Сложив крест-накрест указательные и средние пальцы обеих рук, взрослый предлагал ребенку засунуть в образовавшееся отверстие пальчик. Смысл игры заключался в том, чтобы опередить взрослого и вовремя выдернуть палец. «Вот эдак вот: “Сунь пальчик, там зайчик!” А этим вот бальшим пальцым прижмёшь. Ну, если успеет, то значит [вытащит], а если эта ни успеет, то значит эта прижмём» [ЗАЕ, с. Новосурское; СИС Ф2002-14Ульян., № 5].

Многие пестушки включали в себя движения пальцев и рук. И это не случайно. Наблюдения психологов подтверждают, что игры, направленные на развитие тонких движений рук и пальцев стимулируют развитие речи, внимания и других психических процессов. Кроме уже описанных выше «ладушек», «зайчика» можно привести еще и хорошо известную «сороку». Поплевав на ладошку малыша, взрослый водил по ней пальцем, изображая помешивание каши, и приговаривал:

Сарока, сарока,
Кашу варила,
Дитей манила,

На парог сажала,
Кашки давала.
Потом загибал пальцы, начиная обычно с большого:
Этаму дала,
Этаму дала,
Этаму дала,
Этаму дала,
А ты, мал, –
поколачивал или тряс мизинец и говорил:
Крупу ни драл,
Тибе нет за ета
[РЛП, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-3Ульян., № 113].

«Сарока, сарока,
Кашку варила,
Гастей манила,
(вар.: Детак кармила)
Этаму дала,
Этаму дала...
Этаму ни дала.
Он мал,
Крупу ни драл,
За вадой ни хадил,
Яму кашу ни дадим!
Эта вот всё внуша*а*шь яму, а он всё тыч·ит пальцым, в адно место всё тыч·ит» [ЕАА, с. Кадышево; СИС Ф2003-14Ульян., № 30; БЕА, с. Кадышево; СИС Ф2003-3Ульян., № 9; БВА, с. Кадышево; СИС Ф2003-7Ульян., № 84; ДТП, с. Кадышево; СИС Ф2003-10Ульян., № 82].
«Сарока-билабока
Дитей манила,
Каший кармила.
Этаму дала,
Этаму дала,
Этаму дала,

Пятаму ни дасталась,
Лодырь:
В лес ни хадил,
Дров ни насил,
Яму каши нет.

А он глидит тибе в глаза. “Этаму ни дасталась, он лодырь, ни работал. Эти кашки наелись, а этыт ни накушался, он ни работал, в лес ни хадил, драва ни насил”. Ой, госпади! Вот так и растили дитей-та, чудили» [ГМФ, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-7Ульян., № 11].

«Эт*а* гаварили. Эта: “Сарока литит, а луна плывёт”. Ани начинают так: “Луна плывёт, луна плывёт”, а патом:

Сарока, сарока,
Кашу варила,
Гостей манила,
Ана этаму дала,
И вот этаму дала,
Этат мал,
Крупу ни драл,
За вадой ни хадил,
Яму каши не дадим!

Раз он манинькай, он будит мал, крупу ни драл, за вадой ни хадил, яму каши ни дадим» [БЕА, с. Кадышево; СИС Ф2003-3Ульян., № 11].

«Водишь ей по ладошки-ти. Она рот розинет.

Сорока, сорока,
Гостей манила,
Этому дала,
Этому дала,
Этому дала,
Этому дала,
А этому не досталось.
Ты мал,
Ты дрова не колол,
Воду не носил,
Кашу не варил,

Нет тебе ничево.
Шиш! На головушку!
Ну, вроде как все улетели» [ВЕН, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-32Ульян., № 15].
«Сарока, сарока,
Ни матай хвастом,
Убью пестом. <...>
Сарока, сарока,
Кашу варила,
На парог паст*а*навила,
Гастей манила.
Гости ни бывали,
Кашку ни ядали,
[Гости за стол,]
Кашку на стол.
Этаму дала,
Этаму дала,
Этаму дала,
Этаму дала,
А этаму ни дасталась.
Ты, манинькый кутён*а*чик,
Схади на гумно за мякинкай,
Замиси свинкам,
Тагда палучишь кашки.
Вот и эдак играли» [КАФ, с. Коноплянка; СИС Ф2002-5Ульян., № 26].
Сорока, сорока,
Кашку варила,
Гостей манила,
На порог скакала,
Гостей скликала,
Гости за стол,
Кашку на стол,
Этому дала,
Этому дала,
Этому дала,

Этому дала,
А этому не досталось.
(вар.: Ты маленькой,
Ты воду не таскал,
Дрова не таскал,
Дрова не рубил,
Кашу не варил).
Ты плут Якимка,
Сходи по мякинку,
Дам тебе кашки
На красной ложки
[УАИ, ВЕН, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-32Ульян., № 14].
«Ей па ладони вот так вот:
Сарока, сарока,
Билабока,
Кашку варила,
Гастей манила.
И нач·нёт с пальца-ти:
Этаму дала,
Этаму дала,
Этаму дала,
Этаму дала,
А этаму астались крошки в ложки»
[ИАС, с. Малая Кандарать; СИС Ф2006-23Ульян., № 46].

Сарока, сарока,
Кашку варила,
Гастей манила,
Этаму дала,
Этаму дала,
Этаму дала,
Этаму дала,
Этаму ни дасталась,
Шу! Палитела,
На галовку села

[КПИ, с. Котяково; СИС Ф2004-4Ульян., № 108; МНИ, с. Котяково; СИС Ф2004-5Ульян., № 72; ЧТП, с. Сосновка; СИС Ф2004-4Ульян., № 31; ЗАВ, с. Новосурское; СИС Ф2002-19Ульян., № 51].

Сарока, сарока,
Кашу варила,
Гастей манила,
Гости за стол,
Кашу на стол,
Этаму дала,
Этаму дала,
Этаму дала,
Этаму дала,
А маниндькаму ни дасталась,
Кшу, палитела!

«Так гаварили. Да, мизинчику ни дасталась, маниндькаму ни дасталась» [ЗАЕ, с. Новосурское; СИС Ф2002-14Ульян., № 6; ТВМ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-11Ульян., № 115].

Сарока-белабока
Кашку варила,
Детей кармила.
(вар.: Гастей манила – с. Русские Горенки)
Этаму дала,
Этаму дала,
Этаму дала,
Этаму ни дасталась.
Шу! Палители! На галовку сели!
(вар.: На сосёнку сели – с. Сухой Карсун)
[БМВ, с. Елховка; СИС Ф2000-16Ульян., № 64; ЛНП, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-37Ульян., № 35; ЗАТ, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-4Ульян., № 11].

Сарока, сарока,
Гастей манила,
Гости прилятали,

Кашу паядали.
Этаму дала ложички,
Этаму тарелачки,
Этаму пеначки,
А этаму ни дасталась.
Кшу! Палители,
На галовушку сели!
[РАИ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-11Ульян., № 8].

Сарока, сарока,
Кашу варила,
Гастей манила,
Каша на стол,
Гости на двор,
Каша са стала,
Гости са двара.
Кшу, палитела,
На галовку села
[САЕ, с. Новосурское; СИС Ф2002-19Ульян., № 83].

Сарока, сарока,
Кашу варила,
Рибятишеч·кав кармила,
Этаму дала,
Этаму дала,
А тебе, малышу-галышу,
Ни ч·урки ни папрашу.
Кшу, палитела!
[ЦЕА, с. Валгуссы; ЧМП Ф2001-10].

Некоторые варианты пестушки заканчивались щекотанием ребенка.

«Сарока, сарока,
Кашу варила,
Гастей манила.
Этаму дала...
Этаму ни дала.

Эт*ат* мал,

Крупу ни драл,

За вадой ни хадил,

Яму кашу ни дадим!

Потом вели пальцем по ладони, предплечью, плечу, а при словах «колодец, колодец» – упирались в подмышку и щекотали малыша.

Я дарожку ни знаю.

Вот дарожка, вот дарожка,

Вот дарожка, вот дарожка,

Вот калодизь, калодизь, калодизь!

Пад мышкай щикотют. <...> “Мам, мне то*ль*ка расскажи”. Ана яму “сароку”. А он сам идёт: “Кал**о**сь, калось, калось [=колодец]”» [КВН, с. Голышевка; СИС Ф2003-14Ульян., № 81].

Список информантов

БЕА – Бурыкина Екатерина Андреевна, 1924 г.р., родилась и проживает в с. Кадышево

БМВ – Бушова Мария Васильевна, 1924 г.р., род. из с. Елховка, прож. в пгт. Сурское

ВЕН – Воронкова Евгения Николаевна, 1925 г.р., родилась и проживает в с. Барышская Слобода

ГМФ – Грачева Мария Федоровна, 1930 г.р., родилась и проживает в с. Большая Кандарать

ГНФ – Гусева Нина Федоровна, 1929 г.р., родилась и проживает в с. Проломиха

ДТП – Дворецкова Татьяна Петровна, 1929 г.р., родилась и проживает в с. Кадышево

ЕЕВ – Ершова Екатерина Владимировна, 1925 г.р., родилась и проживает в с. Кадышево

ЗАВ – Заева Александра Васильевна, 1929 г.р., родилась и проживает в с. Новосурское

ЗАЕ – Заева Анна Егоровна, 1927 г.р., родилась и проживает в с. Новосурское

ЗАТ – Завертяева Анна Трофимовна, 1923 г.р., родилась и проживает в с. Русские Горенки

ЗМФ – Захарова Мария Федоровна, 1915 г.р. родилась и проживает в с. Чумакино

ИАС – Исаева Анастасия Степановна, 1915 г.р., родилась и проживает в с. М. Кандарать

КАФ – Кузнецова Анна Федоровна, 1919 г.р., род. из с. Коноплянка, прож. в с. Проломиха

КВК – Князькина Валентина Константиновна, 1938 г.р., род. из с. Чернёново, прож. в пгт. Сурское

КВН – Круглова Валентина Николаевна, 1936 г.р., род. из с. Голышевка, прож в д. Кадышево

КМИ – Кончева Мария Ивановна, 1919 г.р., родилась и проживает в с. Чумакино

КПИ – Клевачёва Пелагея Ивановна, 1924 г.р., родилась и проживает в с. Котяково,

КПС – Кичигина Пелагея Степановна, 1919 г.р., родилась и проживает в с. Потьма

ЛНП – Лаврухина Наталья Петровна, 1924 г.р., родилась и проживает в с. Сухой Карсун

МВП – Макарова Варвара Петровна, 1928 г.р., родилась и проживает в с. Большая Кандарать

МНИ – Монахова Надежда Ильинична, 1929 г.р., родилась и проживает в с. Котяково

ОЕД – Осипова Екатерина Дмитриевна, 1929 г.р., род. из с. Коржевка, прож. в с. Чумакино

ПМТ – Пономарева Мария Тимофеевна, 1930 г.р., род. из д. Малиновка, прож. в с. Валгуссы

РАИ – Ралле Александра Ивановна, 1924 г.р., родилась и проживает в с. Чамзинка

РЛП – Рогожина Лидия Петровна, 1920 г.р., родилась и проживает в с. Большая Кандарать

САЕ – Савельева Александра Егоровна, 1938 г.р., родилась и проживает в с. Новосурское

СПЛ – Сверчкова Пелагея Лазаревна, 1918 г.р., родилась и проживает в с. Тияпино

ТВМ – Тарабаева Васса Михайловна, 1927 г.р., родилась и проживает в с. Чамзинка

УАИ – Усова Анна Ивановна, 1918 г.р., родилась и проживает в с. Барышская Слобода

ЦАП – Цыпина Анна Павловна, 1925 г.р., родилась и проживает в с. Валгуссы

ЦЕА – Цыпина Евдокия Андреевна, 1911 г.р., родилась и проживает в с. Валгуссы

ЧТП – Чуднова Татьяна Петровна, 1925 г.р., род. из д. Сосновка, прож. в с. Котяково

ШАИ – Шаляева Анастасия Ильинична, 1926 г.р., родилась и проживает в с. Сухой Карсун

И.С. Слепцова

ПРИБАУТКИ

Прибаутки – один из жанров фольклора, который преимущественно бытует в детской среде, а также часто используется взрослыми при общении с детьми. Обычно с этой целью применялись небольшие стихотворные тексты, напоминающие скоморошины и небылицы. Ранее исполнение прибауток было довольно широко распространено и среди взрослых. Но все же чаще всего прибаутки, иногда их называют *перегудками* (с. Палатово), служили для того, чтобы позабавить и развлечь детей, хотя одновременно с этим незаметно и ненавязчиво происходило то, что можно назвать передачей традиции. В прибаутках главным является содержание, они обладают разработанным сюжетом, что роднит их со сказками. Реалии крестьянского быта в прибаутках представлены шире, чем в колыбельных или пестушках, но сохраняется то же отношение к миру. Он предстает добрым и гармоничным, лишенным конфликтов, что отвечает потребности маленького ребенка в любви и безопасности. Занимательность прибауток позволяла детям не только получать представление об окружающей действительности, но и с легкостью усваивать нравственные и этические нормы, то отношение к жизни, которое хотели передать им взрослые.

Прибаутки являлись хорошей школой освоения поэтической речи, усвоения ритмов и рифм, поэтических образов-символов. Поэтому неудивительно, что став старше, каждый крестьянский парень или девушка без особого труда могли сложить частушку, дразнилку или при необходимости сымпровизировать в рамках традиции текст причитания, корения или чествования.

Как и все жанры детского фольклора прибаутки могли включать в себя тексты как колыбельных, потешек, игровых приговоров, плясовых и т.п., так и сами служить ими – все определяла конкретная ситуация. На это порой обращали

внимание и сами исполнители.

Чертой, присущей прибауткам, является контаминация, сложение сюжетов и их «путешествие» из одного текста в другой. В связи с основной функцией прибауток – доставить ребенку радость, создать ему хорошее настроение – в них акцентируется смеховой элемент. Поэтому в них сохраняется так много осколков скоморошин, включаются те фрагменты из различных жанров, которые, по мнению исполнителя, могут вызвать смех. Отсюда большое число нелепиц, перевертышей, употребление сниженной, иногда ненормативной лексики. Это очень хорошо видно на примере одной из самых распространенных в Присурье прибауток «Синенькие (или серенькие) глазки купили салазки».

Сининьки*е* глазки
Купили салазки,
Сели да поехали,
К дедушке (вар.: бабушке) заехали,
– Чаво, дедка (вар.: баба), делашь?
– Ступу да лапату,
Карову (вар.: Параню) гарбату.
Пара дедушке (вар.: бабушке) вставать,
Курам семичкав давать,
Куры улители,
На сосёнку сели,
Сасна абламилась,
Другая урадились
(вар.1: Курачка убилась. – с. Котяково,
вар.2: Ба*б*ушка убилась – с. Чернёново)

[МНИ, с. Котяково; СИС Ф2004-5Ульян., № 70; КПИ, с. Котяково; СИС Ф2004-4Ульян., № 107; ГМФ, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-7Ульян., № 6; ШАИ, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-37Ульян., № 62; БВА, с. Кадышево; СИС Ф2003-7Ульян., № 82; КВК, с. Чернёново; СИС Ф2007-4Ульян., № 64; КАФ, с. Коноплянка; СИС Ф2002-5Ульян., № 27].

Далее к этому основному тексту, своего рода зачину, часто присоединялись другие: отрывки из скоморошин,

небылиц, строчки из песен, частушек и т.п. Приведем несколько примеров завершения этой прибаутки.

«... Девки-татарки,
Бирити па палки
Стукайти в до́ски,
Мы паедим в Мо́скви,
Там мост мастят,
Жирибят кристят,
Жирибец за пирог
Яму скалкай в лоб,
Он аскалилси,
Апять пашёл к ста́расти,
У старасти две радасти:
Поп сына жинил,
Пападью схаранил,
А папа-та на римень,
Штоб боле ни ривел.
Штоб больши ни служил, вишь.

И детям всё равно гаварили, канешна, ана вить ни така*я* бизабразна. Да, всяки пиригудки, каки*и* на разум пападёт, таки*и* и пиригудашь» [ЛНА, с. Палатово; СИС Ф2000-6Ульян., № 107].

... Эх, кур*и*ца ряба́,
Переломлена нага,
Ана ку́да убягла?
– В канапли па ягадки.
Канапли-та затрящали,
Варабьи-та запищали,
Поехали в Мо́скву,
Купили карову,
Карова-то с кошку,
Ана даи́т с ложку
[ЛМП, с. Кадышево; СИС Ф2003-14Ульян., № 5].

... Ах ты, курач·ка ряба́,
Пириломлина нага,
А хто тибе пирламил?

– Мне Филиппава жана.
– Ана ку́ды пабягла?
– В канапли па ягадки.
Канапли-ти затряшшали,
Варобышки запишшали,
Шли два татарки,
Сцопали па палки,
Ударили в до́ску
Паехали в Мо́скву,
Купили каровку,
Каровка-та с кошку,
Надаила с ложку
[ЕАА, с. Кадышево; СИС Ф2003-14Ульян., № 34].
«... Калёса скрипят,
Ани дёгтю хатят,
Дёготь на базари,
Денижки в кармани,
Стукнули в до́ску,
Паехали в Мо́скву,
Стукнули в калакол,
Паехали за папом,
У папа́ шляпа слитела,
Мардовычка падняла,
Мардовычка малада
Паехала па драва,
Ана рубит и сикёт
В жопи яйцы пикёт,
Паловнич·кам дастаёт,
Рибитишкам атдаёт,
Поп упал с казёнки,
Вытращил глазёнки,
Пападья-та с печы
Абламила плечы.
Баран из-пад печы
С крутыми рагами,
С долгими мудами.

Сматри-ти, всё. Эта пели так проста вот, ка*г*да вздума*а*шь вот и паёшь» [ГЕД, с. Чумакино; СИС Ф2002-20Ульян., № 46-47].

«Пошли мост мостить,
Жеребят крестить,
На мосту-то рана
Убили барана,
У барана жопа драна...

А дальше я уж ни сабражу» [ЛНП, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-37Ульян., № 34].

«Сининьки*и* глазки
Купили салазки,
Сели да паехали
К дедушки заехали.
Ч·аво, деда, делашь?
Писулич·ки пишит,
Писулич·ки пишит,
Вот на Мишу дышит!

Эта дитё тама» [КМИ, с. Чумакино; СИС Ф2002-6Ульян., № 28].

Еще одна распространенная прибаутка «Туру-туру, пастушок» демонстрирует те же принципы сложения текста, что и «Синенькие глазки». Обращает на себя внимание, что прибаутки довольно велики по объему, но благодаря тому, что их произносили быстро и четко, почти скороговоркой (*перегудали*), подчеркивая ритм и рифмы, они легко запоминались, а потом и воспроизводились детьми. «Ой! А вот ч·аво скажишь, ани всё слушают. Эта года палтара-два, всё слушают. Эта [строчку] ни скажу: “А тут вот, мама стара, прапу́стила́!” Да. Ой-ёй-ёй-ёй! А уж язык-та не станет калякать. “Мама стара, а вот тут вот прапу́стила́!”» [ЕАА, с. Кадышево; СИС Ф2003-14Ульян., № 34].

«– Туру-туру турушок,
Калинавый батажок,
Куда стада гоницца?

– О́т моря до́ моря,
От моря до моря,
Там мая родина,
На родине дуб стаит,
На дубу сава сидит.
Сава ты мне тёшча
Привяла два гостя:
Аднаво саколика,
Другова калаколика.
– Синица-систрица,
Ты куды лятала?
– На сухе*и* паляны.
– Каво там видала?
– Баяри-ти едут,
Кнутами-ти хлышчут,
Кнутами-ти хлышчт,
Варабьи-ти свишчут,
Варабьихина жана
Пирагов напякла,
Варабей за пирог,
А ана яму скалкай в лоб,
Он заска́лился, зарумянился.
У старухи две радо́сти,
У папа сухата́:
Поп сына ажанил,
Пападью скаранил.

Вся. Пригаваривают, вот ка*г*да спать лажацца ани, вот иё. Ка*г*да кач·*аи*шь манинькава, вот пригаварива*и*шь. Он и уснёт» [БЕА, с. Кадышево; СИС Ф2003-3Ульян., № 1].

«– Туру-туру, пастушок,
Калинавый батажок,
Атколь стада гоницца?
– Из Кеива горада.
Там мая родина,
На родине дуб стаит,

На дубу сава сидит.
Сава, ты мне тёща,
Привела два гостя:
Адин саколик,
Другой калаколик,
Саколик пишит,
На дивицу дышит.
– Дивица, дивица,
Прайди па вадица
– А я баюсь гразицы.
Граза на балоти,
Мидведь на работи...

А ищо-та как? Я уж забыла» [ЗАТ, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-4Ульян., № 9].

– Туру-туру-турушок,
Калиновый батожок
Атколь ста́да гоницца?
– Из Кеева горада.
На родине дуб стаит,
На дубу сава сидит.
Сава ты мне тёшша
Привела два гостя:
Варобышк*а*-шурин,
Глазёнки пришшурил.
– Синичка-систричка,
Схади за водичкай,
– Я баюсь грази́чки.
– Волк на балоти,
Мидведь на работи.
Таракашка баню топит
Таракан драва таскат,
Вошка парицца,
С полки свалицца,
Панисли вошку
На бальшу дарожку,

– Пастой, баба, ни биги,
Атдай маи калач·и,
Калач·и-та сдобы
Как казлины говны
[КВН, с. Голышевка; СИС Ф2003-14Ульян., № 79].

– Туру-туру, турушок,
Калинавый батажок,
Куды стада гоницца?
– Ат моря да моря.
А на мори дуб стаит,
На дубу сава сидит.
Сава, ты мне тёшча,
Привела два гостя,
Варобышик шурин,
Глазыньки пришчурил,
Синичка-систричка
Ушла за вадичкай
[РАО, с. Котяково; СИС Ф2004-4Ульян., № 114].

– Туру-туру-турушок,
Калиновый батожок,
Куды стадо гоницца?
– На Кирила горница.
Там родина стаит.
На родине дуб стаит,
На дубу сава сидит.
Сава, ты мне тёща
Привела два гостя.
– Синичка-систричка,
Сбегай за водичкай,
– Я волка баюсь.
– Волк на работи,
Лиса на балоти,
Таракан драва рубил,

Себе голаву срубил,
Мушка парилась,
Ну, абва́лилась там штоль каво-та?
Мушка парилась,
Аб паталок ударилась.

Вот так вот, што ли. И всё» [ЛМП, с. Кадышево; СИС Ф2003-14Ульян., № 6].

В прибаутках широко используется звукоподражание, имитация звуков окружающей действительности. При этом ребенка как бы вводили в звуковой образ реального мира. Например, в звуках «трени-брени» или «тренди-бренди» сразу угадывается наигрыш на балалайке, «динь-динь-тилидон» – колокольный звон, «тук-тук» – стук цепов на току и т.п.

Трени-брени балалайка,
Ни жана мая Паранька,
Мая Катинька,
Распузатинька,
В трубу лазила,
Титьки мазала,
(вар.: И всем паказывала! – с. Чумакино)
На крылеч·к*а* выхадила,
Ч·орны брови навадила,
Пашла к Митьки,
Пришшемила титьки,
Пашла к дубу,
Пришшемила губу
[КВН, с. Кадышево; СИС Ф2003-14Ульян., № 38; САМ, с. Чумакино; СИС Ф2000-9Ульян., № 65].

«Тренди-бренди рукава,
Пабижали два быка,
На зилёныи луга.
Там дивица спала
Да белава свету,
У ней дениг нету.
Кабы-т деньги были,
Сирьги́ бы купили.

Сирёжки-замочки,
Две баначки малачка,
Напаили бы казачка,
Казак водку ни пьёт,
Девку замуж ни бирёт,
Девка плачит и ривёт,
На сибе косы дирёт,
Утки в дудки,
Тараканы в барабаны,
Ванька едит на Пяганки,
Да падъехал он к зимлянки,
А в зимлянки две цыганки,
Ани кашу варят,
Пра Пятрушку гаварят,
А Пятрушка рассирдилси,
Ваньке в бораду вципилси,
Ани сели на плитень,
Ели кашу да кисель,
Ложка гнёцца,
Лоб трисёцца,
Глаза треплюцца!

Вот глупасть такая» [ЦАП, с. Валгуссы; СИС Ф2001-8Ульян., № 88].

«Я гаварю: “Да вы што? Я вас как качала. Вай, эти прибаутки ни зна*а*шь?” Я гаварю: “Щас я пра ко́зу”.

Динь-динь-тилидон,
Загарелси козий дом,
Каза выбигла,
Глаза выт*а*ращила,
Пабижала к мяльцы,
Прищимила яйцы,
Пабижала к дубу,
Прищимила губу,
Пабижала к Митьки,
Прищимила титьки»
[ТВМ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-11Ульян., № 111].

«Ну, и пели, и по-всяк*иму*. Вот так. Ну, ни петь, а вот так:
Тили-бом, тили-бом,
Загорелси козий дом.
Козы выбигла,
Глаза вытращила,
Козёл стал заливать,
Коза стала замётать»
[УАИ, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-3Ульян., № 10].
«Тук, тук,
Я гарошик малачу,
На сваим на то́чике,
Ходит курачка ряба
Пиришиблина нага,
– Кто, кто пиришиб?
– Манинькый мальчишка.
Мальчик испугалси,
В канапли брасалси,
Канапли-ти затрищали,
Варобушки запищали,
– Варобушки-патопушки,
Вы куды лятали?
– Мы на мельницу лятали,
Там бизделльницу видали,
Бизделльница тонка,
Вышла за куклёнка.
Куклёнак ни любит,
Котики ни купит,
Чулочики ни срубит.
Вот так пирибирали» [ЦАП, с. Валгуссы; СИС Ф2001-8Ульян., № 87].

А, туки-туки-туки,
Мы насеили муки,
Затевали пираги,
Пираги-та на дражжах,
Не удержишь на важжах

[БМВ, с. Елховка; СИС Ф2000-16Ульян., № 77].

Чики-чики-чикалычки,
Мужик ехал на палычки,
А барыня на тилежки,
Прадаёт сидит арешки.
Барыня ты мая,
И сударыня мая.
А на барыни-т*а* чепчик,
Ана ходит шепчит,
Калакольчикам звенит,
Милке плакать ни вилит
[КПТ, с. Кадышево; СИС Ф2000-16Ульян., № 39].

Вот еще несколько примеров прибауток, распространенных в Присурье.

Идёт котик из кухни,
У няво глазки распухли,
– Кто те лапки атрубил?
– Повар пеначку слизал,
А на миня, киску, сказал
[ТВМ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-11Ульян., № 112].

Сорока-белобока,
Народила детей многа,
Пришёл вечир,
Кормить нечим,
Накормила овсицом,
Посмотрела – все с яйцом
[ШАИ, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-37Ульян., № 64].

«Прыг-скок, прыг-скок,
Правалился паталок,
Баба шла, шла, шла,
Пиражок нашла,
Села, паела,
Апять пашла.

А к какой эта игре, я ни знаю» [ГНФ, с. Проломиха; СИС Ф2002-2Ульян., № 17].

«Скок, скок, скок, скок,
Маладой драздок,
За вадой пашёл,
Маладичку нашёл,
Маладичинька,
Нивиличинька,
Сама с виршок,
Галава с гаршок.

Вот так и пели им всё» [ЦАП, с. Валгуссы; СИС Ф2001-8Ульян., № 82].

«Щас ищо я им какую...
Лиса по́ лису хадила,
Лиса голысам вапила,
Лиса лычки драла,
Лиса лапти пляла,
Сибе двоя,
Мужу троя,
А дитишкам
Па лаптишкам.

Кача*а*шь. Глидит, глидит и засыпат» [ТВМ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-11Ульян., № 113].

Характерно, что прибаутки, включавшие в себя отрывки из скоморошин, порой содержали «непедагогичные» выражения, что, в общем, не смущало их исполнителей. Напротив, эти строчки произносились со смехом. Однако при столкновении с современными понятиями о приличии, подобные тексты вызывали возмущение родителей и приводили к наказанию детей.

«Шли две татарки,
Схватили па палки,
Стукнули в до́ску,
Паехали в Мо́скву,
Из Масквы-та рана
Купили барана,

У барана жопа драна,
У курицы пе́рица,
У зайца се́рица...

Ана знашь, как миня атлупила мама-та за эта! “Эта кто тибе сказал? Эта ат каво науч·илась?” Я г*а*варю: “Все, г*а*в*а*рю, у нас все дивчонки, г*а*в*а*рю, все: у Арининых, г*а*в*а*рю, мы были, у Игнатавых у двара – и все, г*а*в*а*рю, бегают и все крич·ат”. Нам интиресна, играм, бегам друг за дружкай. Ни панимали, а чоо?» [БМВ, с. Елховка; СИС Ф2000-16Ульян., № 88].

В качестве прибаутки могли использоваться фрагменты различных песен, переработанные в соответствии с общими канонами жанров детского фольклора.

Синее море, красный параход,
Сядим паедим на Дальний Васток
На Дальним Вастоки там пушки гримят,
Убитыи салдатики на лавачки лижат,
Папа паедит на фронт ваявать,
Мама будит плакать, слёзы праливать.
Дайти мне падушку, дайти мне кравать,
Сяду на лягушку, паеду ваявать.
Дали мне падушку, дали мне кравать,
Сел я на лягушку, паехал ваявать.
Да свиданья!
[КВН, с. Голышевка; СИС Ф2003-14Ульян., № 82].

В настоящее время практически не встречается исполнение прибауток для взрослой аудитории, хотя еще лет двадцать назад это было возможно. Они выполняли ту же функцию, что и в детской среде: развеселить, привести в хорошее настроение окружающих и вместе с тем привлечь к себе внимание, продемонстрировав свой артистизм и знание особых шутовских текстов. В большей степени исполнение таких прибауток относится к театральным действиям и родственно представлениям ряженых. Приведем меморат одной нашей собеседницы о своей старшей сестре, которая вдвоем с мужем разыгрывали такую прибаутку во время совместных гулянок. «В кампании, ва всю бальницу, на пять сталов

кампания. Все выпьют, хто пают, хто чаво. И начнётся вот эдак вот, такая пляска начнётся. Ни на сцене, а вот на гулянках. Адна едина ана [=сестра] эта магла сделать, никто вот. Вот я ни помню, вот аткуда это явилась у нас эта прибаутка. Ана и на Украини работала, ана и в Базарнасызганским райони работала. Аткуда-та ана, наверна, эт*а* привязла. А эта дела давно была, вот как скажишь, гадов пятнаццыть [назад].

Жила я в Маскве,
Сижу за письменным сталом.
Бац! Мне телеграмма,
Што муж мой помир.
А я как жана, дастойна*я* сваиво мужа,
С телеграммай да вакруг стала-та да “барыню”!

Гарманист и начинаит играть “барыню”, а ана выходит плясать. Ну, вот эта как-та штобы выражения сачиталась с музыкай там, с пляскай. Круг адин прайдёт и встаёт, и гарманист браса*и*т играть.

Приижжяю на станцию,
А там такая бальшая очиридь народу!
Я чириз народ-та да к касси,
Бяру билет за дваццать капеик,
Да вдоль кассы-ти “барыню”!
А абратна музыка, и абратна пляска, то*ль*ка недолга.
Приижжяю дамой,
Мой муж лижит в грабу,
Все плач·ут,
А я с растройства и как жана, дастойна*я* сваиво мужа,
Вдоль гроба-та да “барыню”!

Призвали свищенника,
Плута-машенника.
Он кадилаю матаит,
А сам харошим бабам маргаит.
А я как жана, дастойна*я* сваиво мужа,
Вакруг папа-та да “барыню”!

Панисли маяво мужа каранить,

Кто горс*т*ку зимли, кто лапатач·ку,

А я как жана, дастойна*я* сваиво мужа,

Бац! На питьдисят пудов каминь!

Да на камни-ти “барыню”!

И все, весь народ станут плясать па этай канчини. Вот так вот. А у ней муж-та был гарманист, вот он да чаво любил, што ана выйдит эта вот. Видима, взглянит на ниё, а ана тожи за нём наблюда*а*т, и он заигра*а*т “барыню”, ана сразу выходит. И уж все сразу дагадыва*ю*цца, все стаят. Она адна. Ну да, круг-от парожный, вот, и ана вот эта вот всё пригаварива*а*т. Вот всё ета прагаварит, ну, да ана выйдит с настраением, висёлая такая, все захлопают» [ВЗС, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-24Ульян., № 106; Ф2006-29Ульян., № 51].

Список информаторов

БЕА – Бурыкина Екатерина Андреевна, 1924 г.р., родилась и проживает в с. Кадышево

БМВ – Бушова Мария Васильевна, 1924 г.р., род. из с. Елховка, прож. в пгт. Сурское

ВЗС – Воротникова Зинаида Степановна, 1930 г.р., родилась и проживает в с. Большая Кандарать

ГЕД – Гордеева Евдокия Дмитриевна, 1915 г.р., род. из с. Чумакино, прож. в г. Тольятти

ГМФ – Грачева Мария Федоровна, 1930 г.р., родилась и проживает в с. Большая Кандарать

ГНФ – Гусева Нина Федоровна, 1929 г.р., родилась и проживает в с. Проломиха

ЕАА – Ершкова Анна Алексеевна, 1929 г.р., род. и прож в д. Кадышево

ЗАТ – Завертяева Анна Трофимовна, 1923 г.р., родилась и проживает в с. Русские Горенки

КВК – Князькина Валентина Константиновна, 1938 г.р., род. из с. Чернёново, прож. в пгт. Сурское

КВН – Круглова Валентина Николаевна, 1936 г.р., род. из с. Голышевка, прож в д. Кадышево

КМИ – Кончева Мария Ивановна, 1919 г.р., родилась и проживает в с. Чумакино

КПИ – Клевачёва Пелагея Ивановна, 1924 г.р., родилась и проживает в с. Котяково

КПТ – Куклева Пелагея Трофимовна, 1919 г.р., род. из с. Кадышево, прож. в с. Кирзять

ЛМП – Лагунина Мария Петровна, 1936 г.р. род. и прож в д. Кадышево

ЛНА – Лиликина Наталья Архиповна, 1913 г.р., родилась и проживает в с. Палатово

МНИ – Монахова Надежда Ильинична, 1929 г.р., родилась и проживает в с. Котяково

РАО – Родионова Анна Осиповна, 1923 г.р., родилась и проживает в с. Котяково

САМ – Сорокина Антонина Михайловна, 1915 г.р., родилась и проживает в с. Чумакино

ТВМ – Тарабаева Васса Михайловна, 1927 г.р., родилась и проживает в с. Чамзинка

УАИ – Усова Анна Ивановна, 1918 г.р., родилась и проживает в с. Барышская Слобода

ЦАП – Цыпина Анна Павловна, 1925 г.р., родилась и проживает в с. Валгуссы

ШАИ – Шаляева Анастасия Ильинична, 1926 г.р., родилась и проживает в с. Сухой Карсун

И.С. Слепцова

ЗАКЛИЧКИ

Заклички – небольшие рифмованные приговоры и песенки, обращенные к силам природы, животным, насекомым, растениям и т.д. Они генетически связаны с обрядом и магией и некогда выполняли функцию заклинаний, однако эти приговоры уже довольно давно утратили свои обрядово-магические функции и стали детской забавой и одним из жанров детского фольклора. Также как и другие жанры, заклички, правда в меньшей степени, сохраняют полифункциональность: присоединяют к себе отрывки из прибауток, песенок и т.п. и могут использоваться для развлечения детей.

Наиболее активно заклички бытуют у детей дошкольного и младшего школьного возраста, еще в значительной степени имеющих «мифологическое» мышление. В этой среде произнесение приговоров частично сохраняет магический характер: ребенок верит, что сказав нужные слова, он сможет вызвать желаемое явление или прекратить, отвести нежелаемое. Это укрепляет в нем веру в свои возможности, помогает ему почувствовать себя сильным, могущим распоряжаться окружающим миром.

Больше всего распространены приговоры, которые должны были повлиять на природные явления, в первую очередь на дождь, что объясняется их происхождением из земледельческой магии. В Присурье, где засухи бывали нередко, вовремя прошедший дождь означал хороший урожай и безбедную жизнь. Поэтому, когда начинался дождь, дети бегали, подняв руки, и выкрикивали слова закличек. Обычно в них содержалась просьба «полить» различные сельскохозяйственные культуры.

Дожжик, лей,
Дожжик, лей,
На куделю, канапель,
А на мой лён

Лей вядром!

[ЦЕА, с. Валгуссы; ЧМП, Ф. 4 2001 МК 9, № 1.19-1.20].

Дай Бог дажжу
На бабью важжу,
На девич·ий лён
Паливай вядром, – с. Первомайское
На мужич·ий хлеб
Поливай весь век,
На рабячьи кашки
Паливай пач·ашши!

[СПА, с. Тияпино; СИС Ф2001-22Ульян., № 2; КЕН, с. Первомайское; СИС Ф2001-2Ульян., № 66].

Дождик, дождик,
Дай воды,
Помочи наши бобы!

[ВЕН, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-32Ульян., № 17].

Еще один распространенный текст заключает просьбу «налить ведро гущи».

«Когда долго нет:
Дождик, дождик, пущи,
Налей ведра гущи.

Вот, так пели. Вот эдак, што, мол, дожжика надо, а то давно нету» [УАИ, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-32Ульян., № 19; МНИ, с. Котяково; СИС Ф2004-5Ульян., № 37; ПТП, с. Голышевка; СИС Ф2003-11Ульян., № 44].

Дожжик, пушше,
Налей ведро гушши,
Гушша пригадицца,
Хлебик урадицца

[ММИ, с. Кировка; СИС Ф2000-11Ульян., № 75].

«Штобы сильней дожжик пашол:
Дожжик, дожжик, пушши,
Налей кургун гушши!
Я паеду на хрусталь,
Богу малицца,
Христу в ноги кланицца.

«Кургун гушши» – эта ат кваса-та эта устой-та, эта называцца «гушша», а «кургун» – как нападобии эдак карч·ага. Вот раньши-ти не была ни вядр**о**в никаких, вот делали квас» [МАГ, с. Кадышево; СИС Ф2003-8Ульян., № 97-98].

Встречаются также обращения к дождю более древнего типа с мотивом ритуального обмена со стихией:

Дождик, дождик, пуща,
Налей вады гуща,
Дам тибе ложку,
Хл**е**бать па-нимножку.
[ЯПА, с. Гулюшево; ЧМП Ф2000-25Ульян., № 92].

Дожжик, дожжик, пущи,
Мы прибавим гущи,
Мы паедим на Ярдань,
Богу малицца,
Христу пакланицца
[ААП, с. Княжуха; ТЛ, ЕТ Ф2000-4; ШАИ, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-37Ульян., № 78].

Среди адресатов «божьей милости» могут фигурировать и люди. «А, бывала, летам-ти, малиньки-ти знаити каки были цып**ы**-т*а* на нагах-ти. Чай, обув*и*-т*а* никакой ни насили. Бегали па улицы разувкай, толька пятки свиркали.

Дожжик, лей,
Дожжик, лей
На миня и на людей!

А, госпади, чаво ж? Тиливизира не была. Всяки были игры…» [ЦЕА, с. Валгуссы; ЧМП, Ф. 4 2001 МК 9, № 1.19-1.20].

В присурских закличках распространен мотив, который, вероятно, связан с известным в данной местности магическим способом вызывания дождя, когда на могилу самоубийцы (утопленника или удавленника) выливают сорок ведер воды (ср. ироническое наименование покойника в приговорах ряженых – «милёнок»).

Дожжик, лей, дожжик, лей,
На миня и на людей,

А на милава маво,

Сорак ведир на *а*днаво

[МАГ, с. Кадышево; СИС Ф2003-8Ульян., № 99; БМВ, с. Елховка; СИС Ф2000-16Ульян., № 67; ЯПА, с. Гулюшево; ЧМП Ф2000-25Ульян., № 92; ЕЕВ, с. Кадышево; СИС Ф2003-7Ульян., № 20].

Правда, иногда смысл этого действия трактуется иначе. «Што он изменник, изменил он миня, вот яво уж. Эта, как гаварят, наказывают яво дажжом» [МАГ, с. Кадышево; СИС Ф2003-8Ульян., № 99].

Еще один распространенный не только на территории Поволжья текст связан с мотивом «отпирания / запирания небесных врат», от чего зависит обилие природной влаги. «Вот бегали, бывала, мы и кричали. Раньши видь дождик-то был какой: тёплай! Улицый вот тикёт вот с горки и мы бега*а*м, одёжа на нас мокраа, бега*а*м и все кричим:

Дождик, дождик, посильней,
Мы поедим на свинье,
Богу молицца,
Христу поклоницца.
У Христа-то сирота
Запирала ворота
(вар.: Растварёны варата, – с. Тияпино)
Ключиком, замочком,
Шолковым (вар.: аленьким) платочком,
(вар.: Залатым платочкам – с. Тияпино)
Дождик, дождик, посильней!»

[ШАИ, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-37Ульян., № 78; СПА, с. Тияпино; СИС Ф2001-22Ульян., № 3].

«Тож*и* малили:
Дожжик, дожжик, пасильней
Мы паедим на свинье,
Богу малицца,
В землю клани́цца,
Я у бога сирата,
Атваряйти варата

Ключ·икам, замоч·кам,
Алиньким платоч·кам»
[КЕН, с. Первомайское; СИС Ф2001-2Ульян., № 66].
Дожжик, дожжик, пасильней,
Мы паедим на свинье,
Богу малицца,
Христу пакланицца,
А христовы ножки
Стаят на парожки
(вар.: Лижат на дарожки – с. Чамзинка)
[ГЕД, с. Чумакино; СИС Ф2002-20Ульян., № 44; ТВМ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-11Ульян., № 121].

В некоторых случаях заклички сопровождались совместным движением по кругу: «“Дождик, дождик, пушч·и, / Нам прибавь гушч·и...” <…> Вот сцепимся все кругам, вот и эта – дождик пасильней пайдёт...» [ЕЕВ, с. Кадышево; СИС Ф2003-7Ульян., № 20].

Чтобы прекратить дождь, чаще всего исполняли следующие тексты.

«А дожжик идёт:
Дождик, дождик, перестань,
Я поеду на рестань [=росстань],
Богу молицца,
Христа поклоницца,
Я у Бога сирата,
Закрываю варата,
Крючком, замком,
Серебряным пятачком.
(вар.: Воистиным пятаком).

Ну, тожи играют, бегают по лужам. По лужам играют босиком. И девчонки и мальчишки» [ВЕН, УАИ, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-32Ульян., № 18, 20].

Дождик, дождик, пиристань,
Мы паедим в Еристань
Богу малицца,
Кресту пакланицца.

Как у Бога сирата
Растварёны варата,
Ключикым, замочкым,
Белиньким платочкым
[БМВ, с. Елховка; СИС Ф2000-16Ульян., № 67].
Дожжик, дожжик, перистань,
Мы паедим на хрусталь,
Богу малицца,
Кристу пакланицца,
Как у Бога сирата,
Атварились варата,
Ключиком, замочкам,
Шолковым платочкам
[МНИ, с. Котяково; СИС Ф2004-5Ульян., № 37; ЕЕВ, с. Кадышево; СИС Ф2003-7Ульян., № 21].
Дожжик, пиристань,
Мы паедим на Йардань,
Богу малицца,
Царю клани́цца.
У царя-та сирата
Атварёны варата...

«Эта мне помницца, вот мы эта кричали, кагда ни нада дажжа-та уж» [ММИ, с. Кировка; СИС Ф2000-11Ульян., № 76].

Дождик, дождик, перистань,
Я уеду за рястань
(вар.1: Мы паедим на ристань – с. Чумакино,
вар.2: Я паеду на свистань – д. Александровка),
Богу малицца,
Хрясту пакланицца
(вар.: В землю клани́цца, – пос. Ягодное, с. Первомайское)

[ПТП, с. Голышевка; СИС Ф2003-11Ульян., № 45; ГЕД, с. Чумакино; СИС Ф2002-20Ульян., № 45; СНИ, д. Александровка; СИС Ф2004-10Ульян., № 50-51; АРМ, пос. Ягодное; СИС Ф2001-1Ульян., № 125; КЕН, с. Первомайское; СИС Ф2001-2Ульян., № 67].

Во время дождя обращались также к солнцу или радуге.

«Кагда вот эта дожжик пайдёт, выбижишь! Асобинна вот сделацца балоты – вада-та тёпла! Па ним бегашь, па лужам, с такой радастью! Басиком, толька брызги литят! Вот и кричали:

Солнышка, солнышка,
Выглини на брёвнышка,
Дам тибе гарошку!

И абратна…» [ЯПА, с. Гулюшево; ЧМП Ф2000-25Ульян., № 92]. «Радуга-дуга, подавай дождя!», «“Радуга-дуга, приведи ко мне лука [?]!” – как-то. Многа всяких побасёнык, всяких припевык всяких» [ШАИ, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-37Ульян., № 78; КЕФ, с. Сухой Карсун; СИС Ф2004-46Ульян., № 94].

Среди закличек выделяется целая группа приговоров, обращенных к насекомым, птицам, животным. Некоторые из них имеют глубокую мифологическую основу. Например, божья коровка в этих приговорах выступает как подательница хлеба.

Бабачка-каробачка,
Палети на неба,
Приниси нам хлеба,
Чорнава да белава,
Толька ни гарелава
[ААП, с. Княжуха; ТЛ, ЕТ Ф2000-4].

«Каровка, каровка,
Палити на неба,
Приниси мне хлеба.
Как-та “пирага”... Я щас забыла.
Там тваи детки
Кушают канфетки.

Эта мы тожи вот кричали» [АРМ, пос. Ягодное; СИС Ф2001-1Ульян., № 127].

«Ну вот эти краснинькии, эти вот бабычки-каробычки летают. Вазьмёшь вот:

Бабычка-каробычка,
Палетай на небушка
(вар.: Божья каровка,

Улити на неба, – с. Гулюшево),
Там тваи детки
Кушают канфетки.

Ана палитит. [Полетит] вверх, канешна» [БМВ, с. Елховка; СИС Ф2000-16Ульян., № 71; ЯПА, с. Гулюшево; ЧМП Ф2000-25Ульян., № 95].

«Эта ба́или. Была, всё была, была. Это вот всё приговаривали.

Бабочка-коробочка,
Полетай на небо,
Там твои детки
В соломенной клетке,
Они пить хотят,
Они есть хотят
[СВИ, ЦИА, с. Ждамирово; ЧМП Ф2000-39Ульян., № 7].

Бабочка-каробочка,
Палятай на небочка,
Там твои детки
В соломенной клетке
Яйца катают,
Сабакам брасают,
Сабаки злые,
Попу ногу съели,
Поп-то вытращил глазенки…
[ПКИ, с. Араповка; АЧ, АН Ф2000-16].

Различные приговоры, произносившиеся при виде коршуна, должны были напугать его и отогнать от цыплят. «Ну, вот кагда птица литит и вот кричишь. Или вот лижи́шь, он литит, крыльями машит, смотришь как бы ни утащил цыплёнка, кричишь яму:

Коршун, коршун, калясом,
Тваи дети за лясом,
Лес зарубили,
Дитей загубили!
Кшу! Кшу!»

[НЕИ, с. Новосурское; СИС Ф2002-16Ульян., № 73].

«Ну, эта вот коршун кагда литит там:

Коршун, коршун, калясом,

Тваи дети за лясо́м,

Плач·ут, куда́ч·ут,

Пить-есть хоч·ут.

Я их накармила,

Я их напаила,

Шу-у-у!

Яво пагонишь. Вот балтаишь языком» [ПТП, с. Голышевка; СИС Ф2003-11Ульян., № 43].

«Коршун, коршун, шу!

Твае дети в лясу,

На лесинку встану,

Тваих дитей дастану!

Дитей утиша*а*м. “Давай, гавари и ты! – рибёнку-ту. – Вот сынанька, вот…”» [ГМФ, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-7Ульян., № 3].

Иногда тексты такого типа очень близки к прибауткам:

Коршун, коршун калясом,

Тваи дети за лясом,

Ани пить хочут,

Ани есть хочут.

Я их напаила,

Я их накармила,

Рагожкай пакрыла,

Рагожка упала,

Татарка украла

[ШАЯ, с. Чамзинка; СИС Ф2002-11Ульян., № 95].

В закличках нередко предлагается совершить обмен, то есть за выполнение просьбы персонажу обещают какое-либо вознаграждение. Кроме дождя, солнца, божьей коровки, с таким предложением обращаются к улитке. «Улитка, улитка, высуни рага, дам я тибе кусок пирага» [БМВ, с. Елховка; СИС Ф2000-16Ульян., № 69]. «Эта вот как: “Улитка, улитка, высуни рага, дам пирага, а ни высунишь рага, ни дам тибе пирага, да атарву

тибе рага”, как-та» [АРМ, пос. Ягодное; СИС Ф2001-1Ульян., № 126].

Некоторые приговоры, близкие к закличкам, произносили в других ситуациях. Когда нужно было вытрясти попавшую в уши во время купания воду, прыгали на одной ноге, наклонив голову к плечу, и приговаривали: «Мышка, мышка, вылей воду под калоду, под белу бирёзку!”» [ЗРН, с. Студенец; АЧ, АН Ф2000-16]. «На адной наге прыгашь: “Мушка, мушка, дай вадички, твая кожа на палички!” Вот и прыгам, прыгам» [ЯПА, с. Гулюшево; ЧМП Ф2000-25Ульян., № 94].

К «мышке» обращались и когда выпадал молочный зуб. «Эта кагда выпадит первый зубочек. Бывала, эта: “Мышка, мышка, каратышка, на тибе мой зуб рипяной, а мне дай кастяной”. Брасали вот так вот зубочик. Прям падайдёт к печки вот, к русскай печки, и на печку прям, на русску печку брасаит [через спину]» [ЦАП, с. Валгуссы; СИС Ф2001-8Ульян., № 92]. «Вон на печ·ку брасают: “Мышка, мышка, на тибе зуб рипяной, а дай там Надиньке кастяной”» [ЗМФ, с. Чумакино; СИС Ф2002-7Ульян., № 114].

Близки к закличкам и приговоры, которые произносили при игре с растениями. Например, из лукового пера делали « кудри»: расщепив его кончик, брали стебель в рот и, упираясь языком в раздвоенный конец, несколько раз приговаривали: «Бабка, бабка, завей кудри, а я тибе памагу-у-у-у-у» [БМВ, с. Елховка; СИС Ф2000-16Ульян., № 70].

Список информантов

ААП – Антонова Антонина Петровна, 1940 г.р., родилась и проживает в с. Княжуха

АРМ – Амёхина Раиса Михайловна, 1935 г.р., род. из пос. Ягодное, прож. в с. Первомайское

БАМ – Брыкина Антонина Матвеевна, 1937 г.р., родилась

и проживает в с. Сара

БМВ – Бушова Мария Васильевна, 1924 г.р., род. из с. Елховка, прож. в пгт. Сурское

ВЕН – Воронкова Евгения Николаевна, 1925 г.р., родилась и проживает в с. Барышская Слобода

ГЕД – Гордеева Евдокия Дмитриевна, 1915 г.р., род. из с. Чумакино, прож. в г. Тольятти

ГМФ – Грачева Мария Федоровна, 1930 г.р., родилась и проживает в с. Большая Кандарать

ЕЕВ – Ершова Екатерина Владимировна, 1925 г.р., родилась и проживает в с. Кадышево

ЗРН – Захарова Раиса Николаевна, 1932 г.р., родилась и проживает в с. Студенец

КЕН – Каштанова Екатерина Никифоровна, 1919 г.р., родилась и проживает в с. Первомайское

МАГ – Миндина Анна Григорьевна, 1925 г.р., родилась и проживает в с. Кадышево

ММИ – Милохова Мария Ивновна, 1919 г.р., род. из д. Кировка, прож. в с. Большая Борисовка

МНИ – Монахова Надежда Ильинична, 1929 г.р., родилась и проживает в с. Котяково

НЕИ – Нестерова Евгения Ильинична, 1928 г.р., родилась и проживает в с. Новосурское

ПКИ – Петрухина Клавдия Ивановна, 1940 г.р., родилась и проживает в с. Араповка

ПТП – Пильщикова Татьяна Григорьевна, 1924 г.р., род. из с. Большая Борисовка, прож. в г. Ульяновске

СВИ – Суетнова Вера Ивановна, 1928 г.р., родилась и проживает в с. Ждамирово

СНИ – Столыпина Надежда Ивановна, 1932 г.р., родилась и проживает в д. Александровка

СПЯ – Сверчкова Пелагея Александровна, 1919 г.р., родилась и проживает в с. Тияпино

ТВМ – Тарабаева Васса Михайловна, 1927 г.р., родилась и проживает в с. Чамзинка

УАИ – Усова Анна Ивановна, 1918 г.р., родилась и проживает в с. Барышская Слобода

ЦЕА – Цыпина Евдокия Андреевна, 1911 г.р., родилась и проживает в с. Валгуссы

ЦИА – Цаплин Иван Алексеевич, 1928 г.р., родилась и проживает в с. Ждамирово

ЦНС – Царева Наталья Сергеевна, 1912 г.р., родилась и проживает в с. Сара

ШАИ – Шаляева Анастасия Ильинична, 1926 г.р., родилась и проживает в с. Сухой Карсун

ШАЯ – Шубина Анна Яковлевна, 1923 г.р., родилась и проживает в с. Чамзинка

ЯПА – Янина Павлина Алексеевна, 1930 г.р., родилась и проживает в с. Гулюшево

И.А. Морозов

КУЛАЧКИ

Кула́чки или *кулачные бои* («*кула́чна вайна*») − организованные коллективные силовые противоборства между представителями соседних поселений или отдельными улицами либо районами больших населенных пунктов вплоть до 1960-х гг. были известны во многих селах Присурья. В данном регионе часто встречается еще одно название кулачных боев − *драка* (сс. Кирзять, Шеевщина, Котяково, Потьма, Большая Кандарать) либо на кулаках или *на кулаки, кулаками драться* (с. Малый Барышок, Кирзять, Большая Кандарать), а также *рукопашно драться* (с. Барышская Слобода). Однако в отличие от спонтанных столкновений, *драк*, кулачные бои устраивались по взаимному согласию соперничающих сторон, поэтому еще одно их название *драться по любови* или *полюбовье*. «Эта называлась “по любови”. “По любови дрались”, “по любови”. Ну, насмирть ни убивали, а вот так дрались. Кула́шна, кулаками тока, биза всяво, тока вот кулаками. Ни нажей, ничаво ни приминяли. Я вот чуть помню. А мы глидели стаяли, да. Бывала: “Ну, нончи будут на Широким праулки, драка будит!” Днём дрались. Эта называлась “па любови”. Ахота па любови драцца, иди» [РЛП, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-3Ульян., № 93]. «На масленицу, говорят, были кулачные бои. Вот когда отец мой был мальчишкой. Он мне рассказывал. А до меня уж это не дошло. Вот соберутся, как говорится, “полюбовье дрались”: “Вот, давай с тобой подеремся”. Раньше ведь как дрались? На кулаках. Это сейчас с ножами, синяков наставят, убьют − и все. Ну, и вот говорили: “Давай с тобой полюбовье подеремся”. Они же без злобы дрались. Просто кто кому синяков наставит» [ШНА, с. Полянки, Сурск.]. К этому же ряду относится и лишь один раз встретившееся выражение *драться по честно́му*. «Вот на масленицу выдут, по-чесно́му, и “стена на стену”…» [РВИ, с. Сара, Сурск.].

Кроме того, в отличие от спонтанных драк, кулачки имели четкую календарную привязку и обычно приурочивались к важным праздникам или периодам календарного цикла (святки, масленица, троицкая неделя, некоторые престольные праздники и др.), являясь своеобразной разновидностью праздничного досуга. «Зимой эт*а* были, эт была зимой, на масл*и*ницу эта были кулачки. Как начинацца масли*ница*, так всю маслиницу и ходют. Да. Три дня маслиница-та была, то*ль*ка пятницу, суб*б*оту, васкрисенья. Вот я помню» [ТМИ, с. Белые Ключи; СИС Ф2000-15Ульян., № 12]. «Вот эта драка-та у нас, маслиница. Вот ана, бывалыч·а, страш*на*! Ана три дни быват. С ч·итвирьга нач·инацца в васкрисенья канч·ают. Да маслиницы каждый день. Посли − всё. Бывалыч·и, ба-а! Глидишь! Там уж народу-та гибиль! “Прям я пайду”. Все ух! Каждый за сваво. Крик-та! Мамыньки! Все бигом бижим: “Ты ни лазий, ты ни хади!” Ни пускают: “Ты ни хади, пьяный!” Ну канешна, ч·ай, ни трезвый. Ну ч·ай, маслиница, иё и назвали “маслиниц*ый*”… И на Троицу, бывалыч·а. Да Троицы два васкрисенья сабираюцца тока па васкрисеньям. А уж Троица приходит, тут уж три дни ходим кряду: васкрисенья, панидельник − Духав день, и, знач·ит, и вторник. Эт уж всё завиршáцца да другова году. Всё канец, праздник прашёл, Троица, − да другова году» [КВН, КАН, с. Шеевщина; СИС Ф2000-12Ульян., № 94]. В мордовском с. Хмелевка кулачные бои также были приурочены к Троице: «А в Хмелёвке луга. Там на Троицу сабирались тож. Там мардовска село у них. На Троицу там диruцца» [НВА, с. Сара, Сурск.]. Гораздо реже встречается приуроченность кулачек к престольному празднику. «В аснавном как-та на Михайлав день дрались. Пристольный праздник эта здесь у нас» [МВД, МНИ, с. Котяково; СИС Ф2004-5Ульян., № 1].

Протяженность кулачных боев могла быть разной. Иногда их начинали устраивать по воскресеньям сразу после Рождественского поста или после Крещения, и они достигали своей кульминации в масленичную неделю. «И ни три дни, а за ниделю выхадили, эт тут сабирались да маслиницы, па

васкрисеньям» [КВН, КАН, с. Шеевщина; СИС Ф2000-12Ульян., № 92]. Но чаще всего бои проводились в течение масленичной недели: «Да, у нас драка была на масленицу. И она всю неделю, всю неделю драка. Конец на Курмыша. Курмыш на Конца, вот и гоняют» [БРА, с. Кирзять; СИС Ф2000-15Ульян., № 117]; «Кулачки были. Я вот эта помню немножка. Ане дрались прям! Вот там, где пригорак, вон в той улице, да палавины улицы. Вакруг сила дируцца! У миня вот брат был с седьмова года. Тагда вот ему грудь прям здорава [ушибли]… Всю ниделю дрались» [ЗМП, с. Засара, Сурск.]; «Всю ниделю [дрались]. Вот сделают ч̇о-нибудь и после абеда к веч̇еру и нач̇инают» [УАИ, ВЕН, с. Сара, Сурск.]. В большинстве же случаев кулачки устраивались в последние дни масленицы, которые часто назывались «коренной масленицей» или просто «масленицей». Поэтому определение «коренные» могло закрепляться и за приуроченными к этим дням кулачным боям: «Эта уж “каренна́я драка”: в такее-та васкрисенья мала народа, а эта палны луга − и ребята, и дефки, все» [НВА, с. Сара, Сурск.]. «Эта знач̇ит, маслинич̇ная ниделя с середы нач̇инают на гору хадить, там вот где клуб этат, − драцца. Знашь, как дрались мужики! Страх как дрались!» [КМН, с. Барышская Слобода, Сурск.]; «У нас вот на маслиницу раньше хадили − вот здесь у нас вот мост, и вот мы туда хадили. Всю маслиницу пач̇ти хадили. Ну, ни всю маслиницу, с ч̇итьверга нач̇инали. И вот, мужики дрались» [ВКП, с. Княжуха, Сурск.]. «У нас на кулаках толька была, “па любови” как-та тут эта. Маслиница, в аснавном маслиница. Вот пятницкай маслиницей вот тут! В маслиницу, в пятницу. Адин день, пятница. Да. А к веч·ару нач·инали гулять, выпивать, висилицца» [БИП, ГВИ, с. Малый Барышок; СИС Ф2006-27Ульян., № 14].

Местом проведения кулачных боев могло быть как само пространство населенного пункта, особенно если при этом противостояли представители разных улиц и концов села, так и прилегающие к поселениям местности, которые считались их историческими границами, если в противоборстве участвовали жители соседних сел. В первом случае бой мог начинаться в

центре села, на центральной площади или улице, где обычно располагались церковь и прилегающий к ней погост и где в праздники устраивалась ярмарка. «Эт была, как эта гаварят? Обычый. Дрались. Вот у нас, примерна, в Ждамирава, вот. Вот, где церква-та. Вот. Эта па церкву − эта старана, а та старана аттудыва» [ЧСВ, д. Кольцовка, Сурск.]; «Там, в центре, вот как сич̇ас там, где раньше был клуб, щас сделали савет и правление. Все сходбишша там, там и базар» [УАИ, с. Сара, Сурск.]; «Три дня канец у нас на канец всё бывала: “Айдати сюда!” − на ул*и*цу хадили. У нас Бальшая ул*и*ца в Ключах была. Там эта Бутырки называицца, па-всякиму называ*ли*, а эта у нас была длинная, вот *па* ей ездили, бывала, в Ульяныввский там, куда, в Алатырь − эт*а* Бальшая ул*и*ца была. Вот тут на этый ул*и*цы и кулачки были» [ТМИ, с. Белые Ключи; СИС Ф2000-15Ульян., № 13]; «Ой, драки! Вот два Заврага наших [=Малый и Большой Завраг] и аттоль “бальшедарожныи” звали мужики. И вот ане на Широким праулки схадились, праулки вот, Широкий праулык, вот ане дрались тут. На кулаках, кулаками тока дрались. Против вот аттоля две улицы вот: эта Пачтовыи Верхня*я*, а эта Нижня*я*. И вот ане мужики аттоль схадились на Широкый праулык и дрались кулаками. Ну, эта да нас ищо тут. Я нибальшая была, я помню» [РЛП, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-3Ульян., № 93].

Дальнейшие передвижения участников диктовались целью кулачного боя, а именно необходимостью вытеснить противника на его территорию. «Гоняют: туды угонют, до кох осилют. Если я тебя сильнее, я тебя угоню дальше» [ВДС, с. Засарье, Сурск.]. «Знашь это, как дрались? Как у нас принято было в Саре? Та сторона вот Терешина, та сторона, а эта сторона, эта. И вот они сходились с этой стороной от той. С этой стороны полсела, так нихто не зашшишался, там свояк или кто. А вот село на два разделено было − и дрались. У кого посильнее − туды погнали, потом пришли те, у тех посильнее, этих всех погнали. Ходили в Назарьевку и в Каратаевку (улицы), потом опять в Назарьевку» [ЛЛФ, с. Сара, Сурск.].

Конечными точками, символизировавшими завершение сражения и победу одной из сторон, обычно служили природные объекты, которые являлись естественными рубежами между разными концами или улицами села: холмы, овраги, водные объекты (пруд, ручей, река). «На маслиницу бывала дрались. Да. Тут канец на канец, на Низ. Да. И дагоняли, вот, да ключ˙а. Аттоли йих и сюды вот даганяли. Вот у нас тут дарошка была, тут называли “ключ˙”. Там бальшой калодец. И вот щас тот канец пабарол – “на ключ пить” их пагонют. Деруцца, кто каво кулаками бьёт. А этат пятицца, а этат за нём бижит. Тот канец, палавина была нас тут, да. Вот ани щас их – хоп! Гонят. “Куды пагоним?” – “На ключ˙ – пить!” У нас веть тут радник и в тем канце радник есть, и в тем. И вот если этат канец угонит туды – наш канец пабарол» [БЕА, БВА, с. Полянки, Сурск.].

Часто местом завершения, а нередко и начала кулачного боя был мост. «Ну, сходюцца вот так вот на масленицу, уж эт*а* обычно было: всю масленицу драка. “Давайти Конец на Курмыша”. У нас Курмыш эсли – гонит до этово, до мóсту: *в*от мост туды дальши» [БРА, с. Кирзять; СИС Ф2000-15Ульян., № 118]. «У нас вот тут мост был оч˙инь бальшой вот здесь вота. Шли нá мост, задирали, дрались. Вот нас две стараны: атуда и атсюда. И которые прогонют, посреди моста собираются, делят мост напополам» [ААМ, с. Княжуха, Сурск.]. «Начиналася, собствинна гаваря, с пацанов вот тут, на масту. Та старана и эта. Да, между этай вот – та старана и эта – речка пратяка*и*т. Ну, тут был мост. Нашу-ту улицу вот иё завут Аблайка. А туды наверьх – эта, значит, Верьх. А на той-та старане вот сюды улица-та, на кладбище, вот иё прозвали “Мертванóсовка”, мёртвых носят эт*а* на кладбище. А туды есть – эта к Кадышиву, вроди, улица Кадышивска*я*, а сюды вот, к гарам, Нова улица. Ну вот, та старана сяла и эта. Вот па мóсту, вот здесь речка пратяка*и*т, ну, в Суру. На масту, в аснавном» [МВД, МНИ, с. Котяково; СИС Ф2004-5Ульян., № 6]. «У нас вот тут мост был очень бальшой. Вот здесь вота… Шли на мост, задирали, дрались. Вот нас две стараны: аттуда и атсюда, с наш-т*а* старана поменьши, а наша-

т*а* стараны всё-тки забивали тех мушшин-та. И да вечыра, да тимна дрались стяна на стину. Эх, и интиресна, да висяло́! И маладёжь-т*а* там-т*а* старики-ти там − все, все, все. Прибижим, убирём скатину и апять, апять на́ мост. Ну уж, а тёмно уже − пайдём апять» [ААМ, с. Княжуха, Сурск.]. «Масл*и*н*и*ца − у нас схадилась всё сяло. Ни тока всё сяло, дажи вот где асфальт тут <в старину> магазин − драка, драка, драка. <…> Куда ане? Вот асилют, знач·ит, вот да маста, на*эр*на. Вот тут у нас был мостик, вот щас где авраг, тут щас всё зарасло. Бальши ходу нет, всё, дагнали, канец. Больши никуды. А тама − да магазина дагнали, больши тожи всё. Знач·ит ани расходюцца. Придел, да, да, да. А то эт дирись и дирись биз канца, и дирись. А вот ане, знач·ит, даганяют и всё. Вот бывалыч·а, ночь, тямно, и всё ж таки там паласавня» [КВН, КАН, с. Шеевщина; СИС Ф2000-12Ульян., № 80, 90]. «А у нашива двара кулачки-ти были. Ане там вот са́винавы, давра́жны [=названия жителей разных концов села], ане друг на дружку. Катора периборит. Вот знач̇ит адин раз эти вот савинавы давражных дагнали да бальшова мо́ста» [ГАН, с. Засарье, Сурск.].

Если в кулачном бою противостояли представители разных сел, то местом боя могли быть как границы между ними, в том числе и мост через разделяющую поселения реку, так и прилегающие к ним природные объекты (луг, гора), на которых проходили праздничные гуляния в большие праздники. «А в Хмелёвке луга. Там на Троицу сабирались тош. Там мардовска сило у них. На Троицу там дируцца» [НВА, с. Хмелевка, Сурск.]; «На маслинцу на масту засарски с сарскими встреч.ались. “Кулачки” были каки-та. Там Засарье сяло, а у нас − Сара. Вот ане там, парни, мужики маладыя, на масту встреч.аюцца, и “кулачки” были» [МАФ, с. Сара, Сурск.]; «Кулачки были. Я вот эта помню немножка. Ане дрались прям. У меня вот брат был с сидьмова года. Вот там, где пригорак, вон в той улицы, да палавины улицы. Вакруг сила́ дируцца» [ЗМП, с. Засарье, Сурск.].

В местностях с компактным проживанием разных этнических групп кулачные бои часто устраивались между их

представителями. «А на Троицу схадились с мардва́ми. Троица, да, эт дяруцца с мардвами. И драка, и гулянья там с мардвами. Шевч·ина − на Хмилёвка. Вот у нас тут Хмилёвка. Да. Ч·ай, на смирть убивали, вот как дрались. Три дни хадили. Знач·ит, Троица в васкрисень*я* нач·ина*цца*, три дни ходим вот веч·ирым сходимси на луга. И Арапывка, и Цыпывка, Ширшовка − эт все − и Ждамирыва, и Ялховка − все съежжались вот к нам на эти луга. Ой, сколь народу! Вот щас тока и вспаминать» [КВН, КАН, с. Шеевщина; СИС Ф2000-12Ульян., № 84]. «На маслинцу кулачный бой-та. А вот рядом сёла Шевщина (Шеевщино) − русские живут, а чериз киламетр − там мардва. И вот ане тожэ дрались. Эт вот нидавно, может быть, гадов пятнаццать или двацщать таму назад» [НИД, с. Сара, Сурск.].

Главными участниками кулачек были взрослые, женатые мужчины или парни, среди которых могли выделяться силачи и специалисты-«кулачники», славившиеся во всей округе. «Я помню, драка-та была. Тут уж ни падхади. Тока мущины. Нам ищ*о* гаварили: “Ни падхадити, а то могут ани ищ*о* свалить!” Видь ане друг на дружку. Вот каво хто абидит» [МВП, ЛОГ, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-3Ульян., № 40]. «Ну, большинство на кула́ч̇ки-те робяты, ч̇ай. Робяты моладые» [УАИ, с. Сара, Сурск.].

Однако на разных этапах кулачного боя в нем могли принимать участие и другие половозрастные группы, в том числе дети, женщины и старики. Главной их ролью была роль болельщиков и зрителей. «Ну, как-та начинают видь рабят*а*, начинают друг на дружку, канец на канец. Сабяруцца там скока: па пятку ли па дисятку − канец на канец выходют. Вот. Хто уме*е*т эт больна драцца, а хто эт*а* толька паглидеть. И рабята там, и мужики придут, да и женщины придут − толька паглидеть. Народу пално сайдёт! Идёшь дамой: “Где были да сех пор?” − “Да чать, мам*а*, знашь, ско*ль*ка народу-т*у* была на кулачках-та? Народу была многа!”» [ТМИ, с. Белые Ключи; СИС Ф2000-15Ульян., № 13]. «А мы, бывала, старики, рибятишки-та − мы ищо были нибальшии, бывала: “Айдати, айдати на Широкий прулак! Драка нынчи будит!” [А старики]

абсуждали тока так, суд вроди был какой: хто пабидил?» [РЛП, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-3Ульян., № 93].

Представители старшего поколения ввязывались в кулачный бой, в основном, «на подмогу», то есть если их партия начинала уступать противнику, либо в азарте, увлекшись захватывающим зрелищем. «Мужики стоят глядят: ага, эсли концовских погнали, значит концовскии выбёгают на помощь. Эсли Курмыш отстаёт, значит выбёгают старики на Курмыш, защищать штобы. Как война! <...> Старики выбегали. Дрались старики. Драка была сильна. А народу! Ой, смотрют как!» [БРА, с. Кирзять; СИС Ф2000-15Ульян., № 118]. «Кулачки зимой были. Раздевались, шубы − долой! Старики любители были, здорово дрались. Это ещё до колхозов было» [РВП, с. Сара, Сурск.].

Особая роль отводилась в кулачках местным силачам, специалистам-кулачникам, составлявшим гордость той территориальной группы или поселения, чью честь они обычно защищали. «У нас всё рассказывали там атец наш, мой атец: “Мастяк идёт! Глидити, щас начнёт!” Как ударит, так рубашка разлятацца. Па спине, так-та уж ни били, мол, штоб убить чилавека. Как ударит, гаварят, па спине кулаком, и рубашка разлятацца на спине» [МВП, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-03Ульян., № 93]. К такого рода людям относились с особым уважением, пиететом, а иногда и со страхом. «Вот, были, какéи были байцы-та! Вот на задах у нас сч·ас, вот на этих Пасёлках был какой баец старик-та. Лошидь сваливал с этыва, с ног! Вот яво и звали Батинька Асорин, был. Вот самый был сильный на силе мужик. Вот. И яво все баялись: “Да, Батинька, − г*а*в*а*р*я*т, − пришёл, давайти все тиха, смирна. Батинька всех прибирёт к месту”. Я вот што-та эта вот ни по*мню*, он уч·аствовал ли нет ли, а уж силач был, первый силач. Он всё-т*а*ки уж [старше нас], он атцову атцу [ровесник]. Вот ани были равесники. Ну тока вот этыт разговор-та мы слыхали: “Вот Батинька был Асорин, Батинька Асорин…”» [КВН, КАН, с. Шеевщина; СИС Ф2000-12Ульян., № 87].

Участие детей в большинстве случаев сводилась к

инициации и развязыванию кулачного боя. «Дрались сило́ на сило́. Сначала маленькие ребятёнки нач̇инают. Патом уш взрослые за ними старана́ на сто́рыну» [ТНН, с. Сара, Сурск.]. «Сначала небольшие замуча́ют, а потом мужики. Ну, вот пацанов: “Ну, давайте, замучайте!” Чё, надо драться, время-то уходит. Этих маленьких начинают жать − побольше наскакивают. И мужики начинают» [НВА, с. Сара, Сурск.]. «Кулачки − это, было, дня два, три ли были кулачки. Сначала рибятишки тут бегают, дерутся, а потом взрослы. Ну. Это тока шапки летели, морды разбиты» [ЛЛФ, с. Сара, Сурск.]. «Вот станут малинькии, а патом дела дахадила да бальших, да мужиков. Да. В аснавном как-та на Михайлав день. Пристольный праздник эта здесь у нас. Вот пацаны между сабой, а патом: “А!” − эти в защиту, взрослы-ти. И сами давай, падяруцца. Эта как всё гаварят, “па любови”. Лижачива ни бьют. И адин на адин. Эта вроди таво “па любови”» [МВД, МНИ, с. Котяково; СИС Ф2004-5Ульян., № 1-6].

Задирающихся подбадривали зрители с обеих сторон. «Кула́чки были. Ну, сейчас там вот маленьки, это ребятёшки-то. Соберутся, бывало, эдак днём: “Айда пошёл, айда пошёл!” Это замуча́ют**.** Ну, чтобы подходили. А потом при́дут этаки вот варлага́ны. Дерутся, ща не знай как! А у нашего двора кулачки-ти были. Они там вот Савиновы, Довражны, они друг на дружку. Которо переборит. Вот, значит, один раз эти вот Савиновы Довражных догнали до большого моста. Шутками, шутками, а тут разозлятся, да начнут всерьёз бить-та» [ГАН, с. Засарье, Сурск.]. «На масленичной неделе − кула́чки. Почти всю неделю. Тут собиралось народу! Та часть деревни − на ту часть. После обеда соберутся. Все были, которы крепки. Придут, тут соберутся и начинают: “Алё-алё!” − “Давай, давай!”» [ВДС, с. Засарье, Сурск.].

Другой способ зачина − драка один на один «по любви», то есть по взаимному желанию и согласию. «Да вот сходюцца, как сашлись − ну, маненька пад этим делым, канешна, ни трезвы − и нач·инают. Спирво́й, хто па любови начнёт. Там вражда ли, можит, с кем у каво какая или што ли. А патом уж и

пайдёт! Тут *у*ж нач·инают прилипацца этат за этава, этат за этава, да. Ой, сколь у нас была маладёжи-ти! Сколь пагибла...» [КВН, КАН, с. Шеевщина; СИС Ф2000-12Ульян., № 86]. «Кулачки были. Стена на стену. И полюбовье ходили. Как на дуэли: кому досталось первым [начинать], ударил раз − не сшиб, значит, тот бьёт. А потом уж начинают общую…» [РВИ, с. Сара, Сурск.]. «На кулачки всегда убивали. А как жи! Дажи пагибали. Вот у нас, например… Эт называлась "кулачна вайна", стяна на стину. Долга прадалжал*а*сь, эт ни сирьёзна, ну разгаралась да серьёзна. Спирьва адин на адин, а патом… "Палюбовье" выдут, а патом уж… Да, "полюбовье", сделашь галубова, ну как, синяков наставишь. Тада палку ни брали в руки, ножик ни брали, кроме кулака… А потом уж кажный сваво зашишать пайдёт. Чу*в*ствуит там…» [ШЗЕ, с. Барышская Слобода, Сурск.].

Иногда участники «полюбовно» договаривались «на спор», что проигравшие заплатят победителям какой-либо выкуп, например, выставят выпивку и угощение. «Дрались, бывало, село на село, улица на улицу. Это давно было. Заводили сначала такие − годов четырнадцать-пятнадцать. А там − взрослые, мужчины. Они, конечно, не одне. Вот. Чья возьмёт: "На бутылку давай спорить?" − "Давай". Чья возьмёт. С той стороны − пять, и с этой стороны − пять. Вот оне начинают. А потом прибавляются − вот десять. *В*от добавляют, добавляют и до взрослых доходят. И вот взрослые начнут на пять, и вот уже село на село. Вот Засарье село − собираются и погонят. Вот этот мост, за мост погонят. Потом сюда, наши на площадь опять идут − это интересно!» [ИВА, с. Сара, Сурск.].

Главной особенностью коллективного кулачного боя было выстраивание «стенки», то есть шеренги кулачников, в центре которой обычно стояли самые сильные и цепкие бойцы − «главари». «Вот всё сказывала ищ*о* ба*б*ушка была стар*а*я, я ищо маненькая была: "Расхадитись, расхадитись! Мастяк идёт! Мастяк идёт!" Он здаравущий был атец мой. Мастяк, он был на этим главарём» [МВП, ЛОГ, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-03Ульян., № 40]. Участие в сражении «стенок» с обеих сторон

вызвало к жизни устойчивое выражение «драться стенка на стенку» (*драться стена нá стену* или *стена на стенý*). «Сперва мы зачинали, маленькие. Вот мы, пацаны, сначала, затем − мужики. Тут законы какие были? Лёжего не бить. Вот та Назаревка, вот та улица и другая − и вот на масленицу выдут, по-чеснóму, и "стена на стенý". Вот и посильнее − и валяют…» [РВИ, с. Сара, Сурск.]. «Вот в Хмелевке-то Троицу справляли. Два села, значит: Шеевчено и Хмелевка. Они там сходились. И помоложе ребятишки: "стена на стену", говорили так, дрались. Повзрослее, есчё старше, и без обиды безо всяки, всё лицо разобьют, и никто ни на кого не обижался. И именно вот в луга ходили. Хмелевка и Шеевчено на горе, и именно в лугах, между этих сел. Ну и чё? Весь день гуляют. [А девчонки] и пляшут, и всё. Ну, кто смотрит, тот нич.о. И никакой обиды нет» [ФВВ, с. Барышская Слобода, Сурск.].

Целью кулачного боя было посрамление соперника, причем не только путем физического поражения, но и символическое. Одним из позорных промахов для бойца было потерять шапку и остаться «простоволосым». Поэтому противники стремились сбить друг с друга шапки, а бегущая следом ребятня поднимала их и подбрасывала вверх. «Дрались, дрались, крепко дрались! То*ль*ка ребятишки фуражки подымают, кверьху кидают, у ко*в*о слетит, што: вот твоя фуражка. Вот он дерёцца, у нево упала фуражка-та, а мальчишки подымают: значит, чья фуражка? Он берёт. Да» [БРА, с. Кирзять; СИС Ф2000-15Ульян., № 118]. Иногда шапку намеренно перебрасывали из рук в руки, превращая это в своеобразную игру с элементом издевки над неудачником. «[Шапки] брасали, брасали, да. Падынут, апять ни в руки атдают, да апять вот так бросют. Апять туда в этыт в народ. Ну, ка*г*да найдёт? Каторыи найдут шапку-ту, а каторыи ни найдут. А в руки ника*г*да ни дадут. Вот эдак вот. "Вот, − гаварят, − шапка валяцца, нада апять туда иё бросит!" [А хозяин за шапкой бегает]. А как жи? Ему, чать, он харошу наденит шапку-ту, жалка видь. И раньши всё-т*а*ки в харошим хадили. А с няво шапка-т*а* слитела, в руки-т*и* ни дадут, вазьмут да апять туда в

эту, в народ-та бросют. Ну каму как: как пападёт, в руки атдадут» [ТМИ, с. Белые Ключи; СИС Ф2000-15Ульян., № 13].

В большинстве случаев соблюдались общепринятые правила ведения боя: запрещалось бить упавшего («лежачего не бьют») − через него перепрыгивали или перешагивали, нельзя было использовать холодное оружие (кастеты, кистени, свинцовые закладки, ножи) или какие-либо подручные средства. «Дерись толька што на кулаки. Били куды угодно. Куды попадёшь. Раз ты дерёсси, куды попадёшь. А эсли он упал, ево не трог. Через нево уж уходют, он упал. Тока што кулаки. А сечас, мил, упади − убьют!» [БРА, с. Кирзять; СИС Ф2000-15Ульян., № 118]. «Там не хадили ни *с* палкай, ни жерздью, ни нажом. Там вот адин кулак. Лёжа − тожа не трогай» [СИМ, с. Сара, Сурск.]. «У нас такова не была, штобы там в пирчатках свинчатки, нет! Голыми [руками]. Божи избавь пирч·атку надеть! Эта выйти из стяны. Надень-ка пирчатку: “Выдь из стяны, да и всё! Ты дярись вот [=показывает кулак]. Есть кулак, − гаварят, − и дирись”. А то: “Литвá давай!” “Литвá“, “сухарь” − из свинца. Ну, свинч·атка. В Присланихи вон аднаво у нас до смерти “сухарём”. Да. За эта, Божи избавь! Как то*ль*ка заметют, кто эта в пирч·атки или в ч·ем ли: “Скинь пирч·атку!” Ни скинишь: “Ухади, ухади из стяны вон! − свае, свае, свае. − Ухади, штобы этава не была!”» [БИП, ГВИ, с. Малый Барышок; СИС Ф2006-27Ульян., № 16]. «Ну, конечно, не лежачего, и ни кольями, ни палками какими, только што рукопашно, чтоб не обижали. Лежачего не били, никакой привычки не имели» [ФВВ, с. Барышская Слобода, Сурск.]. «И вот дрались, вот эта, значыт, в руках штоб нич·оо не была. Вот тут кулак есть, а в кулак, шиб нич·о ни брать. Нельзя. Пирч·атки − пожалуйста, только жилезку ни нада. В стине дерись, штобы в тебя нич·о не была, а то там уговор сразу… Там дагаваривались, штоб в руках нич·о не была. А “по любови” уходют, значыт, эт двоих, эт их праверяют. А то, мож, у нево што в руках есть? Кистень или што. Или рукаятка вот» [ЧСИ, с. Кольцовка, Сурск.].

Нарушителей этого неписаного кодекса ждало суровое наказание, которое немедленно приводили в исполнение

представители обеих сторон. «Дрались полюбовье. Только кулаками, никакими предметами. А если предметом − его убьют тут же» [ИВА, с. Сара, Сурск.]. «А кто со стороны [чужак ввязался в бой], если зашёл со стороны и сразу стукнул мужика, его − туда − и метуха [=битьё] ему с обоих сторон… Да, кровищи было много на улице!» [РВИ, с. Сара, Сурск.]. «Это − кулачки, кулаками только. Не дай Бог взять чего в руки! Заметят − так тебе надают!.. А если ты убёг из стены, тебя уж не тронут. Все разбегутся − за гармошки и гуляют» [НВА, с. Сара, Сурск.].

Опытные кулачные бойцы применяли различные средства и уловки в рамках правил, чтобы нанести наибольший ущерб противнику и защититься от нападения. Например, для защиты от ударов могли использовать поднятый воротник традиционной одежды − чапана. «У меня отец: “А, кулачки, надо идти!” Он чапан надёвал − воротник большой у нево, у этого чапана. Бывало, в лес ездили за дровами в нем. И вот, значит, это, вот этим чапано́м, чтоб по лицу не били. Ударют − вот тут воротник. Вот как» [ГАН, с. Засарье, Сурск.].

В некоторых селах правила кулачного боя соблюдались слабо, и он больше походил на обыкновенную драку без правил. «С середы начинают на гору ходить, там вот, где клуб этот − драться. Знашь, как дрались мужики? Страх, как дрались! Один был мужик, ему запретили драться: как ударит, так чуть не насмерть» [КМН, с. Барышская Слобода, Сурск.]. «А яво што не ударят? У нас разок, нашива вот лична брата изувеч·или, две нидели лижал на подлавки, ни слазил. И пинками, и всем. Вот хто-т*а* падаспел, уж яво атташч·или, а то б убили. Вота. И никакова не была права, штоб каму-т*а* пажалывацца. Штобы: “Эта, нильзя, − мол. − Ну, схадицца, вы схади*тись*, ну так бить нильзя!” Да *и*щы избили, да пришли: “Давайти, − г*а*в*а*рит, − он на них рубаху *и*зарвал”. Я гаварю: “А у нас савсем лижит вон на подлавки. Вот всё у няво вот так вот заплыла”. Мы яво в реч·ку вот стаскали, бывалыч·а, аттоль, вот тут *г*де эта была маслиница, *г*де дрались, тут у нас правления [колхоза] бы́ла, вот ат этыва правления-т*а* мы яво там вон прям к масту, в реч·ку. Абмыли яво, у няво всё здесь запяклось. Мы яво абмыли,

приташч·или дамой... Да, тожи вот напали, эта вот па*а*диначки. Бывалыч·а, вот стяна-та на́ стяну глидишь − ух! Упал, а тут ни разбирают, упал ли. Тут валяют, ток*а*! Во как драка-т*а* была́! Батюшки, страх! Сильна дрались, сильна дрались» [КВН, КАН, с. Шеевщина; СИС Ф2000-12Ульян., № 89].

Нарушители правил могли использовать холодное оружие и различные приспособления для усиления удара. «Кистень − эта, знач*и*т, ну, гирька. И она кругла, и надёвают − резинка. И она в рукаве. Иё ни заметна в пирчатки-ти. Она бирёт, и вот он-то иё даст, и апять у ниё в руках, ана ж у ниё в руках ризинка-т. Даст − апять ана у нё в руках. Наказать это, кто налетает» [ЧСИ, с. Кольцовка, Сурск.]. «Какая "литва́" будит ей? А то "литва" давай. "Литва", "сухарь" − из свинца. Ну, свинч·атка. "Сухарь" − эта все ч·итыри надяваюцца и "сухарём" валя*а*т» [БИП, ГВИ, с. Малый Барышок; СИС Ф2006-27Ульян., № 17].

Кулачный бой мог продолжаться не только в течение всего светового дня, но и в сумерках, и требовал от участников большой выносливости и силы. Обычно бой в течение дня мог многократно прерываться, чтобы дать участникам передышку, а затем возобновлялся с новой силой. «Кулачки на масленицу. Замуча́ли [=начинали] маленькие, потом налетают большия. С нашей улицы, с той, с другой. <...> Вот хорошо, если стена дружно выступат, кто, значит, послабее − отступат. Вот от того конца гонят − до того конца. Вот до магазина догонют, и там расходились. Всё. Потом садятся. Перекурили − давай по новой. И снова хлещутся. Как в бане веником. И никто друг на друга не обижался. На маслену неделю − кажный день» [СИМ, Сара, Сурск.].

Важным элементом кулачного боя было заключительное примирение сторон в ходе завершавшего праздничное гуляние застолья, что подчеркивало ритуально-обрядовый характер сражения. «И ни сирдились друг на дружку никагда так, штобы эта асирч·али: "Вот ты миня пабидил, ты миня пабидил". Этава не была. Падрались − падрались, всё. Сходюцца, гуляли, маслиницу справляют. У каво сколька есть ч·аво, и нач·инали гулять маслиницу» [БИП, ГВИ, с. Малый Барышок; СИС

Ф2006-27Ульян., № 19].

Помимо коллективного кулачного боя, требовавшего слаженного группового взаимодействия и чувства взаимопомощи, в Присурье существовала практика индивидуальных кулачных боев (*люба́чка, любака́, драться полюбо́вье, по любови драться*), устраивавшихся не только при начале кулачек, но и в их ходе. Любой зритель мог окликнуть участника кулачного боя и предложить ему сразиться «на любачка» один на один, и, как правило, не получал отказа. «Хто спрашиват: “Давай пайдём па любови, в любоч·ка”. Ну, из жэлаюшших. Са стараны вить глядят пално. И дируцца там двацчать ч·ылавек, а сто глядят. Вот. <...> Эта старана, эта, а та старана − аттудова, а “любач·ка” − эта особа. Ну, хошь мы с табой подраться…» [ЧСИ, с. Кольцовка, Сурск.]. «Дрались и “па любови”. Вот ане прям кричат: “Давай па любови каво!” Вот яму падбярут напарника. Вот ане падяруцца па любови, што-т*а* ни так, за этава хто-нибудь заступицца, за этава тожи заступицца − и пайдут! Падрались, всё, хватит. Руку друг дружки пажали и всё, разашлись» [ХВА, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-05Ульян., № 88].

Иногда индивидуальные поединки устраивались в перерывах между коллективными, когда кулачники, устав, усаживались передохнуть и покурить. «Выхадили па *а*диначки. Выходют пад этим делым: “Хто па любови жалат?” Вот давай. Вы*й*дут тама, найдут: “Давай выхади!” Да. “Выхади, я иду!” И вот схватываюцца, нач·инают. Ну, канешна, там все пад этим делым. Вот эта ане па *а*диначки выходют адин на адин, и тут уж у них нихто ни вмишацца. Ну, па *а*диначки, а патом апять эдак тут уж пайдут, хто на каво» [КВН, КАН, с. Шеевщина; СИС Ф2000-12Ульян., № 91].

Иногда такие поединки предваряли кулачки и затевались накануне «коренной масленицы» и являлись своеобразной разминкой или «пробой сил». «Дрались не только село на село. Накануне, например, собирамся случайно − “полюбовье”: ты на меня пойдёшь, или я на тибя. Я смотрю: я этого не слажу, а вот того. Начинаю того спрашивать: “Пойдёшь на меня?”. −

“Пойду”. И уж там пинками или чем упаси Боже тебе ударить, тебе самому хуже. Встаёшь: “Ну, как будешь ещё?” Тот говорит: “Буду”. Опять начинам. Ну, потом кто − я, например, или вы скажете: “Хватит!” Всё, расходимся опять. Никакая там обида или что. И фонарь иной раз поставит» [НВА, с. Сара, Сурск.].

Участие женщин в кулачках регламентировалось традиционным этикетом, согласно которому «это не бабское дело». Хотя нормы поведения допускали, чтобы жена или родственница вступались за пострадавшего в бою участника, но обычно это не встречало понимания даже у тех, кого пытались защитить. «Бывала, бывала. Вот к клубу-та бегали мы эдакии-те. И вот Митян Марозав был и ани дрались с Васяней Ильиным. Вот ане раз*а*дрались, дяруцца, а Катя Дунина ана вот (я ни знаю, ана как к Васяни?), тока ана вот: “Васяня, Васяня, Васяня”, − и вроди в эту драку тут лезит. И яво Васяню-ту придиржала. Придиржала ана яво, а этыт яво Митян-та хлабыстнул раза два, пака ана тут путалась пад нагами. Ну и он аташол жи этыт Митян, а он апомнился (этыт аташол у няво драчун *и*ли как саперник), он развёртывацца − как ей па губам даст: “Што ты тут путы*и*сся!” Васяня её, эту Катирину-ту, больна уж иё па губам. И ана, сирдешна, заплакала − и к клубу. К клубу, знашит, к клубу тут, к свету (в клубу жи были тут лампы, всё). И у ней губы пухнут, и пухнут, и сделались вот эдакии. Вот, разбил ей губы-ти. Вот, ни ввязывайся тут. Эта я за всю жизнь видал» [ХВА, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-05Ульян., № 90].

Иногда женщины, как и дети, могли «зачинать» драку, чтобы «раздраконить», «разогреть» мужчин. В этом случае кулачки имели шутовской, пародийный характер и их целью было насмешить зрителей. «А, Бальшач·иха-та? Бабы-ти тагда разадрались на маслинице. Ой, да как! А как жи! Как мужики, а ни то што вот взялись за воласы, кулаками голыми. Да. Штобы мужиков раздраконить. Адна другую свалила да гаварит: “Щас абассу! Щас тибя, − гаварит, − абассу!” [смех] Сначала с вот эдакех [=маленьких] начали, патом бабы, а патом уж и мужики пашли. В азарт вхадили. Вот адна-та вашла в азарт, другую свалила,

кричит: “Щас абассу! Щас, − гаварит, − абмач·у!”» [БИП, ГВИ, с. Малый Барышок; СИС Ф2006-27Ульян., № 17].

Впрочем, встречаются свидетельства и о профессиональных женщинах-кулачницах, которые сражались наравне с мужчинами и обычно побеждали их. «Вот, эт я слыхала, наверна, Дёрина, катора в Арапывки шшас. Вот, гаварят, ана-т дралась…» [ЕАЯ, ЕАН, с. Княжуха, Сурск.]. «У нас вот были две женшшины, очынь бальшии, вот ани тожи дрались. Ну, пымагали мушшинам, здаровыи жи женшшины» [ААМ, с. Княжуха, Сурск.].

Несмотря на то, что большинство таких свидетельств приводится в виде меморатов, многие из них по сути очень близки к легендам о женщинах-богатыршах. «Эт был обыч·ай. Вот у нас примерна, в Ждамираво, вот. Вот, где цэрква-та, эт по цэркву − эта старана, эта, а та старана − аттудова, а “любачка” − эта особа. Ну, хошь мы с табой подраться… Вот это “любачка”, да “па любови подраться”**.** Эт ладна, “па любови”-ти. Я учылся шить пять лет в Астрадамовки. Так вот, раз мы с зятем маим, мы идём на базар, и вот такая вот девоч·ка идёт с ними. Не най, яво доч·, не най иё, я ни знаю, в обшшим, ане идут. А мы − там кулугуры − в воскрисенье шить не давали. В субботу в бани намылс*я*, и мы − в Астрадамовку на базар. Лошадь на квартири бирём − и паехали сматреть, кто дируцца. Кто на русаках ездиют, кто на машинах, кто на чэм ездиют, кто на чэм… Ну, вот, значыт, всё. Ана яму г*а*варит: “Саш, − а мы идём взади трои, − разриши”. − “Ой, да ты што! Робёнка как? По груде ударит, грудь-то уж всё. Уж он озвереет − кулак-та он кулак”. Ана г*а*варит: “Я ево убью, если… Мы даг*а*варимся. Угавор дарожэ дениг! − гав*а*рит. − Я иду, а он смиёцца, мол, жэншшина, што, мол ты мне сделашь?” А я када на ниё паглядел и сразу поч·уял − тут руки-ти вот нижи кален. Ана ни падпустит к сибе, эт близка-т*а*. Ана, знач, всё, гаварит: “Я даг*а*ворюся”. Ну, мы всё <…>. Мы встали, стаим, дажидамся. “Вот будим драцца − па груди не бей. Если ты миня па груди ударишь, я тя сразу убью”. − “Хренота такая: баба, а убьёшь м*и*ня”, − и всё, нич·о ей не сказал, што: “Буду бить или не буду”.

И вот он, знач*ы*т ей ударил раз, вдарил па грудям. Ана яму как дала па этаму месту [=по шее], и галава-т и атлитела. Вот эт я видел сваеим глазами, эт вот женщына. Вот он гаварит: “Теперь уж у ней титькав ни будет”, − раз ударил, он тож ведь, раз в кулачка имеет, то уж этат кулак исправнай. А ана яму башку снесла сразу. И сразу пальто надёват, г*а*варит: “Не судите за это”. “Па любови дируцца”, убьют − [не судили]. Эт так убивали − су́дили. [Женщина] русска, русска. И вот и ана ни из этыва сила, а проста аткуда − ни знай. [И он] отколь тож приехал, чёрт ево знай, ни из этыва села-та жэ. А ана спрасила “по любови драцца”-та. Он раз, куда стена идёт, вот, значыт, проходют тут дороги. Хто спрашиват: “Давай пайдём па любови, в любоч·ка”. Ну, из жэлаюшших. Са стараны вить глядят пално. И дируцца там двацщать чылавек, а сто глядят. Вот. А ане прост*а* так, шли, ане идут, и с ними пацан. И вот ана, знач*и*т, “в любачка”. Ана гаварит: “Саша, разриши вот. Я вот − паринь, пагоди!” И мы все трои, все, што са мной были: “Да ты што, с ума сошла? Он, грит, тибе даст, и рабёнок-т пропадёт”. − “Я д*а*г*о*ворюсь, вот, сразу башку снесу”. Хвать, и правда, снесла. Вот как быват» [ЧСИ, с. Кольцовка, Сурск.].

Рассказы о кулачных боях, основанные на личных впечатлениях очевидцев или на воспоминаниях старожилов, всегда экспрессивны, эмоционально окрашены и нередко связаны с важными эпизодами личной жизни рассказчиков. «У няво атец сильный был. Он дрался вот с маим дядяй. Ну вот (и у нас я ни знай кто гаварили), вот а посли-ти, г*авар*ит, вот Симён-та нескалька время в бани парился. Значит, он яму харашо [дал]. А атец высокай у няво был, здаровай. Ну вот, таму папала» [МВД, МНИ, с. Котяково; СИС Ф2004-5Ульян., № 6].

Хотя ритуально-обрядовое значение кулачных боев в большинстве случаев уже давно утрачено, в воспоминаниях очевидцев оно еще упоминается. В большинстве случаев проведение кулачек мотивируется необходимостью повлиять на будущий урожай. «Дрались “стяна на стину”. Эт сваé, свае. Григарова, знач·ит, вот Мидяны. А мы Лука, вот Лукаянавка, вот эт Сербия, Пасёлки, Рысевка − эта другая старана. И вот ане,

бывала, сходюцца. Ой! Ой! Хто каво пабеждат. Вот, бывала, гаварят: “Ну, вот хто, знач·ит, драка сильна была − уражай хароший будит”. Вот эта, я всё эта вот...» [КВН, КАН, с. Шеевщина; СИС Ф2000-12Ульян., № 83]. «Кулачки канчались на маслиницу. С нашей улицы, с той, с другой. Заслуч·али маленькие, патом налетают бальшея. Да вить как дрались! С синяками хадили. Старики [говорили]: “Если харашо пахлыщуцца − год уражайный”. Такая примета была» [СИМ, с. Сара, Сурск.]; «Ну, опять: “Давайте, а то урожая летом не будет”, − это говорят старики, если плохая драка» [НВА, с. Сара, Сурск.]. В с. Потьма считали, «если Верх [=конец села на горе] победил, значит урожайный год будет» [ГЕФ, с. Потьма; МИА Ф2005-02Ульян., № 54].

Список информантов

ААМ – Афанасьева Александра Михайловна, 1923 г.р., родилась и проживает в с. Княжуха

БВА – Бакунов Валентин Александрович, 1935 г.р., родился и проживает в с. Полянки

БЕА – Бакунова Елизавета Алексеевна, родилась и проживает в с. Полянки

БИП – Багров Иван Петрович, 1930 г.р., родился в с. Малый Барышок, проживает в с. Большая Кандарать

БРА – Белякова Раиса Алексеевна, 1924 г.р., родилась и проживает в с. Кирзять

ВДС – Выборнов Дмитрий Степанович, 1911 г.р., родился и проживает в с. Засарье

ВЕН – Воронкова Евгения Николаевна, 1933 г.р., родилась и проживает в с. Барышская Слобода

ВКП – Волкова Клавдия Петровна, 1925 г.р., родилась и проживает в с. Княжуха

ГАН – Глебова Александра Николаевна, 1915 г.р., родилась и проживает в с. Засарье

ГВИ – Гаврилкина Валентина Ивановна, 1952 г.р., родилась в с. Малый Барышок, проживает в с. Большая

Кандарать

ГЕФ – Горшкова Екатерина Филипповна, 1920 г.р., родилась и проживает в с. Потьма

ЕАН – Егоров Александр Николаевич, 1928 г.р., родился и проживает в с. Княжуха

ЕАЯ – Егорова Александра Яковлевна, 1926 г.р., родилась и проживает в с. Княжуха

ЗМП – Заводскова Мария Петровна, 1919 г.р., родилась и проживает в с. Засарье

ИВА – Иванов Владимир Алексеевич, 1919 г.р., 3 кл., родился и проживает в с. Сара

КАН – Крупякова Антонина Николаевна, 1932 г.р., родилась и проживает в с. Шеевщина

КВН – Крупякова Валентина Николаевна, 1930 г.р., родилась и проживает в с. Шеевщина

КМН – Кучкина Мария Николаевна, 1914 г.р., 4 кл., родилась и проживает в с. Барышская Слобода

ЛЛФ – Леванова Лидия Фёдоровна, 1918 г.р., родилась и проживает в с. Сара

ЛОГ – Лукьянова Ольга Григорьевна, 1916 г.р., родилась и проживает в с. Большая Кандарать

МАФ – Мехова Антонина Федоровна, 1930 г.р., родилась и проживает в с. Сара

МВД – Монахов Василий Дмитриевич, 1925 г.р., родился и проживает в с. Котяково

МВП – Макарова Варвара Петровна, 1928 г.р., родилась и проживает в с. Большая Кандарать

МНИ – Монахова Надежда Ильинична, 1929 г.р., родилась и проживает в с. Котяково

НВА – Никулин Валентин Александрович, 1939 г.р., родился и проживает в с. Сара

НИД – Новичков Иван Дмитриевич, 1921 г.р., родился и проживает в с. Полянки

РВИ – Рыкин Владимир Иванович, 1917 г.р., родился и проживает в с. Сара

РЛП – Рогожина Лидия Петровна, 1920 г.р., родилась и

проживает в с. Большая Кандарать

СИМ – Селов Иван Михайлович, 1915 г.р., 4 кл., родился и проживает в с. Сара

ТМИ – Торчилкина Матрена Ивановна, 1909 г.р., род. из с. Белые Ключи, прож. в пгт. Сурское

ТНН – Трофимов Николай Никтич, 1929 г.р., 5 кл., родился и проживает в с. Сара

УАИ – Усова Анна Ивановна, родилась и проживает в с. Барышская Слобода

ХВА – Холодов Владимир Александрович, 1929 г.р., родился и проживает в с. Большая Кандарать

ЧСВ – Черняев Степан Васильевич, 1911 г.р., родился и проживает в д. Кольцовка

ЧСИ – Черняев Степан Иванович, 1911 г.р., родился и проживает в с. Кольцовка

ШЗЕ – Шарова Зинаида Егоровна, 1924 г.р., родилась и проживает в с. Барышская Слобода

ШНА – Шмакова Надежда Андреевна, 1925 г.р., родилась в с. Гулюшево, в с. Полянки проживает с 1949 г.

М.П. Чередникова

МАСЛЕНИЦА

Масленица («маслена неделя») – праздничный обрядовый комплекс, который отмечается за неделю до Великого поста. На территории Ульяновского Присурья в пределах недели масленица отмечается по-разному. В одних селах масленица могла длиться всю неделю. По свидетельству людей старшего поколения, в начале XX века (20-е–30-е годы) масленичные гуляния проходили с понедельника до воскресенья: «Празнавали всю ниделю с панидельника да васкрисенья» [КНЛ, КЕВ, с. Малая Борисовка; ФА УлПГУ, ф. 4, оп. 4, 2001]; «Маслиницу празнавали целую ниделю» [БГГ, с. Сара; ФА УлПГУ, ф. 17, оп. 4].

В послевоенное время две половины масленичной недели разделяются по насыщенности праздничными ритуалами. «Ниделю ана была, а два дня иё гуляют, блины пикли всю ниделю, а иё в пятницу нач·инают. Бывала, у нас на базар ездили в Коржывку, в пятницу нач·инают, с базара приедут – субботу и васкрисенье гуляли» [ВЕП, с. Большое Шуватово; ЧМП ФА УлПГУ, ф. 4, оп. 4, 2002.] Вторая половина недели называется *коренная Масленица*: «С панидельника идёт Маслена ниделя. На Маслинцу ходят, гуляют. “Коренная Маслинца” начинацца в читверьг» [АЛМ, с. Сара; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000]. «Маслиницу гуляли читыри дня, с утра да ноч·и.» [ААП, с. Княжуха; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000]

Дни коренной Масленицы в зависимости от обрядовых действий, определявших поведение участников, имели свои названия:

пятница – *загуливать Масленицу*;

суббота – *золовкины посиделки* (Чамзинка, Пятино);

воскресенье – *закатально воскрисенье* (с. Малая Кандарать, Карс.), *проводы* или *прошшально воскрисенье, прощёный день* (сс. Потьма, Большая Кандарать, Карс.; Сара,

Княжуха, Сурск.);

Чистый понедельник - понедельник после М. – *хабабей* (с. Большое Шуватово), *блины собирать*, (с. Чумакино) *поганы куски собирать* (сс. Новосурское, Коржевка, Проломиха).

Начало праздничной недели отмечено приготовлением обрядовой еды. «Как встречали? Стряпали тока, большы нет ничао. Пираги, да чао ищо-т?… Блины. Блины всяки были. Кто каки сумет, у као чао была. Хто – гричишны, кто пшонны. Наталкут пшана-та вот в ступи да…. Ржаничны, а пшаницы не была. Эт я давнышны, давнышны расказываю, давны-ышны» [ВЕП, с. Большое Шуватово; ЧМП ФА УлПГУ, ф. 4, оп. 4, 2002]. «Ну, ана ниделя числицца-та, блины пякёшь и пичи эт можна всю ниделю» [СМС, Большое Шуватово; ЧМП ФА УлПГУ, ф. 4, оп. 4, 2002]. Первый блин, испечённый на масленичной неделе, предназначался для поминовения родителей: «Свечку зажгут и блин положут. Вот так. Эт вить маслиньца. Ну, вот тут блины пякут и радитилий-та паминают» [ВЕП, с. Большое Шуватово; ЧМП ФА УлПГУ ф. 4, оп. 4, 2002]. «Принято было, вот значит, вся маслена, блины пякли, оладьи пякут, все пироги пякут, а в среду у нас Слобода тут вот, село было, там базарчик был, рыбы купят, привезут рыбы все – масленица» [ЛЛФ, Сара; ММГ ФА УлГПУ ф. 17, оп. 4, 2000].

С первого дня Масленицы начиналось катание на лошадях. «На лошадях катаюцца. И на всю ниделю, таперь вот лошади-ти апять стали ко*е* у каво час*т*ны-ти, всю ниделю валяют. И мы катались, да. У нас уж и та*г*да атабрали лошадь, ну па радне там, была лошадь-та, зайижжали за нами, и мы катались». [КАВ, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-4Ульян., № 40-41]. Масленичные катания на лошадях объединяли всех членов крестьянской общины от детей до стариков.

С утра обычно катали детей. «Я каталась на лошаде-те. Девчонкой была, отец запряжёт лошадь, и брат у нас был, вот он нас покатат с утра-то, а уж вечером девок катат» [КМН, с. Барышская Слобода; ММГ ФА УлПГУ]. «Катались. Рибятишки сабяруцца. Нарядют их в шёлковы шали, манинькиx-та. Плетюхи… Плетёнки [= корзины] эдаки –

сажают и павязут. На лошадей пагремушки наденут и павязут в диревню катать». [КАВ 3, Шеевщино; ММГ ФА УлПГУ, ф. 17, оп. 4, 2000] «Большы всех рабятишкав катали. Палны сани насажают к*а*тали. Каторы и выпадут па дароги. Па всяки были, в эта время ни чуют ни боли, ни зябнут. Апять сядут, и апять пашёл» [КАВ, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-4Ульян., № 40-41]. «На маслиницу катали дитей. Их на розвальных санях катали. Йих многа. На розвальни-ти сажают, ты што» [МВМ, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-20Ульян., № 95-99].

Катание детей часто приобретало шуточный характер. Взрослый, катавший детвору по селу, имитировал выкрики торговцев глиняной посудой. Зрители с удовольствием подхватывали эту игру. «Када дитей катали, кричали: “Гаршков визём! Гаршков визём!” Эта кричали. Шутили всё. <Рыжыки> сидят и там зявают. Сажали, палны сани насажают. <...> Дети-ти сидят и зявают. А кто визёт йих, кричит: “Гаршков визём! Гаршков визём! “Купити гаршки! Каму гаршков! Каму гаршков!” И хто визёт, и хто стаит: “Батюшки! Гаршков вязут, гаршков вязут!” Эта шутили вот эта так. [МВМ, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-20Ульян., № 95-99]. «На лашадях катаюцца, у каво лошади, катаюцца. Ой, у миня рабитишки как катались! Страх! Батюшки! Замёрзнут, придут, гаварю: “Што вы, у вас варижки мокрыи, всё!” — “Мам, замёрз я!” — “Ну, канешна, весь день катацца”. [ГМФ, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-7Ульян., № 50]. «Када рибятишкав визли, крич·али: “Горшков, горшков, горшков, горшков! Каму нады гаршков!” [смех] [САМ, с. Потьма; СИС Ф2006-22Ульян., № 58-63,].

В четверг – первый день коренной масленицы начиналось катание молодежи: «Вот на саму на масленицу катались тока падруги. Нынчи на нашый лошыди, завтри на тваей лошыди, там на этай лошыди. Вот. Нам запрягали атцы лашыдей и мы катались па очириди. Мальчишки правили па очириди...». [МВМ, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-20Ульян., № 95-99]. «[СИС: А ребятишки какого возраста катались?] Ну, рабяты уж. Да. Двацщать-двацщать пять лет, вот такии». [ССП, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-6Ульян., № 27].

К молодежному катанию на лошадях готовились заранее. Парни договаривались, кто из них приведет свою лошадь. По договору запрягали тройку лошадей. Если у хозяина было несколько лошадей, он разрешал сыну запрячь их: «У ка*во* лошади есть, пару запрягут, тройку запрягут и катались. На девак, г*ава*рят, рабята, г*ава*рят, катают вот, г*ава*рят, у них, г*ава*рят, лошади харошы запригли, г*ава*рят. Пару лашадей тут, тройку лашадей. То сложутся два парня, привядут сваех, у каво там три лошади, сваех запрягут» [ТМИ, с. Белые Ключи; СИС Ф2000-15Ульян., № 18]. «А уж вот у миня брат был, а за нём девки-ти бегали. А лошади-та у нас у тяти три лошади, по три лошади была, больна уж харошы. Да. Сани-ти *кошавые*. Бывала: "Ваня, давай, пакатай нас. Ваня, пакатай нас". – "Ну, прихадити"». [ИАС, с. Малая Кандарать; СИС Ф2006-22Ульян., № 96-101].

«Кашавые» или «круглые» сани предназначались специально для праздничного выезда. «Ане, значыт, такеи круглы, у них пирядок абделанный, и тут, крашыны, и там сиденья. И там садяцца вот скока чылавек уж, чылавек там пять-шесть, большы ни усядуцца там на них. И вот прям абделаны сани, на них уж нич·аво ни работают, тока вот выездныя сани. Выяздныя сани у нас были, вот у тяти-ти была три лошади». [ССП, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-6Ульян., № 27]. «Нам тятинька впрёг лошыдь, сани были "круглы*и*". Были развалёны вот такия [= розвальни, для перевозки грузов], а эта были круглы*и* сани такеи сделаны. Чилывека чатыри тока сядут. Гришка Казаньив был таварищ брату маиму, Гришкай яво звали. Вот <вишь> ане двоя, и на этих саначках пракатились». [МВМ, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-20Ульян., № 95-99].

Девушки и молодые женщины украшали сани и дуги. «Сани, вот на аглобли лентав навяжут, и розавых-ти шолковых, и красных-ти, и можыт, такех ни то што шолкавых, какех нарежут. И дугу-ту! И на обрать тут к этаму, всё, визьде, визьде, визьде!» [ССП, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-6Ульян., № 27-28]. «Как мы сюды пиришли, у нас лошыдь (ни *знаю*, свая была, ни знаю, он работал на ней), паедит, я прям харошый кавёр

стащу, пастилю на сани-ти, он сядит, ищо насажа*а*т и паедит ну, туды в Кандарать к клубу. К клубу, туда съижжались все вот эти. Лошади нарядны, на дугах ленты, на аглоблях вот тут вот банты. Эта была». Выездные сани украшались так же, как во время свадьбы. «На Масленицу катались на лошадях. Лентами украшали лошадей. В гриву ленты вплетали. Да, красные ленты. На дуге – колокольчик». [ШПФ, Полянки; ММГ ФА УлПГУ, ф. 4, оп. 4]. «Какой-нибудь красивый кавёр пастелют в сани. Вон какую-нибудь шаль, дугу-ту, дугу-ту. Дугу-ту маненька абярнут, дугу-ту лошыди. Нарижали лашадей. <...> Чай, шолковую шаль привяжут или утиральник на дугу». [МВМ, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-20Ульян., № 95-99]. «На Масленицу лентами украшали лошадей. В гриву ленты вплетали. Да, красные ленты. На дуге – колокольчик». [ШПФ, Полянки; ММГ ФА УлПГУ, ф. 17, оп. 4, 2000].

В с. Кадышево до второй половины XX века сохранялся обычай во время масленичных катаний привязывать к дуге куклу, как это делалось во время свадьбы. «Вот или куклу паставют нарядют, или вот тока палатенци накрутют, вот лошадь наряжына едит» [ЯТА, с. Кадышево; СИС Ф2003-3Ульян., № 83-84]. «Калакольч·ик павесют и едут. И куклу павесют на дугу, вот калакол приваяжут, куклу павесют. Вешали на перьвую лошыдь. <…> Да, на масленице на перьвую, ане и едут, и калакольч·ик звинит, и кукалка матацца, вот и едут. Вроди эта больна уж гожа, радасть, как жа, шутки» [ЕАЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-13Ульян., № 41]. Куклу делали старшие: мать или тетка девушки. «Куплять-та не на што была, дениг тагда не была. Мама шила, то тётка какая, то няняькай называли, то вот такея: “Мне вот кто шшыл, мне вот кто уделал” [САН, с. Кадышево; СИС Ф2003-5Ульян., № 10-11]. «Губки накрасют там, нет, губки не красили, а шшоч·ки. Ана видь тряпашна кукла-та, сделана галовушка, и носик, и всё, и шшоч·ки. И пакрасют, как есть». [ЕАЯ, с. Кадышево; СИС Ф2003-13Ульян., № 41].

В 20-е - конце 30-х годов XX века во многих селах сохранялся обычай *ездить* на масленицу *поездом*. Ехали по

улицам, объезжая все село. Доезжая до конца одной улицы, поворачивали и выезжали на другую: «Бывала, бывала, я уш вот ни захватила, но и… прям абозами, абозами прям катались» [СМС, с. Большое Шуватово; ЧМП ФА УлПГУ, ф. 4,оп. 4, 2002]. «Ездили на масляницу ва всё сяло. Бывала, как называли “поизд”. Набяруцца лашадей пятнаццать-десить… А шассейкав-та не была видь, дароги были такии, снежны. Азаравали. На лашадях катались. Ой, боже мой! Девки, рабяты…» [ЦАП, с. Валгуссы; ЧМП, ф. 4, оп. 4 2001]. В с. Большая Кандорать сохранилась память о том, что в довоенное время на масленице «поезд» начинал объезд деревни с востока: «Вот паедут адной улиц*ый* вот так вот, другой и... Ну, щас ни панимают, атколь нады ехать, куды ехать. Атколь паедут, куды приедут. А раньше [порядок] был катацца аттудава с васхода вроди солнышка. Как-та всё эдак ездили. Большы этай нашый улицый ездили [= Верхняя Почтовая]» [КАВ, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-4Ульян., № 40-41].

Во время масленичных катаний ездоки устраивали соревнования. Обогнавший во время скачек соперника приглашал его на угощение: «На маслиницу ездили. На санях ездили, “круглыи” санки такии назывались. Рысачок харошынькай. И вот абгонит кто каво, саривнавались. Саривнавались, там вот, скажым, па силу кто раньшы праедит эту улицу. Выижжают вмести, и вот с аднаво канца во втарой канец. Кто каво абгонит, чей рысак абгонит, и тот бирёт к сибе угашшать, каторый ни абагнал. Каторый ни абагнал, а этыт яво пиригнал, он яво бирёт к сибе угашшать. <...> Скажыт: “Давай, вот мы с вами пасаривнуимся!” Да? У миня лошыдь лучч·и, у вас лошыдь, можыт быть, хужы. Зависило эта и ат йиздака, вот. Парами дагавариваюцца, вот и ездили» [ГПС, с. Коржевка; СИС Ф2000-3Ульян., № 86]. «Катались, хто на пириганки суме*е*т, да. Туды праедут, аттоль заварачываюцца туды в центр вот, аттоль заварачываюцца. И па нашый [улице], и там мост есть, въежжали каму жылатильна на ту, и на Гурьянавку, вярнуцца, и апять туды, и аттоль апять<…>, вярнуцца в ту улицу. И той улицей, и апять в нашу, и апять, вот эдак-ту валяют. Да тех пор,

в мыли лашадей-ти инда сделают!» [ИАС, с. Малая Кандарать; СИС Ф2006-22Ульян., № 96-101]. «И абганяюцца, страх инда глидеть: друг за дружку заденут и зашыбут друг дружку. И напириганки ганяют, па всяки» [КАВ, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-4Ульян., № 40-41]. «Напириганки, хто пиригонит, вазьмёт лошадь-та, суме*е*т пиригнать. “Я, — г*ава*рит, — пириганю, — г*ава*рит, — эт*а* тиха едит лошадь. Я што за ней еду? Я паеду пашыбчи”. Гонки устраивали, и пириганялись, всё была» [ТМИ, с. Белые Ключи; СИС Ф2000-15Ульян., № 18].

Во время коренной масленицы вместе с молодыми неженатыми парами катались молодожены. «Маладёжь, всяки, взрослы, дажы и жанаты маладыи катались. На сани насядуцца и паедут катацца». [ВЗС, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-29Ульян., № 55]. «А на маслиницу уж тут маладыи уж ане, пажанаты маладыи. Вот, зна*и*шь, запрягаит, катаицца. Нарядют дугу, с калакалом. Вот, эта была, катались на лашадях. Па улицы, да, па улицы. Па улицам катались, ездили. Были таке*и* санки круглы, вот запрягают, харошые есть лошади, были рысаки у некаторых людей, багатых» [ЖИМ, ЖМС, с. Кадышево; СИС Ф2003-6Ульян., № 39]. «Маладыи катались вот, каторы в мясаед выходят замуж, вот ане катались. Уж на маслиницу-та ане уж, знашт, жывут [ЖИМ, ЖМС, с. Кадышево; СИС Ф2003-6Ульян., № 39].

Во время катаний устраивались шуточные розыгрыши над молодоженами. Зрители забрасывали их снежками, возница на резком повороте вываливал в снег, парни останавливали лошадь, на которой ехали молодые, и заставляли целоваться. «Бывала, если, примерна, можыт быть, эдак вот пагонют, повернёт круто, вывалюцца маладыи, играют, шутют, эт*а* шутки всё эт*а* были. Аб этам эт*а* и гаварить неч·ива. Виселья была». [ЖИМ, ЖМС, с. Кадышево; СИС Ф2003-6Ульян., № 39]. «Маладых ловют - кланяцца в ноги. Да, кланяцца. Пымают, мужики, лошади хороши были у као, вот ани счас ыё накормют, начистиют ыё, - в сани, а молоды рабяты ловют цыловацца: слазит, кланицца мужику в ноги. Руки назад, паклонилси, пацыловал, сел, и паехал апять. Всё абъездиют – и Каноплянку,

и Проломиху – визде абъездиют. И визде их ловят». [ТАЕ, Чамзинка, Инз.; ММГ ФА УлПГУ, ф. 4, оп. 4, 2001].

Масленичные катания на лошадях были ярким зрелищем, на которое собирались жители всей деревни. Катающиеся молодые люди пели песни, зрители всех возрастов с удовольствием их подхватывали: «Вот окаль дворьив каторы глядят, да. Песни пают, с гармоньей каторы. И прям на санях-ти в гармоньи играют. Песни всякии закатывают. Вот так вот». [ССП, СОИ, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-6Ульян., № 27-28]. «Все были на ул*и*цы, сматрели, как катаюцца» [ИАС, с. Малая Кандарать; СИС Ф2006-22Ульян., № 96-101]. «На маслин*и*цу запрягают у каво лошади. На дугу-ти, на аглобли-ти лентав навяжут, насадют уж палны сани. И закатывают на санях-ти хто какеи песни!» [ИАС, с. Малая Кандарать; СИС Ф2006-22Ульян., № 96-101]. «И стары смотрют, тока пасмеиваюцца. Ка*г*да холадно, вот эдак вот, бывала, скажут: “Ну, да сапель замерзнити”. А йим машут платоч·кими-ти вот эдак вот, платоч·ками-ти, на санях-ти. Ну, была, чай, дорага паглидеть». [ИАС, с. Малая Кандарать; СИС Ф2006-22Ульян., № 96-101].

На масленичной неделе устраивались обязательные кулачные бои (*см. статью «Кулачки» в данном сборнике*).

Но главные обычаи обрядового комплекса были связаны с молодоженами. В больших сёлах на мясоед приходилось много свадеб. Завершением свадебной обрядности стал обычай приглашать молодых в гости к многочисленной родне. В Ульяновском Присурье этот обычай назывался *«молодых масловать» (см. статью «Молодых масловать» в данном сборнике*). «Тада на Маслинцу у нас только гуляли. Вот я вышла замуж, да, например, в январе, а там – масленца. Она накануне поста. Нас водили: «Молодые идут!». Моя мать зовет нас туды ноч·эвать. Я и муж иду ноч·эвать. А потом тут сродники, тут один зовет, другой зовет. Гуляли, в каждый дом ходили, гуляли, “масловали”» [ЗМП; Засарье; ММГ ФА УлПГУ, ф.17, оп.4]. «На маслинцу ходят, гуляют, “коренная маслинца” начинацца в читверьг. В среду приходят, вот как сказать – я живу са свикровью, приходит мать или кто ли и миня завут: “Ты

нонч*е* прихади, вот к этим пайдем”. И вот мы, маладыи, и хадили. Муж мой стал, я ево жина, вот мы и хадили п*а да*мам. В адин, ва втарой, в трет*ий*. Гуляли, плясали, всё. Вот эт “масловали*”*» [АЛМ, с.Сара; ММГ ФА УлПГУ ф. 17, оп. 4, 2000].

В некоторых селах (Чамзинка, Пятино) суббота на масленичной неделе называлась *золовкины посиделки*. «В пятницу – па маей радне, а в субботу – к заловки – эт уж “заловкины пасиделки”». [ТАЕ, Чамзинка, Инз.; ММГ ФАУлПГУ, ф. 4, оп. 4, 2001]. «Вот вышла ана, у ней заловка, сястра иё мужыка. Вот ани ходют друг к друшки. Пираги испякут, сядут и идят. Брашку выпьют. Вот эта “заловкины пасиделки”. [БАП, с. Пятино; СЕВ ФА УлПГУ, ф. 4, оп. 4, 2001].

Начиная с пятницы, три дня подряд жители села с удовольствием наблюдали, как нарядные молодожены обходят дома близких и дальних родственников.

Во время таких обходов парни и молодые женатые мужчины подшучивали над молодоженами. Их старались повалить на землю и закидать снегом. Обычай назывался *«молодых солить» (см. статью «Молодых солить» в настоящем сборнике*). «А уш маладых-та снегом закидают, снегам-та заваливали! Всё время тока и глидят, маладыи идут. Заваливали снегам – свалят и валяют». Шуткав многа была, оч·инь многа: «Маладых салить нада!». [МАФ, Сара; ММГФА УлПГУ, ф. 4, оп.4, 2000].

В 20-30-е годы подобные розыгрыши могли устраивать и замужние женщины. Они подшучивали над девушками и парнями, которые дружили, но в мясоед не сыграли свадьбу. «Бывала, валяют йих. А то прапустит мясаед, ни выйдит девка замуж. И иё, йих. Ни женицца, зна*а*м, што ана с нём дружыла, дружут, тожы йих валя*я*м. Ни жынились в мясаед, то йих. Да, па снегу валя*я*м. И шутницы бабы-ти есть. Ну, идут ане, я знаю, што ане, мол, дружут, вот мы сидим эта и нич·нём. Вроди шутак. Йих и накувыркают. “Ни прапускайти мясаед, жыницца нада!” Там што-та пригаваривали». «Вот каторыи, ну знам вот,

с каторым ане дружут, ну тех. Ну да. Или адну иё» [ААМ, с. Сара; СИС Ф2006-37 Ульян., № 78].

Но особенно доставалось еще не просватанным девушкам-невестам. *Девок солить* было принято в разных селах (Большая Кандарать, Малая Кандарать, Сара). «Ну, там бегали каторыи пастаршы нас уже. В мой вот эта возраст я уже эта ни помню там. Ну, там гаварили девак эта в снег в сугроб, заваляют снегам там и всё. Ну, эта апять всё па-харошыму, всё эта, как гаварицца, ни то што там, а уж... для смеха вроди так. Встанит ана, ани же иё и атряхнут, и всё». [ДКВ, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-29Ульян., № 24]. «Гаварят: "Давайти салить". Вот и заваляют снегам, штобы ни портилась! Штоб да следущива лета [=года] ни портились. Да.» [КЗА, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-25Ульян., № 87].

Наибольшее количество ритуальных и игровых действий приходилось на последний день масленицы. Его названия отражают характер этих действий: закатально воскресенье (с. Малая Кандарать), проводы или прошшально воскрисенье, прощёный день (сс. Потьма, Большая Кандарать, Сара, Княжуха, Сурск.).

В с. Малая Кандарать «"закатально воскрисенье" он называцца, вроди вот тут всё кончацца. В четверьг начина*и*цца, а это уж в воскресенье закатывали, заканчывали. Да» [ИЕС, с. Малая Кандарать; СИС Ф2006-22Ульян., № 66]. В последний день масленицы заканчивалось катание на лошадях, происходили последние кулачки и гощения. В с. Палатово в санях, на которых каталась парни, поджигали солому: «В санях маненька зажгут да ездили. Толька што саломку нимнога сажгут и выкинут иё. Выкинут, нагам*и* притопчут» [БАА, с. Палатово; СИС Ф2000-6Ульян., № 38-40].

Проводы масленицы в Присурье представляли собой ритуал, в котором преобладали шуточные действия. В последний день масленичной недели катались на лошадях ряженые. «Раньшы наряжались, дажы лашадей в штаны наряжали, шапку надявали. С кал*а*калами па сялу-та ездили. Раньшы многа была лашадей-та. И сами наряжались, хто... Па-

цыгански, па-всяки наряжались. Эта вот я помню. На лошадь штаны надявали. Да, эта вот раньшы Дуванов был, там на Макруше. У нево - лошадь, наденут штаны на ниё, дугу урядят разными лентами, кал*а*кала павесют, шапку наденут на лошадь, ага. Шары всякии. Кашавыи сани были раньшы-ти. И катаюцца. Все садяцца, кучей кубарем и ездиют. [СИС: Это ребятишек катали?] Всех, сядишь бальшыи и маниньких. У миня у матири брата дажы задавили. Кучей наклались. Нарижаюцца, канешна, хто как чудит. И женшшына наряжацца, и мушшына наряжацца в женска ва всё наряжацца, чудили па всяки». [САМ, с. Потьма; СИС Ф2006-22Ульян., № 66].

Признанных «чудаков» зрители приглашали к себе на угощенье: «...Любан, бывала, едит. Он такой был комик. На масленицу к нему все и сбегают, и ево все приглашают в дом. Лошадь за хвост держит, вот. Пилит, печка, дым идёт. Чурку вот вазьмёт и пилит. И в печку кладёт там, в жылезну - какую-ту сделаит. Какии-та прибаутки паёт. Да. Вот адин такой. У нево эта был излюбленный номир. Эт*а* рассказывали пра нево. Атец рассказывал, дедушка рассказывал. Вот он этим дабивался сибе, што ево все приглашали» [ГПС, с. Коржевка; СИС Ф2000-4Ульян., № 7].

Для проводов масленицы в 50-60-е годы XX века делали соломенное чучело, которое называлось *Масленицей* или *пужалой* (с. Чамзинка). Кто-нибудь из местных «чудаков» с шутками и прибаутками возил чучело по деревне.

«У нас старик адин делал. И вазил эту ч·уч·ылу. Эту ч·уч·ылу визёт, аденит, зьделат иё уш какой-нибудь, аденит адёжу мушскую, каку-нибудь плохиньку. Ис саломы, ис саломы набьёт и зделат руки, палки ваткнёт, руки, шапку наденит. И вот и вазил. Эт вот выбегут: «Вон, Маслиница едит, Маслиньца!». [БТП, с. Чумакино; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001]. «Я сама эту ч·уч·ылу делала. Вот брала я рубашку, ну, мужык-та вон бальшой, рубашку, брюки, набивала саломай ео и вопщэм фсё скруч·ывала, связывыла, шапку, ну тож голаву такую, ну вот так, брови, нос фсё такое, ну и фсё. И павизли на маслиньцу

мы тагда. Паехали на лошыди, павизли» [ЛАА, с. Чумакино, ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001].

Нередко те, кто возил чучело по селу, наряжались «как на свадьбе». «Я вот наридилась сама, маску зделыла вот такую, ну, аделась там, проста от надела этат капронавый… этат, ч·улок. И вот так вот, и усы и фсё такоя». [ЛАА, с. Чумакино, ЧМП ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001]. «У церькви… сноп завиртят вот эткий, ну…как яво…ну, сноп, как чилавек. Вот это салому-ту, скрутют, скрутют иё, завяжут сноп вот эткий вот, бывала, яо… раскорячишь, накрыла, надела на эту…, на палку. А сюды можна низ растакырить иё, эт салому-т. Шапку космату наденут. Вот шапку наденут, завёрнут в какой махор, чтоб все смиялись. Эт называцца, эт… “пужала”. Ну от, да… И посадют и ездиют вота. Рибитишкав сажают, дифчонки сидят малиньки, гадов па пятнадцать или сколька… Песенки пают. Ездиют. Народу-ту многа. Хто песьни паёт, кто чао ить». [ТАЕ, с. Чамзинка; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001].

Некоторые удачные шутки повторялись из года в год. Признанные шутники были известны не только в своем селе, но и за его пределами. Память о них переходила из поколения в поколение. «У нас вот на маслиницу адин, бывала, запряга*и*т лошыдь, ставит стол на сани, бутылку, ч·уч·ылу эту прилаживат, всё, и даижжа*и*т вот да этава вот… Низ у нас вот здесь, эта тут жыли Горхины, да Горхина двара, с гармоньей тута, и вот маслиницу. “Маслиница, Маслиница, атправляйся ат нас! Давай привази нам этыт пост. Да. Паследнии рюмки пьём, большы ни будим!” И тут ч·удил он, бывала, ч·удил. Сам нарижался, тулуп выв*а*ратит, всё, смишней штоб была. И ат этава двара. Эта да вайны была, да вайны. Лошыдь нарядит лентами, всё, и да самава туды, да Галашубихи едит. В абед сабира*и*цца, видна, и ну сюда приедит, толька вот на Макрушу-ту далёка ни ездил, эта уж у няво астановка здесь была, на Низу. И улицей, и в Иванавку ездит, там эта Иванавка вот, ну эта вся улица, туды едит уж. Да, ну эта, хто к няму падбягут, он налива*а*т из этай бутылки, ну ч·аво, вина *и*ли можыт ч·аво-та, ч·ай, ни вином. Вады, ч·ай, налива*а*т, и всё. Ну, пашутить. Он у

нас адин такой шутник был». [КПС, с. Потьма; СИС Ф2005-18Ульян., № 38]. «Вазили на санях. Наряжали яво. Палку наденут. У нас был адин эта такой чудак мужык. Ну, старый уж он был. И вот нарядят яво, шапку на няво, палки, шубу наденит на няво. И едит па ул*и*цы. А за нём народу-ту, народу-ту! Эт*а* на маслиницу, эт*а* на маслиницу» [РТТ, с. Чумакино; СИС Ф2000-9Ульян., № 107]. «Вот чучилу паставят иё в этат, катались ведь на маслиницу-ту на лашадях, ну вот иё паставят. И акруг иё, пажалуй, ищ и агонь раскладут. У нас адны, вот Сиргеевы сродники, нихто ни асмелицца, а ани в санях салому зажгут: и чучила гарит, да, и салома гарит. Эт вот я никагда ни забуду. Как-та делали ани, я ни зна*ю*, эт*а* мужыки. *А*зарники больна были. Эта перид вайной, перид этай вайной, да, када *и*щ ищо вайна-та была. Да, перид вайной. Мужыки-ти *а*заравали. Ани ни калхозники были, у них была свая лошадь. Цыгарку яму [=чучелу], чёрт иё знаит, прасти Бог, как ани делали. Ну, нихто ни асмелицца штобы в сани... Ни дровни были, а сани. И в санях раскладут агонь и едут. Сроду ни забуду. Я нибальшая была». [ЛСФ, с. Палатово; СИС Ф2000-6Ульян., № 83].

Иногда рядом с чучелом масленицы в санях стояла женщина, которая пела шуточные песни и частушки, потешая зрителей: «Маслиньцу-та, бывала, я ищи нибольша была, вязут на санях. Сани вязут рабята, а тут ящик какой паставят на калымагу, бывала. Были калымаги. А в ящ·ике – наряжена женщына. Вот эта наряжына махрами, тада чао нарижацца – махры, махры насили, сидит, руками-т машыт, запёват… Была у нас адна-та тётка, пачтальёнка… Правaжали… Народу мно-ога…, суды праважали, за акольцу. Ана стаяла пряма, и у ней какой-та был прут с этими, с вирёвачкай, ана от махала фсё время, песни зявала, частушки ана тож сатваряла» [ВЕП, с. Большое Шуватово; ЧМП ФА УлПГУ, ф. 4, оп. 4, 2002].

С чучелом и просто ходили по селу в сопровождении большой толпы. «Палки таскали, на палки накрутют саломы, сделают и руки, и голаву, всё, да с саломы ж ана делаицца. Паставют палку, зделают как голаву эту салому-т зделают, попирёк палку привязывали, как руки, вот так вот. Все как-та

сабирались. И мужики, и бабы, и парни, и девки, и рабяты, все, и ходют па улицам. Да, вот хадили па улицы вечирам, хадили вот таскали вот. Маслиницу праважали» [РВМ, с. Чамзинка; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001].

К вечеру чучело сжигали. В 20-30-е годы его вывозили в поле. <…> [с. Потьма]: «Жгли яво ззадь сяла». [БТП, с. Чумакино; ЧМП ФА УлПГУ ф. 4, оп. 4, 2001]. «Вот вязут иё, Масленицу, и народ за ней идёт. Вот за акольцу праважали. Там и сажгут иё. Эт давно была, давно… [ВЕП, с.Большое Шуватово; ЧМП ФА УлПГУ, ф. 4, оп. 4, 2002].

В послевоенные годы, когда в организации празднования масленицы активное участие принимали сельские культработники и представители официальной власти, например, председатель колхоза, чучело сжигали в центре села: «А тут уж как к вечиру-та вот иё у управления зажгут. Ну, жгли тама. Ну от, зажгут яо, ано и гарит там, салома-та. И шапка-та сгорит, васкрисенье када придёт. Вота и жгут. Хто катацца на масьлиньцу на лошыдях, рибитёшки там нибольшие, дифчонки. Ну а старухи-то, мужики… агонь жгут, у цэрькьви-ти». [ТАЕ, с. Чамзинка; ММГ ФА УлГПУ, ф. 4, оп. 4, 2001].

Во многих селах Присурья до недавних пор сохранялся обычай в последний день масленицы жечь костры. «На маслину жгли салому вон на гаре, на бугре. Сайдёцца всё сяло…» [ВОА, Аргаш; ММГ ФА УлПГУ, ф. 4, оп. 4, 2001]. «Кастры на дароги жгли, прям вот на дороги, да, рибятишшки жгут. А то вон гара-т, на Сажынку… У нас Сажынка называцца, туды балон [от автомобильной шины] аткотют и зажгут яо – ба-тюшки!.Агонь-та долга гарит» [СМС, Большое Шуватово; МПЧ ФА УлПГУ, ф. 4, оп. 4, 2001].

«Два снапа свяжут да сжигают, чтобы весял*о* было год жить.   Ну, эт я толька слыхала, в нашу пору уш не была» [ШЗЕ, с. Барышская Слобода; ММГ ФА УлПГУ, ф. 17, оп. 4, 2000]. «Вечирам эта так, рибятня начнут па гарам, па буграм снапы панясут, аль сажгут где…» [ВЕП, с. Большое Шуватово; ЧМП ФА УлПГУ, ф. 4, оп. 4, 2002].

В с. Барышская Слобода в последний день масленицы по

улицам возили ступу, в которой толкли лён: «А вот ещё на масленицу, в “прощёный день” запрягают лошадь, стелют на дровни доски, на повозку ставят ступу и толкут. Завтре - говенье, прясть будут, лён толчи будут, ночки мыкать. Стоит вот женшшына наряжына и толкёт» [КМН, с. Барышская Слобода; ММГ ФА УлПГУ, ф. 17, оп. 4, 2000].

В с. Палатово Масленицей называли мужчину, который возил по селу соломенное чучело и катал детей. Взрослые к нему отправляли детей, чтобы те просили продлить масленицу. «Старик был чудной на каньце, зачем-та яво Маслиницай звали. [Идити] прасити: “Прибавь маслин*ицы*, эта, маслин*и*цы ищо прибавь!” вот к няму и пайдут кричать: “Дядь! Прибавь маслиницы! Прибавь маслиницы!”» [ЛНА, с. Палатово; СИС Ф2000-6Ульян., № 129-130]. «Мужыка звали “Масленица”. Вот паследний день катаит: “Дядь! Дай ищо динёчик! Ищо динёк маслиницы!» [БАА, с. Палатово; СИС Ф2000-6Ульян., № 38-40].

Последний день масленицы - прощеное воскресенье. Соседи и родственники приходили друг к другу просить прощения за вольные и невольные обиды. «ААП: Прашшэние у всех, у друг дружку прасили. И все расхадились, все давольны, никакой абиды, ничаво. И апять эта васкрясенье, маладых привядут апять сюда. Аттуда – маи радныи, мы придём сюда. Ч·о тока ни стряпали, всё делали, всё эта, всё угашшэнье была. Сюда нас привядут, всё, прашшэнья все друг у дружку папросют» [ААП, с. Княжуха; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000]. «А патом, када "пращёнай день" был, в васкрисенья я хадила к мат(е)ри и радным и прасила у них прашшенья: "Прастити миня, мол, там чаго, с кем сагришила, каво абидила, чего ли". Ну, и всё» [АЛМ, Сара; ММГ ФА УЛГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000]. «Вот ходили, прощались. Вот: «Прости меня, мама, Христа ради». Наругались, наплясались – и вот это прощались» [ШНА, с. Полянки; ММГ ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000].

Обычаи чистого понедельника (*см. статью «Чистый понедельник» в настоящем сборнике*) в некоторых селах Ульяновского Присурья представляли собой своеобразный переход от разгула масленицы к строгости Великого поста.

Утром этого дня в с. Чумакино старик, который накануне возил чучело Масленицы по селу, выезжал на лошади блины собирать. «Был у нас адин старик. Он ч.удной был, ч•удил. Он ездил “блины сабирал”. Эт посьли масьлинцы, эт “ч•ыстый панидельник”, а он эт тут ездил. Вот запригёт лошадь, паложит там…ч•ао, и вот едит, ульцай-та, “блины сабират”. Пякут блины, выносют яму, кладут, и вот он в “ч•ыстый панидельник” блины собират» [БПТ, с. Чумакино; ЧМП ФА УлПГУ, ф. 4, оп. 4, 2001]. В с. Новосурском подобный обычай назывался поганы куски собирать. Здесь за остатками скоромной масленичной еды приходили татары из соседнего села Дракино. Им и отдавали то, что во время масленицы не успели доесть.

В с. Большое Шуватово Чистый понедельник назывался хабабей - это был общий сельский пир для которого женщины готовили большую грибную жаровню. «Эт “хабабей”, эт “хабабей” називацца, вот эта пахмиляцца, и вот тут уж песни за письнями-те. Эт “хабабей” називацца. О-ой, у нас всё эта, на углу-ту мы жили, сабяруцца все вот, батюшки, предсядатель придёт, и эта баба-т у нас, грыбовница, натаскат грыбов целый мишок маслинкаф-та, насушит их, вот эт уш больна, я помню… А малиньки маслинки, вот эт их настират [=намоет], самавар паставит, настират их, настират, маслам посным абальёт, нажарит, о-ой, тока дай на стол, так подай. Всё адин мужик: «Пагади, баб Соня, щас Нюра принясёт, у миня канапляна масла есть». Двухлитровый гаршок принёс – ой, чай, батюшки. Мишок цэлай сьели тада грибов-та, “хабабей-та” вот этат самый, “хабабей”. Сроду ни забуду. Маманьки! Ну, например, как матиря уш вот нашы, да, бабы-т уш, вот ана вот эдак разуцца, басиками. Пляшут, маманьки! Пляшут, а как жы, запявают» [СМС, Большое Шуватово; ЧМП ФАУлПГУ, ф. 4, оп. 4, 2002].

Список информантов

ААМ – Афанасьева Александра Михайловна, 1923 г.р., , родилась и проживает в с. Княжуха

ААП – Антонова Антонина Петровна, 1940 г.р., родилась и проживает в с. Княжуха

АЛМ – Агапова Лидия Михайловна, 1931 г.р., родилась и проживает в с. Сара.

БАГ – Бодрова Александра Григорьевна, 1926 г.р., родилась и проживает в с. Б.Кандарать

БАП – Баннова Анастасия Прокофьевна, 1927 г.р., родилась и проживает в с. Пятино

БГГ – Бочирова Галина Григорьевна, 1930 г.р., родилась и проживает в с. Сара

БТП – Борисова Татьяна Петровна, 1918 г.р., родилась и проживает в с. Чумакино.

ВЕП – Ванюнькина Евдокия Панкратьевна, 1917 г.р., родилась и проживает в с. Большое Шуватово

ВЗС – Воротникова Зинаида Степановна, 1930 г.р., родилась и проживает в с. Большая Кандарать

ВОА – Васичкина Ольга Анатольевна, 1923 г.р., родилась и проживает в с. Аргаш

ГМФ – Грачева Мария Федоровна, 1930 г.р., родилась и проживает в с. Большая Кандарать

ГПС – Галактионов Петр Степанович, 1920 г.р., родился и проживает в с. Коржевка

ДКВ – Дерябина Клавдия Васильевна, 1924 г.р., родилась в с. Большая Кандарать, в молодости уехала в г. Электросталь, проживает в Большая Кандарать с 1968 г.

ЕВЯ – Ершова Валентина Яковлевна, 1924 г.р.,

ЖИМ – Желтов Иван Михайлович, 1918 г.р., родился и проживает в с. Кадышево

ЖМС – Желтова Мария Сергеевна, 1923 г.р., родилась и проживает в с. Кадышево

ЗМП – Заводскова Мария Петровна, 1919 г.р., родилась и живет в с. Засарье

ИАС – Исаева Анастасия Степановна, 1915 г.р.,

родилась и проживает в с. Малая Кандарать

ИЕС – Исаева Елизавета Семеновна, 1933 г.р., родилась и проживает в с. Малая Кандарать

КАВ – Коровина Антонина Васильевна, г.р. 1921, родилась и проживает в с. Сара

КАВ 2 – Кирина Александра Васильевна, 1936 г.р., родилась и проживает в с. Сара

КАВ 3 – Куликова Александра Васильевна, 1913 г.р., родилась и проживает в с. Шеевщино

КЕВ – Кулебникова Евдокия Федоровна, 1948 г.р., родилась в д. Жемковка, в 1973–1994 гг. жила в Казахстане, проживает в пгт. Сурское, образование культпросвет училище

КЗА – Киреева Зоя Алексеевна, 1941 г.р., родилась и проживает в с. Большая Кандарать

КМН – Кучкина Мария Николаевна, 1914 г.р., родилась и проживает в с. Барышская Слобода

КНВ – Кочетков Николай Васильевич, 1935 г.р., родился в с. Усть-Урень, проживает в пгт. Сурское с младенчества, уехал из села в 1954 г., образование среднее военное и высшее техническое, служил в разных городах СССР, в Сурском работал в школе

КПС – Кичигина Пелагея Степановна, 1919 г.р., родилась и проживает в с. Потьма

ЛАА – Лушина Анна Андреевна, 1946 г.р., родилась и проживает в с. Чумакино, образование среднее техническое

ЛЛФ – Леванова Лидия Федоровна, 1918 г.р., родилась и проживает в с. Сара

ЛНА – Лиликина Наталья Архиповна, 1913 г.р., родилась и проживает в с. Палатово

МАФ – Мехова Антонина Федоровна, 1930 г.р., родилась и проживает в с. Сара

РВМ – Рубцова Валентина Михайловна, 1942 г.р., родилась и проживает в с. Чамзинка

РТТ – Родионова Татьяна Тимофеевна, 1918 г.р., родилась и проживает в с. Чумакино

САМ – Сочнева Александра Михайловна, 1919 г.р., родилась в с. Потьма, в 1936 г. уезжала в Ташкент, с 1945 г. проживает в с. Сухой Карсун, с 1954 г. проживает в с. Малая Кандарать

САН – Старкова Анастасия Николаевна, 1919 г.р., родилась и проживает в с. с. Кадышево

СМС – Серова Мария Сергеевна, 1932 г.р., родилась и проживает в с. Большое Шуватово

СОИ – Сырова Олимпиада Ивановна, 1923 г.р., родилась и проживает в с. Русские Горенки

ССП – Сыров Степан Петрович, 1919 г.р., родился и проживает в с. Русские Горенки

ТАЕ – Трошина Арина Ефановна, г.р. не помнит, родилась и проживает в с. Чамзинка.

ТМИ – Трехонина Мария Ивановна, 1906 г.р., родилась и проживает в с. Первомайское

ЦАП – Цыпина Анна Павловна, 1925 г.р., родилась и проживает в с. Валгуссы

ШНА – Шмакова Надежда Андреевна, 1925 г.р.. родилась в с. Гулюшево, в с. Полянки проживает с 1949 г.

ШПФ – Шувалова Пелагея Федоровна, 1914 г.р., родилась в с. Барышская Слобода, в с. Полянки проживает с 1918 г.

ЯТА – Яроцкова Татьяна Андреевна, 1932 г.р., родилась и проживает в с. Кадышево

М.П. Чередникова

МОЛОДЫХ МАСЛОВАТЬ

Молодых масловать — обычай на коренную масленицу (*см. статью «Масленица» в настоящем сборнике*) приглашать в гости молодых, поженившихся в зимний мясоед. «В мисаед толька жинились и прасватывались. Щас видь и пастом, када хотят, тада и женяцца. А тада был мисаед, свадьбы делали. На маслину ниделю звали маладых, вот ат свикрови ухадили. Я хыть вот ухадила. Прихадили звать сюда миня, и увадили миня к матири с атцом. С жинихом. На маслину ниделю в чытьвериг эта звали, в чытьвериг. <…> Ана начыналась с панидельника (маслина ниделя), а в чытьвериг маладых звали. Вот нас туды атвили. Пятница, суббота — там живём. А в васкрисенья — абратна к жыниху в дом» [ААМ, с. Княжуха; ЧМП ФА УлПГУ, ф. 17, оп. 4, 2000]. В пятницу на застолье с молодыми в доме матери невесты собиралась ее родня. Приходившие в гости родственники звали молодых к себе. «Тагда на маслинцу у нас только гуляли. Вот я вышла замуж, да, например, в январе, а там — масленца. Она накануне поста. Нас вадили: “Маладые идут!” Моя мать зовет нас туды ночэвать. Я и муж иду ночэвать. А патом тут сродники, тут адин завёт, другой завёт. Гуляли, в каждый дом хадили, гуляли, “масловали”» [ЗМП, с. Засарье; ММГ ФА УлПГУ, ф. 17, оп. 4, 2000].

В субботу молодожены шли в гости к родным жениха. В сс. Чамзинка и Пятино этот день назывался *золовкины посиделки*, так как на застолье молодых приглашала сестра жениха. «Вот вышла ана, у ней заловка, сястра иё мужыка. Вот ани ходют друг к дружки. Пираги испякут, сядут и идят. Бражку выпьют. Вот эта “заловкины пасиделки”» [БАП, с. Пятино; ММГ ФА УлПГУ, ф. 4, оп. 4, 2001].

С четверга до воскресенья молодожены постепенно обходили дома всех близких и дальних родственников, принимавших участие в их свадьбе. «Начынали с радителей, да, а потом вот или сястра там, брат, к ним ходишь, вот так

абайдёшь. У као как. У као радни-ти многа, многа ить радни, и вот ходишь, ходишь…» [СМС, с. Большое Шуватово; ЧМП ФА УлПГУ, ф. 4, оп. 4, 2002]. «У нас маслиница начинаицца с читвирга. Вот значит в пятницу, в пятницу у нас, если в другоя сяло, значит, едут, наверна, в пятницу, и сватья, и жыних с нивестай. А в субботу приижжяют ане, сватья. Уже абмен идёт. Вот. Ну, и гуляют» [ЯАИ, д. Александровка; СИС Ф2004-9Ульян., № 34]. «Утром стряпаются родные, хто звал, значит, это повядут молодых по дворам. Сбираются, разбираются, тут пляшут, тут поют» [ЛЛФ, с. Сара; ММГ ФА УлПГУ, ф. 17, оп. 4, 2000]. «А на масленицу маладых звали, маладые гуляли, по родне ходили. Гулял ты на свадьбе — значит, приглашашь» [КЛС, с. Барышская Слобода; ММГ ФА УлПГУ, ф. 17, оп. 4, 2000]. «В гости брали маладых. Эсли там была какая-т свадьба в мисаед, то на маслинцу убязательна брали в гости маладых, угошшали. Хадили к сродствинникам сваим, хто гулял на свадьби» [ШЗЕ, с. Барышская Слобода; ММГ ФА УлПГУ, ф. 17, оп. 4, 2000]

К застолью в доме тещи и тестя готовились заранее. «Вот на масленицу маладых уж всех звали. Атец в среду ездит в Слободу за рыбой, привязут рыбы вечиром, значит, пажарят маладым, а атец невесты идет за свахой с маладыми – к себе» [ЛЛФ, Сара; ММГ ФА УлПГУ, ф. 17, оп. 4, 2000]. Накормить зятя – было делом чести хозяйки. Об угощении зятя тещей рассказывали анекдоты: «Тёща пикёт и пикёт блины-та, а зять больна ел харашо. И всю квашню съел у ней. Ана гаварит: “Ну, чорт вазьми, што пякла, што нет”. – “А я, – гаварит, – што ел, што нет”» [СНА, с. Русские Горенки; СИС Ф2004-3Ульян., № 29].

В Прощеное воскресенье гощения молодоженов заканчивались. В этот день застолью предшествовал обычай просить друг у друга прощения за обиды и ссоры, случившиеся в минувшем году: «А там третий день – прощёный день. Кто не успел, кому была некогда, кака-то причина, водили в воскресенье, а потом – к радителям шли своим, прощёно это воскресенье, с радителями прошшают – и всё, по домам» [ЛЛФ,

с. Сара; ММГ ФАУлПГУ, ф.17, оп. 4, 2000].

Список информантов

ААМ – Афанасьева Александра Михайловна, г.р. 1923, родилась и проживает в с. Княжуха

БАП – Баннова Анастасия Прокофьевна, 1927 г.р., родилась и проживает в с. Пятино

ЗМП – Заводскова Мария Петровна, 1919 г.р., родился и проживает в с. Барышская Слобода

КЛС – Костина Людмила Сергеевна, 1924 г.р., родилась и проживает в с. Барышская Слобода

ЛЛФ – Леванова Лидия Федоровна, 1918 г.р., родилась и проживает в с. Сара

СМС – Серова Мария Сергеевна, 1932 г.р., родилась и проживает в с. Большое Шуватово

СНА – Салатова Нина Артёмовна, 1937 г.р., родилась и проживает в с. Русские Горенки.

ШЗЕ – Шарова Зинаида Егоровна, 1924 г.р., родилась и проживает в с. Барышская Слобода

ЯАИ – Яшина Анна Ивановна, 1926 г.р., родилась и проживает в д. Александровка

М.П. Чередникова

МОЛОДЫХ СОЛИТЬ

Молодых солить — шуточный обычай на масленичной неделе «закапывать» молодых в снег. Во время катания на лошадях в дни коренной масленицы (*см. статью «Масленица» в настоящем сборнике*) молодые мужчины и парни останавливали лошадей, на которых ехали молодожены, и старались повалить их в снег. «Молодых на масленицу валяли. <…> Гонят лошадь, и мужики все под узцы поймают лошадь, жениха вытаскивают из саней. А чё? Поваляют вот ногами маненько. А который, если погордится, ему дадут шмятичку [=шлепков]. Закон был такой» [КМН, с. Барышская Слобода; ММГ ФА УлПГУ, ф. 17, оп.4,2000]. Молодые откупались поцелуями. «Маладых ловют, молоды рабяты их ловют цыловацца: слазит, кланицца мужику в ноги. Руки назад, паклонилси, пацыловал, сел, и паехал апять. Всё абъездиют – и Канаплянку, и Праламиху – визде абъездиют. И визде их ловят». [ТАЕ, с. Чамзинка; ЧМП ФА УлПГУ, ф. 4, оп. 4, 2001]. Молодоженов подкарауливали, когда они шли в гости к родным (*см. статью «Молодых масловать» в настоящем сборнике*). «Молодых в снегу валяли. Стоят вот мужики молоденьки, за ворот – цоп и пошли, и сами кувыркают: “Маладых салить нада!” [РАВ, с. Барышская Слобода; ММГ ФА УлПГУ, ф. 17, оп. 4, 2000]. «И с маладыми, а уж маладых-та снегом закидают, снегам-та заваливали. Всё время тока и глидят – маладыи идут. Заваливали снегам – свалят и валяют. Шуткав многа была, оч·инь многа. И смеху, и шуткав, все шутили» [ААП, с. Княжуха; ЧМП ФА УлПГУ, ф. 17, оп. 4, 2000]. «Я как щас помню, Шура Иванькина – иё в снег, а ана раздета, в лапушистам платьи, разувкай кувыркацца. Мама скоре на стол стала припасать, я п*а*глидела там с крыльца: “Вон к нам маладыи идут в пириулки, скорее на стол припасам”» [МАФ, с. Сара; ЧМП ФА УлПГУ, ф. 17, оп. 4, 2000].

Если молодожены были в гостях, их могли вытащить из избы. «И смеху, и шуткав, все шутили. Вот нас туда [=к родителям] атвили в чытьвериг, в пятницу сабирались там рабяты маладыи, с лапатами прихадили, яму вырывали у двара эт снегу. И вот у миня муж вышил в адной майки – бряк в эту яму, яво закапали снегам. <…> Апять яво раскрыли, вылез он – и дамой» [ААП, с. Княжуха; ЧМП ФА УлГПУ, ф. 17, оп. 4, 2000].

Подобные шутки устраивались и над девушками. Обычай *девок солить* был шутливым наказанием за то, что девушки не вышли замуж в мясоед перед масленицей. «Из сиденки парни вытаскывали девок. Паследний день маслиницы, “пращёный день”. Дивчонки сидят, ну и цоп! – и в снег иё. Ну, патом атрихнёцца, ана апять взайдёт, – другую. А то две сразу завалят. <...> Эта “салить”, штоб девки ни пратухли» [ВЗС, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-24Ульян., № 97]. «Вот ка*г*да маслиница, из снегу вырыют яму, наложут дащечкав ли прутикав каких, и идут, и идут, и идут, и в эту яму – ух! – заваливаюцца. “Штобы, – гаварят, эта, – ни пратухла в лета, а то астанисся в лета так, старай девай”. Ну, снегам иё закапают, вроди, штобы ни пратухла в лета-та. Асталась в девках, замуж никто ни взял, значит пратухнит, тибя нада в снег завалить. Ну, игра. <…> Штоб на пост асталась этай, как сказать... Вот, прасалили иё, ана уж ни пратухнит. Вот так. Ой, *а*заравали, *а*заравали над дивчонкими, *а*заравали, ужас! Пумают, пример, миня двоя и вядут, вядут. Ух! – в эту яму. И начинают заваливать снегам. Да, да, да. И вылизишь аттуда вся в снягу. “Вот таперь, – гаварят, – ни пратухнишь”. Да. <...> Раз замуж нихто ни взял, аставайся, ни пратухай» [МНП, БКФ, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-20Ульян., № 22-23]. «На маслиницу “салили” вроди, “салят”. На маслиницу, на Пращёный день свалют и закидают снегам, “салили”. Эта вот штобы ана ни пратухла. Вот чаво. Нас всё валяли, дивчонкав» [МВП, ЛОГ, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-3Ульян., № 39]. «Хто уж замуж ни выйдит, вот и йих валяли рабяты. Вот замуж ни вышли, штоб ни пратухли. Вот, “салили”, всё гаварили “салили”» [КАВ, с. Большая Кандарать; СИС Ф2006-4Ульян., № 43].

Список информантов

ААП – Антонова Антонина Петровна, 1940 г.р., родилась и проживает в с. Княжуха

БКФ – Боуфалик Клавдия Федоровна, 1927 г.р., родилась и проживает в с. Большая Кандарать

ВЗС – Воротникова Зинаида Степановна, 1930 г.р., родилась и проживает в с. Большая Кандарать

КАВ – Кочеткова Анна Васильевна, 1924 г.р., родилась и проживает в с. Большая Кандарать

КМН – Кучкина Мария Николаевна, 1914 г.р., родилась и проживает в с. Барышская Слобода

ЛОГ – Лукьянова Ольга Григорьевна, 1916 г.р., родилась и проживает в с. Большая Кандарать

МАФ – Мехова Антонина Федоровна, 1930 г.р., родилась и проживает в с. Сара

МВП – Макарова Варвара Петровна, 1928 г.р., родилась и проживает в с. Большая Кандарать

МНП – Макарова Нина Павловна, 1925 г.р., родилась и проживает в с. Большая Кандарать

РАВ – Романова Анна Васильевна, 1915 г.р., родилась и проживает в с. Барышская Слобода

ТАЕ – Трошина Арина Ефановна, г.р. не помнит, родилась и проживает в с. Чамзинка

М.П. Чередникова

ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК

Чистый понедельник — первый день Великого поста. Обычаи чистого понедельника в некоторых селах Ульяновского Присурья представляли собой своеобразный переход от разгула масленицы к строгости Великого поста. В с. Чумакино утром этого дня старик, который накануне возил чучело масленицы по селу, выезжал на лошади блины собирать. «Был у нас адин старик. Он ч·удной был, ч·удил. Он ездил блины сабирал. Эт посьли масьлинцы, эт Чыстый панидельник, а он эт тут ездил. Вот – запригёт лошадь, паложит там ч·ао, и вот едит, ульцай-та, блины сабират. Пякут блины, выносют яму, кладут, и вот он в Чыстый панидельник блины собират» [БПТ, с. Чумакино; ЧМП ФА УлПГУ, ф.4, оп.4, 2001]. В с. Новосурском подобный обычай назывался *поганы куски собирать***.** Здесь за остатками скоромной масленичной еды приходили татары из соседнего с. Дракино. Им и отдавали то, что во время масленицы не успели доесть.

В с. Большое Шуватово Чистый понедельник назывался *хабабей* – это был общий сельский пир для которого женщины готовили большую грибную жареху. «Эт “хабабей”, эт “хабабей” називацца, вот эта пахмиляцца, и вот тут уж песни за письнями-те. Эт “хабабей” називацца. О-ой, у нас всё эта, на углу-ту мы жили, сабяруцца все вот, ба-тюшки, предсядатель придёт, и эта баба-т у нас, грыбóвница, натаскат грыбов целый мишок маслинкав-та, насушит их, вот эт уш больна, я помню. А малиньки маслинки, вот эт их настират [=намоет], самавар паставит, настират их, настират, маслам посным абальёт, нажарит, о-ой, тока дай на стол, так подай. Всё адин мужик: “Пагади, баб Соня, щас Нюра принясёт, у миня канапляна масла есть”. Двухлитровый гаршок принёс — ой, чай, батюшки. Мишок целай сьели тада грибов-та, вот этат самый “хабабей”**.** Сроду ни забуду. Маманьки! Ну, например, как матиря уж вот нашы, да, бабы-т уж, вот эдак разуцца, басиками. Пляшут,

маманьки! Пляшут, а как жы, запявают!» [СМС, с. Большое Шуватово; ЧМП ФАУлПГУ, ф.4, оп.4, 2002].

Список информантов

БПТ – Борисова Татьяна Петровна, 1918 г.р., родилась и проживает в с. Чумакино

СМС – Серова Мария Сергеевна, 1932 г.р., родилась и проживает в с. Большое Шуватово

М.Г. Матлин

ВТОРОЙ ДЕНЬ

Второй день – основной период послесвадебного этапа, состоящий из ряда последовательно совершающихся обрядово-праздничных комплексов: бужения молодых, поисков «ярки», демонстрации «честности/нечестности» молодой, испытания молодой, столов в доме жениха и невесты. Основной целью игровых и обрядовых действий, приуроченных ко второму дню, является утверждение нового статуса молодоженов как в рамках вновь созданной семьи, так и по отношению к другим членам социума. Одновременно совершаются акции, призванные закрепить родственные отношения между семьями (родами) жениха и невесты и вытекающие из этого их взаимные обязательства. Для большинства обрядов и действ, вербальных формул, музыкально-поэтических текстов второго дня характерно яркое смехоэротическое начало. Все это в совокупности позволяет определить данный период как самостоятельное и целостное явление в русской традиционной свадьбе

Комплексы, составляющие второй день свадьбы, характерны для всей территории Ульяновского Присурья. Присущи им также многообразные локальные особенности, а в связи с быстрыми изменениями в социально-культурной жизни села в середине 20 в. в одном и том же населенном пункте фиксировались варианты как комплексов, так и отдельных их элементов (например, действий, участников, словесных и словесно-музыкальных текстов).

На данной территории зафиксировано три названия этого дня – *горнóй* (с. Барышская Слобода, с. Полянки), *тёщины блинки* (с. Сара) и *на блинки* (с. Полянки). «Ну “на блинки” – эта вот втарой день называцца “на блинки”. Тут блины пякут на втарой день. Вот эта вот “на блинки” втарой день» [НЛВ, с. Полянки; ЯИВ Ф2000-15]. Но они не имеют статус устойчивых, повсеместно распространенных терминов. Во-первых, они

встречаются в одном и том же населенном пункте, например, в с. Барышская Слобода. Во-вторых, чаще они используются носителями традиции для обозначения отдельных действ и элементов второго дня: на блинки обозначает завершающее действо второго дня, развертывающееся в родительском доме молодой. Горны́е/горны́ - название гостей со стороны молодого, приходящих в родительский дом его жены. «Горны́х встречали. Горны́е идут. [Кызласова И.С.: А горные это кто?] Вот жыниховы эти гости идут» [КНН, с. Кирзять; СИС Ф2000-17Ульян., № 28]. Это же слово применялось для обозначения элементов и первого дня свадьбы – «кагда нивесту привядут, идут гарны́е» [АМА, с. Сара; СЕВ Ф2000-31], см. об этом термине более подробно в [1, с. 153-155].

Открывает второй день бужение молодых. «<…> утром прихадили будить маладых. Маладых будили» [ЛМФ, с. Полянки; СЕВ Ф2000-20]. Это могли делать сваха или свахи (пгт. Сурское, с. Барышская Слобода, с. Полянка), крёстная мать жениха (с. Барышская Слобода), дружка (с. Полянки, с. Барышская Слобода), сваха и полдружка (с. Сара, с. Барышская Слобода).

Само бужение могло совершаться по-разному. «Или в окна пастучат, или в избу взайдут. Разбудят и праверят у них» [ЛМФ, с. Полянки; СЕВ Ф2000-20]. В с. Барышская Слобода молодых будили, разбивая горшок [ГКВ, с. Барышская Слобода; ССА ФА УлГПУ, ф.17, оп.5, 1981]. В с. Сара молодых поднимали прямо из постели [ПВФ, с. Сара; КЕА ФА УлГПУ, ф.17, оп.5, 1991]. В пгт. Сурское новобрачных сваха будила «с песнями, приговорами, шутками» [СМА, пгт. Сурское; ГЕН ФА УлГПУ, ф.17, оп.5, 1996]. В с. Сара утром после бужения молодых свекровь заплетала ей косы «по-бабьи» [УНВ, с. Сара; ССА ФА УлГПУ, ф.17, оп.5, 1981].

С бужением молодых непосредственно связано следующее действо – первая форма демонстрации «честности/нечестности» молодой – показ простыни. «Нивеста, значит, если ана девствиница, далжна после первай ночи простынь паказать матери [=свекрови]» [ФВВ, с. Барышская

Слобода; ПЮА Ф2000-22]. Показывать могли также рубашку, сорочку молодой. «Но эта гаварили кагда-та рубашку пакажут или простынь там» [ХТИ, с. Сара; ММГ Ф2000-36]. Также совершался этот акт и в других селах (Барышская Слобода, Полянки, Засарье). Проверяли простыню и женщины из ряженых, участвовавшие в обряде *поиски «ярки»* [ярка – диал. молодая овца [1, с. 680], в данном случае символическое обозначение девушки, вышедшей замуж – М.М.Г.]. «Вот приходят эти, кто ищет "ярку". Ани проверяют, ва-первых простынь – какая должна быть» [КЕВ, пгт. Сурское; МИА Ф2000-21Ульян., № 5]. Разнообразны и последующие действия с простыней или рубашкой. Так, ряженые брали ее с собой и несли в родительский дом молодой. «Дарогай идут треплют иё» [НЛВ, с. Полянки; ЯИВ Ф2000-15]. «И вот должны нести эту простынь па всей улицы, паказывать, што там была» [КЕВ, пгт. Сурское; МИА Ф2000-21Ульян., № 5]. Простынку вешали «на кол на какой-нибудь или так прям в руке несут» [КЕВ, пгт. Сурское; МИА Ф2000-21Ульян., № 5]. В с. Барышская Слобода рубашку «честной невесты» клали на тарелку [ТЛД, с. Барышская Слобода; ЯИВ Ф2000-6]. Однако, некоторые жители с. Сара помнят из рассказов более старших односельчан, что примерно в конце 19 - начале 20 в. проверку рубашки могли делать и в первый день свадьбы во время пира [ЛЛФ, с. Сара; ПЮА Ф2000-24].

В с. Араповка до прихода ряженых молодая мыла посуду, ходила по воду. Это было ее своеобразным испытанием, ибо все смотрели, чтобы она воду не расплескала «да накрыть не забыла» [СМН, с. Араповка; КЕА ФА УлГПУ, ф.17, оп.5, 1991]. Также делали в с. Сара. В селах Цыповка и Араповка мужчины со стороны жениха также утром до ряженых приходили в избу, приносили и разбрасывали по полу солому, мусор, а невеста должна была подметать. Как отмечает информант, «она подметает, а мужики снова разворотят всё. Тут уж она им водки даёт» [ММС, с. Цыповка; БАН ФА УлГПУ, ф.17, оп.5, 1981]. А в с. Сара молодую заставляли подметать те зернышки, которыми их обсыпали при встрече от венца [ПВФ, с. Сара;

КЕА ФА УлГПУ, ф.17, оп.5, 1991]. Заставляли молодую мести мусор и в пгт. Сурское.

Участники поисков «ярки» были исполнителями некоторых других действий. Так, именно они совершали ритуально значимые действия с курицей. Когда ряженые со стороны жениха приходили в дом невесты с сообщением о том, что к ним пристала «ярка», они воровали на дворе родительского дома невесты курицу. «От жыниха идут заявлять к нивестиным родителям – пропала “ярка” – и в этот момент курицу ловют» [БКА, с. Барышская Слобода; ГОГ Ф2000-5]. Курицу могли наряжать – повязывать на шею красный бант или связывать им лапки – «лентычки привяжут к нагам» [НЛВ, с. Полянки; ЯИВ Ф2000-15]. Чтобы курица не слишком вырывалась, ее кормили зерном, смоченным в водке. Эту курицу ряженые несли в дом к жениху, высоко поднимая над головой, размахивая ей. В с. Араповка ряженые при этом пели песню «Молодка» [СМН, с. Араповка; КЕА ФА УлГПУ, ф.17, оп.5, 1991]. Придя в родительский дом молодого, ее пускали во двор, к другим курицам. Данное действие осмысливалось как символическое перемещение девушки, вышедшей замуж, в дом своего мужа, т.е. как совершение брака.

В с. Араповка курицу в родительский дом молодого приносили ряженые со стороны молодой.

Участники поисков «ярки» совершали и другие акты, демонстрирующие «честность/нечестность» молодой. Таковым является, например, битье горшка (горшков). На данной территории повсеместно было принято бить горшок (горшки) для обозначения, с одной стороны, акта коитуса, совершенного в первую брачную ночь, а, с другой стороны, для указания на «честность/нечестность» молодой. Соответственно, если молодая была «честная», т.е. девственница, то горшок выбирался целый, а в случае потери девственности до брака использовался горшок с дырками, трещинами – худой. «Горшок худой дают, если нивеста нечесна» и наоборот – «нивеста чесна – святый горшок, хороший» [ВЕН, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-32Ульян., № 4]. «Нечестность» молодой муж мог

обозначить, не разбивая никакого горшка (Барышская Слобода). Хороший горшок обязательно украшали лентами, цветами. «На горшке привязывают большой розан краснай лентай» [ВЕН, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-32Ульян., № 4]. «Мы идём “ярку” искать к жыниху, нам дают наряжанай гаршок. Кругом цвяты на нём» [ФВВ, с. Барышская Слобода; ПЮА Ф2000-22]. Цветок (букет цветов) могли класть и в сам горшок (с. Барышская Слобода).

Выбор горшка, во-первых, зависел от того, кто определял «честность» молодой – от свекрови, от мужа, от свахи. «Жыних наряжат и утдают» [ФВВ, с. Барышская Слобода; ПЮА Ф2000-22]. «Там с матернай стараны приходит к жыниху, спрашивают што-та, што им нада – што бить гаршки: бить или не бить? Што скажыт жыних. Жыних даёт гаршок и́з дама. Если нада яму, он даёт и́з дама» [ЖЕС, с Барышская Слобода; МИА Ф2000-31Ульян., № 40]. В с. Полянки горшок свахе давала мать молодого [БЕА, с. Полянки; ССА ФА УлГПУ, ф.17, оп.5, 1981].

Во-вторых, горшок могла подавать мать молодой. Иногда получение горшка из простого акта развивалось в минисценку с общей смеховой тональностью. «Спрашиват там сваха: “Дала, наверно, нам плохой горшок, со свищем!”» На что мать жениха испуганно отвечала: «Нет, нет! Дала хороший горшок!» [ВЕН, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-32Ульян., № 4].

Горшок мог быть пустым, заполненным водой, в нем могли разжечь огонь. «Идут, наливают вады и такеи вот из няво» [ЖЕС, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-31Ульян., № 40]. «Ражжигали агонь, пламя. В гаршок пламя и разбивали яво» [ЛМФ, с. Полянки; СЕВ Ф2000-20]. В с. Полянки в горшке зажигали кудель [КАС, с. Полянки; ССА ФА УлГПУ, ф.17, оп.5, 1981], полено и на окошках (на верхней части) расставляли свечки и зажигали их [КАН, с. Полянки; ССА ФА УлГПУ, ф.17, оп.5, 1981]. В этом же селе зафиксировано «ряжение» деревянного коня, на который садился муж двоюродной сестры молодой, который поливал молодых водой [КАС, с. Полянки; ССА ФА УлГПУ, ф.17, оп.5, 1981].

Так же как и простынку, горшок проносят с песнями и

пляской по всему селу, демонстрируя «честность/нечестность» молодой. «Всю дарогу паказывают. И худой дадут – и худой. Идут, наливают вады и такеи вот из няво. Вся публика видит» [ЖЕС, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-31Ульян., № 40]. Но все же главным актом было битье горшка (горшков). Совершалось это, как правило, или у дома родителей молодой, или в их избе. «У нивесты у двора встречают нас гастей, вот тут снапы пажгут и гаршки начнут бить» [ТМИ, пгт. Сурское; СИС Ф2000-15 Ульян., № 37]. «Значит бирут гаршок, абвязывают яво краснай лентай – эта в ызбе, маладых ани встричают в ызбе. Кагда маладых праздравят, с этим гаршком встают на лавку и начинают песни петь и гаршок как трахнут об пол!» [ЖЗИ, с. Араповка; МИА Ф2000-23Ульян., № 51]. «…гаршки бьют у нивестинава двара. В варотах прям» [ЖЕС, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-31 Ульян., № 40]. «…у крыльца <…> или у ворот горшок разобьют» [ВЕН, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-32Ульян., № 4]. «…этат гаршок об угал бьют» [ФВВ, с. Барышская Слобода; ПЮА Ф2000-22]. В с. Полянки горшок били о порог [КАН, с. Полянки; ССА ФА УлГПУ, ф.17, оп.5, 1981]. В сс. Цыповка и Сара горшок били, исполняя песню

«Уговаривал Ваня Дуняшу
Со мной ночку ночевать.
Если ночуешь у меня,
Подарю радость тебя.
Подарю Дуне серёжки серебряные,
А другие золотые с подвесками.
На что Дуня сполагалась,
Ночевать с Ваней осталась» [БПФ с. Цыповка; ММГ ФА УлГПУ, ф.17, оп.5, 1981].

В с. Сара это делали также под песню «Молодка»

«Молодка, молодка, молоденькая,
Головка твоя сподобненькая.
Не с кем мне, молодке ночку ночевать,
Ночку ночевать, тёмну переспать.
Лягу я спать одна, без мила дружка.
Без мила дружка, берёт грусть-тоска.

Грусть-тоска берёт, далеко живёт.

Далеко-далёко, на той стороне,

Не близко ко мне…» [МАФ, с. Сара; ММГ Ф2000-36].

В с. Барышская Слобода в этот момент пели песню «Я раз тёмнаю ночь не сыпала» [ВЕН, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-32Ульян., № 83].

Однако по данным некоторых информантов горшки брали из дома невесты и били в доме родителей жениха [СМА, пгт. Сурское; ГЕН ФА УлГПУ, ф.17, оп.5, 1996].

Значение этого акта определяется носителями традиции как «потеря девственности». «Пламя гарит, и у двара яво [=горшок] разбивали. Эта вроде как целку, как па-русски сказать, целку сламал» [ЛМФ, с. Полянки; СЕВ Ф2000-20]. Для обозначения этого смысла действия могли использовать специальные речевые формулы. Например, в с. Барышская Слобода ряженые, подойдя к дому молодой, спрашивали у родителей: «Вы вашу дочь биригли?» И, получив, утвердительный ответ, отвечали: «А мы ночью иё выгребли!» И разбивали горшок об землю [ТЛД, с. Барышская Слобода; ЯИВ Ф2000-6]. В этом селе был зафиксирован и другой вариант этой формулы: «вы бирягли, а мы уябли» [ФВВ, с. Барышская Слобода; ПЮА Ф2000-22].

Разбивала горшок, как правило, сваха со стороны жениха или невесты. «Ярку найдут, идут ане к нивесте. Вот тут ана [=сваха] у их ног [=новобрачных] бьёт» [НЛВ, с. Полянки; ЯИВ Ф2000-15]. А мать молодой одновременно с ней «разбивала тарелки» [КАС, с. Полянки; ССА ФА УлГПУ, ф.17, оп.5, 1981]. Она же могла и разбивать горшок. «А мать [=молодой] этат гаршок, кагда нивеста идёт к ним в гости, вот этат гаршок бьёт у варот – всё харашо, всё прашло харашо!» [ЖЕС, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-31Ульян., № 40]. В пгт. Сурское на черепках разбитого горшка «плясали» [СМА, пгт. Сурское; ГЕН ФА УлГПУ, ф.17, оп.5, 1996]. В с. Полянки черпки от горшков на полу заставляли подметать молодых [БЕА, с. Полянки; ССА ФА УлГПУ, ф.17, оп.5, 1981].

Там же у ворот родительского дома молодой в знак

потери ею девственности жгли костры из соломы. «У невестинава дома кастры. Эта вроди как девственнасть ана патеряла. Всё эта пажар был, всё эта к этаму складывацца» [ФВВ, с. Барышская Слобода; ПЮА Ф2000-22]. «На втарой день пайдут, к нивесте айдате. Идут. Снапы жгут. Мы [=новобрачные] идём пирядом. А пирид нами снапы жгут<…> И гаршки бьют. Как уж вроди ана маладая сделалась, не девушка идёт» [ТМИ, пгт. Сурское; СИС Ф2000-15Ульян., № 37]. В с. Барышская Слобода делали три небольших снопа [ГВИ, с. Барышская Слобода; ММГ Ф2000-13]. Однако это же самое действие могло иметь чисто игровое, праздничное значение. «У нивести у двора зажигают саломы кучу. Принясут козлы, начинают драва пилить, драва паложат, колют. Их [=ряженых со стороны жениха] встричают – зачем? Мы вишь работам, у нас никакой свадьбы нет и ничаво нету. Вот так вот встричали» [ЖЗИ, с. Араповка; МИА Ф2000-23Ульян., № 52]. Пришедшие к родительскому дому молодой родственники со стороны ее мужа и ряженые, участвовавшие в поисках «ярки», плясали по огню, разбрасывали горящую солому ногами. «По няму плясали. Швыркали. Стали плясать – весь расшвыркали, весь эту кучу огонь ногами» [ЖЗИ, с. Араповка; МИА Ф2000-23Ульян., № 52].

Если же молодая потеряла девственность до брака и это становилось известно, то следовало наказание как для самой молодой, так и для ее родителей, на которых надевали хомут. «Хто не достоин – хомут надёвали, по улицы вели» [ВЕН, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-32Ульян., № 4]. «И посли этава, кагда ана выходит замуж, “патерянная” девушка <…> на мать хамут надявали» [БИП, с. Малый Барышок; СИС Ф2006-26Ульян., № 71]. Также поступали и в сс. Колюпановка, Засарье.

В с. Княжуха молодой «позорил» свою жену тем, что надевал на себя корзинку и в таком виде входил в дом к ее родителям [ЕРС с. Княжуха; АНС ФА УлГПУ, ф.17, оп.5, 1989].

Исполняли ряженые и некоторые другие акты. Так в с. Сара они несли из дома молодого каравай, в котором была

сделана лунка для соли в форме звездочки, а внутри этой звездочки запекали крестик. Этот каравай отдавал родителям молодой дружка. Они принимали его и приглашали всех гостей к столу. Затем этот каравай подавался на стол [УНВ с. Сара; ССА ФА УлГПУ, ф.17, оп.5, 1981].

В с. Полянки при встрече молодых возле дома родителей молодой стреляли из ружей [БЕА с. Сара; ССА ФА УлГПУ, ф.17, оп.5, 1981]. В с. Сара у крыльца дома родителей молодой, когда встречают новобрачных, «две бабы нарядяцца, шапки наденут мужские, малахаи <…> кто шубу эдак вываратит и пасыпают [молодых] авсом, хмелем, канфетычкав тут кинут» [МАФ, с. Сара; ММГ Ф2000-36]. Это делали, как поясняет информант, «штоб боһато жыли» [ДЛМ, с. Сара; ММГ Ф2006-1]. Эти ряженые и разбивали горшок, исполняя песню «Молодка».

Во многих селах этого региона обязательным блюдом на праздничном столе, который начинался после этого, были блины, что и обусловило название этого посещения родительского дома молодой – на блинки. «Кагда блины пякут на свадьбу – на блинки называют, на блинки» [ЖЕС, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-31Ульян., № 40]. Зафиксировано и другое наименование этого посещения – *побывалка*. «Пайдёмте туда к этай, к нивестинаму атцу – вот “пабывалка”» [ТМИ, пгт. Сурское; СИС Ф2000-15Ульян., № 37].

Дальнейшие действия развертывались в родительском доме молодой. Во-первых, соблюдались определенные правила рассаживания участников свадьбы. В с. Барышская Слобода за стол садились только гости со стороны молодого, рядом с новобрачными его родители, а родные молодой стояли [ГПП с. Сара; ССА ФА УлГПУ, ф.17, оп.5, 1981]. Во-вторых, главным действующим лицом здесь становился муж молодой. Именно ему предоставлялось право первому пробовать специально приготовленные блюда – блины, ку́рник, выпить рюмку или стакан спиртного. Но это было не столько свидетельством уважения к нему со стороны рода его молодой жены, сколько

ритуально обусловленным актом – способом употребления пищи, спиртного он должен был символически оповестить окружающих о ее «честности/нечестности», с одной стороны, и, с другой, о его успехе в главном мужском действии, совершенном в первую брачную ночь, – дефлорации.

Первым часто было действие молодого с рюмкой или стаканом водки. «Вот если ана “чесна”, тагда жыних колит рюмку. Выпьет он перву рюмку и он иё, значит, колит. Аб галанку или аб стенку» [НЛВ, с. Полянки; ЯИВ Ф2000-15]. «Если толька ана девствиница вышла, то на блинках первай стакан жыних пьёт и бьёт яво. Абычна аб галанку» [ФВВ, с. Барышская Слобода; ПЮА Ф2000-22]. Это действие он мог совершать со словами: «Спасиба, мама и папа вам» [БКА, с. Барышская Слобода; ГОГ Ф2000-5]. Эту рюмку или стакан обязательно обвязывали красной ленточкой. «Да, вот кагда садяцца, ани приходят на втарой день – им рюмачки абвязаны жениху и невесте краснай лентычкай. И выпивают, да» [НЛВ, с. Полянки; ЯИВ Ф2000-15]. Если жених хотел показать, что его молодая «нечестная», то бросал рюмку или стакан так, что они не разбивались. «Ежли рюмка не разбилась, значит девушка “нечесна”» [ЛМФ, с. Полянки; СЕВ Ф2000-20].

В некоторых селах «честность/нечестность» молодой обозначали, также используя стакан со спиртным, но действия с ним совершал уже не жених. «И посли этава, кагда ана выходит замуж, “патерянная” девушка, вместа полнава стакана вина атцу падавали без дна стакан пустой. Вот этат абычай был» [БИП, с. Малый Барышок; СИС Ф2006-26Ульян., № 71]. Также делали и в сс. Колюпановка, Княжуха.

Сразу после этого молодой проделывал ритуальные действия с пирогом или ку́рником. Ку́рник на данной территории – это «как аткрытай пирог круглай, а патом яво разукрашивали буквами, падписывали паздравления. Из теста жа делали буквы, паздравления жыниха и нивесты. Красивай делали» [МАН, с. Ждамирово; МИА Ф2000-26Ульян., № 31]. «Ну всяки цвяты написаны, на нём нарисуют. Всяких финтифлюшкав накидают какех-нибудь. Всякава наделают, кто

чаво вздумат, то и сажаит. Свадьба, ана свадьба и есть» [ЖЕС, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-31 Ульян., № 32]. Начиняли курник мясом [с. Сара; ССА ФА УлГПУ, ф.17, оп.5, 1981], «вареньем, павидлам – чем-нибудь из этава сладким» [МАН, с. Ждамирово; МИА Ф2000-26Ульян., № 31].

Действие же, которое молодой совершал с ку́рником или с пирогом, чаще всего заключалось в вырезании у них серёдки. «Он [=пирог] стоит на столе. Когда они выпивают, он [=жених] рюмку разобьёт, потом начинат выризать сирёдку». Это означало, что невеста была «честной» [ВЕН, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-32Ульян., № 4]. «Пикут аткрытай пирог гладкий, круглай на скавараде такой. И кагда, значат, все эти, ну, застолье-та… начинают ужинать. <…> Апять, если девственица вот вырезат он [=жених] сирёдку. А щас торт вить вырезают, пикут тарты абычна, и вот там сирядиначку вырезаит – это што мне [=жениху] дасталась перваму... Паэтаму вырезаит. А уж патом уж режут кто как хочит этат пирог. А жыних вырезал эту сирёдку пирога» [ФВВ, с. Барышская Слобода; ПЮА Ф2000-22]. «Ку́рники пёкут. Такее бальшеея. К нивесте придёт, он вырезат сирёдку» [ЖЕС, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-31Ульян., № 32]. Это действие также могло развертываться в минисценку. «Вот он бирёт ево [=пирог], идёт, ножык саскальзыват, все смеюцца. Кто вырежыт маленьку, а кто вот вырежыт вот так вот. Ещё песни пают, вот перву-та забыла две строчки, а втарая – «А астались крылышки миламу на варежки». Кто паскрамнее – он маленьку вырежыт, эта значит у неё вот эдакая астанецца – он дыру-та пакажыт. Стараюцца всё-таки – маленька, ана у миня девушка, малинька. Вот так вот всё мучица, пот течёт с нево, всё-таки как эту вырежыт, все и заарут: «У! Вырезал! Всю ночь канителился! Вырезал! Лёха, молодец! Продырил ей! Видите!» И всем показывают так вот эту дыру» [ФВВ, с. Барышская Слобода; ПЮА Ф2000-22].

Но после раскалывания рюмки жених в некоторых населенных пунктах не резал пирог, не вырезал из него серёдку, а ударял ножом в середину тарелки или в середину пирога,

лежащего на тарелке. На стол ставили «тарелку с аткрытым пиражком. Он [=жених] бирёт ножык и сирёдку у тарелки. И она тарелка там раскалываицца» [ПАВ, с. Сара; СЕВ Ф2000-31]. «И жыних колит. И тарелку пракалыват нажом. В сирёдку самую» [НЛВ, с. Полянки; ЯИВ Ф2000-15]. Такое действие опять же означало, что молодая вышла замуж «честной». «Дно вылитила у тарелки, значит, жыних иё “чесну взял”» [МАН, с. Ждамирово; МИА Ф2000-26Ульян., № 31]. «Вот пикли бывала аткрытай пиражок, вот этат кругленькай. Разнаряжают. И там с законным там браком. И вот, значит, кагда он [=жених] <…> яво разрежет на скока частей и ножом пряма в тарелку тычит. Чесна если нивеста, то он значит прямо пролетит. <…> Прямо пулят в этат пирог в сирёдку. И вот у нас дастала пряма да стала. Нож видна толстый папался, и вот прям в стол» [КТМ, с. Сара; ММГ Ф2000-35].

Если же молодая утратила девственность до свадьбы и жених решил оповестить об этом окружающих, то он совершал другие действия. «Невеста ела, если заслужила» [ВЕН, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-32Ульян., № 4]. «Если не разобьёт, пирог не отрежыт, значит, эта девушка “нечесна”. И отца с матерью поблагодарит – “за вашу дочку!”» [ВЕН, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-32Ульян., № 4]. Если невеста была «нечестной», то молодой серёдку не вырезал, а «весь пирог на куски режыт» [ВЕН, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-32 Ульян., № 4]. «А уж вроди “нечестна”, он вроди сламацца – сагнёцца ножык. <…>» [КТМ, с. Сара; ММГ Ф2000-35].

За тем, кому первому подаст пирог молодой, внимательно следили и запоминали. Так в с. Барышская Слобода на одной из свадеб молодой подал вырезанную серёдку не своей молодой жене, а ее матери, т.е. своей тёще, что до сегодняшнего дня помнят присутствовавшие на свадьбе. «Зойке [=тёще] подал Валентин, а не нивесте» [ВЕН, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-32Ульян., № 4].

Возможен был и такой вариант, когда в случае «нечестности» невесты жених «ничё не делат» [НЛВ, с.

Полянки; ЯИВ Ф2000-15].

Также в центре внимания была демонстрация отношения к нему матери новобрачной. «Если вот тёща любит зятя, то напечёт таких маслинных блинов – все едят и здесь аж масло тичёт. Значит эта тёща любит зятя» [ФВВ, с. Барышская Слобода; ПЮА Ф2000-22].

В с. Сара пирог, который пекла мать молодой, имел и другое название – *сухарец.* В него запекали две птички, пирог этот потом разрезали жених и невеста на две половинки [УНВ с. Сара; ССА ФА УлГПУ, ф.17, оп.5, 1981].

Среди блюд за свадебным столом в доме родителей молодой была уха, плюшки, ватрушки, в некоторые из которых запекали денежку [ГКВ с. Барышская Слобода; ССА ФА УлГПУ, ф.17, оп.5, 1981].

На второй день молодая и молодой одаривали новых родителей подарками: молодая свекру дарила рубашку, а свекрови – платок, молодой дарил теще полотенце, а тестю – рубашку [УНВ с. Сара; ССА ФА УлГПУ, ф.17, оп.5, 1981].

В с. Барышская Слобода блинки завершались исполнением песен «Уж вы сени, мои сени», «Во кухнице» и «Бугриха». «<…> когда из гостей пойдут или когда уж напьюцца вот Бугриху поют.

Эх, Бугриха, ты Бугриха,
Саратывска курва-блядь.
Не умела ты, Бугриха,
По Саратыву гулять.
Весь Саратов изышла,
Извощичка ни нашла,
Извощичка ни нашла
Но квартирушку сняла.
Я таку квартиру славну -
И при Волге, при яру,
И при Волге, при яру,
В Переплётывым дому.
В Переплётывам дому,
В самым верьхнем етажу

…………………………
………………………..
Я не деньгами брала,
Белой рыбой забрала.
С ково леща, с ково два,
С ково белова (о)сетра.
С молодова рыболова
Питьдесят рублей сполола» [УАИ, с. Барышская Слобода; МИА Ф2000-32Ульян., № 32.]. Пели ее, приплясывая, размахивая над головой руками.

Завершался второй день тем, что породнившиеся семейства и другие гости после угощения в родительском доме молодой переходили догуливать снова в дом молодого. «Там [=в доме родителей молодой] сколька ане прабудут времени, идут к жениху апять» [НЛВ, с. Полянки; ЯИВ Ф2000-15].

Примечания

1. Зорин Н.В. Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань, 1981.

2. Даль В.И. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1980.

Список информантов

АМА – Алёхин Михаил Александрович, 1925 г.р., родился и проживает в с. Сара.

БЕА – Бокунова Елизавета Александровна, 1915 г.р., родилась и проживает в с. Полянки.

БИП – Багров Иван Петрович, 1930 г.р., родился в с. Малый Барышок, с 1972 г. живет в с. Большая Кандарать Карсунского района.

БКА – Батракова Клавдия Андреевна, 1931 г.р., родилась и проживает в с. Барышская Слобода.

БПФ – Башкина Прасковья Филипповна, 1917 г.р., родилась в с. Сара, проживает в с. Цыповка

ВЕН – Воронкова Евгения Николаевна, 1925 г.р., родилась в с. Барышская Слобода, живет в с. Сара

ГВИ – Гужова Вера Ивановна, 1914 г.р., родилась и проживает в с. Барышская Слобода.

ГКВ – Галыгина Клавдия Васильевна, 1909 г.р., родилась и проживает в с. Барышская Слобода.

ГПП – Губочкина Пелагея Павловна, 1903 г.р., родилась в с. Комаровка, проживает в с. Сара.

ДЛМ - Дудорова Лидия Матвеевна, 1935 г.р., родилась и проживает в с. Сара.

ЕРС – Ерина Раиса Степановна, 1904 г.р., родилась в с. Араповка, в с. Княжухе живет с 1923 г.

ЖЕС – Жидкова Екатерина Семеновна, 1914 г.р., родилась и проживает в с. Барышская Слобода.

ЖЗИ – Желудкова Зинаида Тимофеевна, 1917 г.р., родилась и проживает в с. Араповка

КАН – Краснорылова Анастасия Николаевна, 1903 г.р., родилась и проживает в с. Полянки.

КАС – Куликова Анастасия Сергеевна, 1911 г.р., родилась и проживает в с. Полянки.

КЕВ – Князькина Е.В., 1961 г.р., высшее, родилась и проживает в пгт. Сурское.

КНН – Каргина Надежда Николаевна, 1914 г.р., родилась и проживает в с. Кирзять.

КТМ – Кожинова Таисия Михайловна, 1939 г.р., родилась и проживает в с. Сара.

ЛЛФ – Леванова Лидия Федоровна, 1918 г.р., родилась и проживает в с. Сара.

ЛМФ – Леонтьев Михаил Фёдорович, 1927 г.р., родился и проживает в с. Полянки.

МАН – Маринина Александра Николаевна, 1910 г.р., род. из с. Иваньково Алатырского р-на Чувашии, с 1928 г. прож. в д. Кольцовка (ныне с. Ждамирово).

МАФ – Мехова Антонина Федоровна, 1930 г.р., родилась и проживает в с. Сара.

ММС – Макаров Михаил Степанович, 1909 г.р., родился и

проживает в с. Цыповка.

НЛВ – Новичкова Л.В., 1925 г.р., родилась и проживает в с. Полянки.

ПАВ – Павлова А.В., 1938 г.р., родилась и проживает в с. Сара.

ПВФ – Поляков Владимир Фёдоровия, 1928 г.р., родился и проживает в с. Сара.

СМА – Сорокина Мария Алексеевна, 1926 г.р., родилась и проживает в пгт. Сурское.

СМН – Старостина Матрёна Николаевна, 1905 г.р., родилась в с. Княжухе, в с. Араповке живет с 1935 года.

ТЛД – Таланова Лидия Дмитриевна, 1929 г.р., родилась и проживает в с. Барышская Слобода.

ТМИ – Торчилкина Матрена Ивановна, 1909 г.р., род. из с. Белые Ключи, прож. в пгт. Сурское после войны.

УАИ – Усова Анна Ивановна, 1928 г.р., родилась и проживает в с. Барышская Слобода

УНВ – Усачёва Наталья Васильевна, 1911 г.р., родилась и проживает в с. Сара, неграмотная.

ФВВ – Федина Вера Васильевна, 1940 г.р., родилась и проживает в с. Барышская Слобода.

ХТИ – Хитёва Т.И., 1942 г.р., родилась и проживает в с. Сара.

ШНГ – Шмакова Надежда Григорьевна, 1903 г.р., родилась и проживает в с. Барышская Слобода.

Е.В. Сафронов

ДОМОВОЙ

Домовой (*дедушка-доброходушка* [села Ждамирово, Шеевщино, Сухой Карсун], *домоведушка. хозяин* [села Большое Шуватово, Сухой Карсун], *добродедушка* [с. Полянки], *шутушка-батюшка* [Большое Шуватово]), согласно распространенным в Ульяновском Присурье поверьям и мифологическим рассказам, определяется как хозяин и покровитель домашнего хозяйства, неприменный обитатель каждого дома.

Об облике домового сообщается далеко не всегда. Нередко рассказывается, что хозяин «невиди́мый» (т.е. внешность дедушки не описывается). В тех текстах, в которых говорится о внешних чертах домового, наибольшая повторяемость у признаков: небольшой рост, пухлость, косматый (мохнатый, «в шерсти»).

«Вот чувствую, што мне дышать нечем: вроди рука кака-та, как кошка, мохната. Я будто яво [=домового] бью-бью-бью. Потом: “Хосподи!” – скажешь и – всё пропад*е*т» [ЕЛА, с. Ждамирово; СЕВ, Ф2007-14]. «Замучил миня тут дедушка: лезит. <…> А вот пирид мордой вот прям шерстью, он, грит, в шерсти такой, вот прям пирид мордой шерстью прям, вот так вот» [ХФИ, с. Сухой Карсун; СЕВ, Ф2004-30]. «Вот, ну, нибольшого роста [человечек] <…> Это хозяин, домовой. <…> Выглинули – и вот этат маненькый чиловечик. <…> Маненькый такой – волосы на нём вот так – длинны, вроди волосы на нём» [ПЛП, с. Вальдиватское; СЕВ, Ф2005-4]. «Спать лажилась всягда с краю, а Федя [=муж] там в этам – окала стенки. И вот ляжу: матушки! Вот адияло с миня тя-аницца, тя-аницца. И я… и рука, пухлая рука, – и я скорей чириз эту – чириз Федю пиридвинулась туда в это… Россказываю, а женщины говорят: “Эта домовой тибя!..” – вот. Аhа. И такая пухлая прям рука, вот

как пух словна уципилась, прям рука пухова» [ГАА, с. Ждамирово; СЕВ, Ф2007-2].

В некоторых рассказах, помимо упомянутых черт, особое внимание обращается на характерную одежду домового. Описание в таких текстах отличается высокой степенью детализации и сходно со свидетельским показанием.

«А я вот дивчонкой была, а у нас мама всягда сторажем работала, и я всягда одна была. И вот што-то на миня какой-та страх напал, и мне кажецца: ма, кто-та вроди ходит у нас, кто-та вроди ходит у нас, – и как вроди бы под стол. Я заглянула под стол, и пыд столом вот малинькый ч·иловеч·ик вот такой в шапачке, в штанишках, и прям так и бридёт и бридёт, и я из дому – раз и убяжала. Ч·ёй-та мне вот была – новожденье или чево – ни знай… И вот я маме россказываю: вот такое-такое дело, и я убяжала к ней, ана ведь магазин сторожила, прям убяжала к ней, и ей россказываю. Ана говорит: “Да эта же домовой! Эта же домовой” – ана мне гаворит, вот эта вот я запомнила. А чё ета была, я сама ни знаю… Малинький, такой малинький, пухлинькый какой-та, и бородка тут вот у няво… Вот кака-та шапочка на ним была, и штанишки, вот помню, – штанишки, а тут вот [=на туловище], – я ни знаю, чаво. В общем, как калобочек, вот эдакый маленькый. И пиридвига*е*цца, я прям вижу, пиридвига*е*цца пыд столом…» [ГАА, с. Ждамирово; СЕВ, Ф2007-2]. «Вышла будта на двор, а он стаит – батюшка дамавой <…>. Стаит, карову кормит, рубашка на нём си-иня вот да кален, в синей рубашке <…>. Вот каровку кармил, эта я видала лично – маю каровку, нашу… Низенькый да то-олстый, в синей рубашке» [БВЕ, с. Большое Шуватово; СЕВ, Ф2003-34].

О местопребывании хозяина рассказывается также не всегда. В некоторых вариантах быличек и поверий домовой различным образом проявляет себя в таких местах, как печь (и пространство рядом с ней), угольник (стонет под иконами), подпол, хлев, двор и баня. Это отчасти позволяет говорить об объединении в образе домового функций хлевника, баенника и подобных персонажей.

«Раньши в каждым дому – угольничик, ну, там лампадычка, чё… Иконка стаит, ну, угольник в каждым доме был. И он под этим угольникам, выходит дамавой – стонет. И спрашивают: “Дедушка, ты к добру или к худу ли?”. Он скажет: “К ху-уду!” – там или: “К добру!” [ЕЛА, с. Ждамирово; СЕВ, Ф2007-14]. «Я парюсь, я любила парицца: очинь долга в бани моюсь па чатыре часа, раньши пó три раза, несмотря што парок сердца да так работала, вот так вот… Ну, вота: “У-у, у-у…”, – вот так: “У-у”. Я на полке слышу эта, а эта в перидбаннике, конешно, за дверью <…> Да, [домовой] придсказал, вот [смерть родственницы]» [ПАИ, с. Сара; СЕВ, Ф2006-5].

Рассказы о личной встрече с дедушкой обычно содержат два-три основных мотивных блока, связанных с взаимонаправленными действиями домового и человека.

Домовой по отношению к человеку (и связанному с ним ближайшему окружению) может выступать как благодетель, способствующий росту хозяйства, ухаживающий и приглядывающий за скотиной.

«Вот я будта ва сне: вышла будта на двор, а он стаит – батюшка дамавой, батюшка дамавой… Стаит, карову кормит <…>. Ну, я тоже ни знала, а патом стала я рассказывать, – старухи-те были: “Эта, – грит, – батюшка дамавой, он кормит каровку”» [БВЕ, с. Большое Шуватово; СЕВ, Ф2003-34].

Об этой же функции хозяина сообщается в поверьях:

«Чай, гаварят, дамавой какой-та живёт в каждам даму, в каждам, слышь, даму должен он жить, а если ни будит жить – дома ни будит, сгарит или чаво» [ПМД, с. Ждамирово; СЕВ, Ф2007-7]; «Ну, он, в общим, как хазяин за всем, наверна, слидит» [ШАИ, с. Сухой Карсун; СЕВ, Ф2004-13]; «Домовой, ну, быва*е*т домовой, наверна, в каждым дому, што ли, он, домовой, быват, я ни знаю <…> Он ласковый… если вон у ково лошадка вон, он там, слышь, и росчёсывает и косу заплитёт» [ЗЕВ, с. Ждамирово; СЕВ, Ф2007-9].

В рассказах, в которых описываются положительные действия домового, обычно не сообщается о каких-либо ответных действиях человека. Гораздо чаще (судя по

имеющемуся материалу) рассказывается о более негативном поведении дедушки. Например, он может тем или иным способом вредить человеку и скотине (душит, давит, щипает, бьет):

«У нас вот была здесь, вот мы пришли сюды, у нас корову больно мучал [домовой]. Вот утрам встаёшь: она прям вся к**у**пана, как словна на ней дождик был» [ДЛС, с. Ждамирово; СЕВ, Ф2007-8].

«И вот што-та я с вечира никак не сплю и мамке гаварю (каптюшка гарит на печки-те), гаварю: “Мамк, вот ещё какие-то дедушки-дамавые есть…” – видишь, какая мысль детска была. И вот я кагда лягла спать – и сразу это… по мне, как кошка, вот идёт и начал миня душить. И я кричу: “А! А!” – да, голосу нет. А патом кагда он меня тряпать пиристал, я глаза аткрыла, а он вот где приступа будта вот так подыма*е*цца – касма-ата галава. Вот и всё – эта дедушка дамавой…» [НЕС, с. Княжуха; СЕВ, Ф2007-18]. «Этат самый вот дамавой есть, – каво он ни любит, он, гаварит, абщипа*е*т. Чилавек быва*е*т в этих, в синих пятнах, да» [ГАС, с. Княжуха; СЕВ, Ф2007-18].

Иногда домовой пугает домочадцев (особенно детей), показываясь им, издавая стоны или «озоруя» различными способами.

«Я куплю писку, насыплю в сахарницу. Утром встаю – иё нету. Дедушка-домовой выпил! – вот… Куплю таблетак – дедушка-домовой у миня их все выпива*е*т. Ни поспею покупать!» [КРГ, с. Ждамирово; СЕВ, Ф2007-7]. «Домовой есть, есть, – эта у нас, у миня в детстве была. У нас вот на этим месте у тёти Анюты каминный дом стоял, у нас большая печка русска была. И вот мы там с подружкой сидим <…>, телёнак привязанный был, телёнак сразу мётнулся, а мы из-за печки сразу: “Чаво там такое есть?” – выглинули – и вот этот маненькый чиловечик [=домовой], – так мы с печки с ней лители [=убежали, испугавшись], до самава иё дома лители <…>. Вот эта я помню, как мы с ней напугались» [ПЛП, с. Вальдиватское; СЕВ, Ф2005-4]. «Я вот малинькая была (расскажу)… Значит, была война, началась, эта была в сорак

первом году, вот <…> И, значит, мама ушла куда-та и сёстра <…>. Ну, я одна играю, тут у миня (а ведь ни запирались ничё), – и вот и меня, видна, задумал, этат домовой напугать или кто ли… И под кроватью вот такой стон начался: “А!-а!-а!-а!” – вот стонит, вот как чиловек стонит, и стонит, и стонит. Ну, я, конешна, одна дома, я чё – рибёнок, чё мне восемь лет-девятый, пирьпугалась я и замёрла́. У миня тут куклы были и всё, и замёрла́ я: и из избы боюсь выходить, и в избе боюсь оставацца…» [ЕЛА, с. Ждамирово; СЕВ, Ф2007-14].

Такие действия домового могут не мотивироваться (как в приведенных выше примерах). Однако в некоторых рассказах негативное по отношению к человеку и его домашнему окружению поведение дедушки объясняется конкретными нарушениями.

Например, если при переезде не были соблюдены определенные правила (забыли позвать или не приветили батюшку), то в доме может появиться чужой домовой, который и совершает различные бесчинства.

«Вот мы жили на Капказе [название местной улицы] <…> и пиришли в другую избу, а дедушку-ту ни позвали, вот. Пришли, а там дедушка свой [т.е. чужой]. И вот утрам встаним – корова мокра, лошадь мокра. Один раз пришли – лошадь-та вверьх ногами в колоде, – вот это дедушка-домовой их мучит» [САП, с. Ждамирово; СЕВ, Ф2007-11].

Отметим, что негативные действия домового могут уже служить сигналом того, что дедушка – не свой.

«Вот у нас была мама, у них была лошадь – здаровый вараной жирибец. Ни взлюбил ево дамавой и вот так па канюшне ганяет его!.. Аткроют канюшню – ана [=лошадь] мокрая. А в другой раз аткрыли – ана вверьх нагами лижит… И так саветуют: “Значит – чужой дамавой…”» [ГЕВ, с. Сара; СЕВ, Ф2000-32]. «Дедушка домовой <…>. Это знаишь чаво, ну, этат, – и людей-те, но бальшинство он муч·ил скотину, у нас лично даже вот этат – тилёнок. Выдим: мокрый, зна*е*шь, какой мокрый, вот как роса всё на нём вот эдаким да капли, – он [домовой] ево тиготит, мучит, а он вспатива*е*т и всё это <…>

Если чужой дедушка – мучит» [ГВН, с. Ждамирово; СЕВ, Ф2007-6].

Домовой может наказывать за нарушение и других традиционных правил. Например, если человек излишне тоскует по умершему или занимает дедушкино место в избе, он рискует навлечь на себя беду.

«Вот са мной с самой вот было [душил домовой]. Вот я адин раз пришла, и што-та мне так вот… я развалнавалась и паплакала, вот па сваей па [=умершей] сестре па сваей. Паплакала и лягла я на печку. Или я на сердце навалилась или чаво, и вот мне, вот на миня вот кто-та вот прям наваливаецца, душит миня, душит, душит. Я: “О, Хосподи, памилуй, Хосподи, памилуй!”. И я никак ни сталкну. Ну, а патом всё-таки я сталкнула: “Хосподи, памилуй! Хосподи, памилуй!” [ГАС, с. Княжуха; СЕВ, Ф2007-18].

Запрет занимать место домового иногда выражается в форме своеобразных детских «пугалок». «На печке он живёт, домовой-то этат. Я дó смерти боюсь, – вот бы я лёгла на печь: спать иногда зимой холадна, а иё истопишь, вот бы лечь нá печь. И вот тоже миня мамка, нас эта… напугала: по малу-то, малинькие-та были, ну, боицца, што кабы с печи не упали, ана: “Вас там домовой-та!”. Привычка: “Не лазийте: он вас там домовой-та!”. Ну, и вот, и до сих пор эта я боюсь. И вот… он ково он защикочит, ково-та щекочит. Ково-та душить можит. Он в каждым доме этат домовой живёт» [ГКМ, с. Сухой Карсун; СЕВ, Ф2004-5].

Такие часто упоминаемые действия домового, как удушение человека (наваливается во сне, придавливает чем-то тяжелым) или стон (домовой ухает, вздыхает, фырчит), могут означать предвестие определенных событий. Подобные тексты включают в себя описание действий дедушки и рассказ о сбывшемся событии:

«Вот са мной вот была: мужик у меня сабрался умирать, в васкресенье эта было. Я вышла паить карову, аhа, у меня, значит, в старой избе крылец, в тазу прям паила… Вот я панясла ведро – вылила и слышу: старый голос станает, два раза. Я

захажу – ещё наливаю, ещё вынясла, – ещё два раза прастанал. Думаю: “Дай я третий раз налью”. В третий раз налила – всё. Вышла я на двор (у меня гуси, куры были), думаю: “Кто же эта станал? Кто же эта станал?”. Думаю: “Гуси или куры?”. Вот. А патом вот тоже среди нас вот эдак рассказала: “Эта, – грит, – выживала хазяин[а] из дома, дедушка дамавой” [к смерти мужа]» [НЕС, с. Княжуха; СЕВ, Ф2007-18].

«Ну, гаварят, дамавой есть, а вот я вот ни разу не видала. Ну, как-та вот слыхала один раз, в том даму жили мы. Ну, наверна, это к пажару, – мы сгарели тагда. Вот в переднем углу, там в подпале чё-то: “У! У! У!” – станал. А здесь вот [=в новом доме] не слыхала» [ЯАИ, с. Александровка; КИС, Ф2004-9Ульян.].

Рассказы о негативном поведении домового нередко включают в себя описание ответных действий человека. Так, если дедушка мучает скотину, его выгоняют. Способы изгнания достаточно разнообразны. Например, в трех селах Сурского района (села Ждамирово, Сара и Княжуха) – удалось зафиксировать описания пяти способов избавления от озорующего домового, которые отличаются, в основном, варьированием деталей этого действа.

1. Садятся верхом на кочергу, берут ошкур от штанов (часто – красного цвета), держат его в руках или привязывают к кочерге, на которой сидят; затем с матом выгоняют дедушку из хлева:

«Один раз пришли – лошадь-та вверьх ногами в колоде, – вот это дедушка-домовой их мучит. И вот Нютки Захаровскай мать села верьхом на качергу, матам [=матом] выганяла, ошкур ат штанов и матам-матам, и вот повыгоняла и всё… И матам руга*е*цца, руга*е*цца: “Уходи, уходи, здесь тибе нечева делать!”» [САП, с. Ждамирово; СЕВ, Ф2007-11].

Подобные действия совершали и в соседнем селе Княжуха, при этом подчеркивается, что досаждающий скотине домовой – чужой (на это указывает и используемый при изгнании приговор).

«Если чужой дамавой заявицца, вот он будит мучить скатину. А утром пайдёшь карову даить, ана вся вот потна, на ней прям иний быва*е*т, зимой асобенно если. Думаишь: “Ну, чужой дамавой прихадил”. Вот яво выганяют из дома: бярут качергу, садяцца верхом, мужские штаны бярут и яво гонют: “Свой аставайся дамавой, а чужой – ухади дамой!”. Вот выганяют и пасля карова делаецца всё харашо, да вся харашо: никаких мучениев нет, ни поту ничаво» [АЕП, с. Княжуха; СЕВ, Ф.2007-16].

2. Привязывают тряпку (красную тряпку, ошкур от штанов) на кочергу (помело, метлу) и, ругаясь матом (иногда также молятся), выгоняют, бьют по углам двора, хлева, при этом открывают все двери; на кочергу (метлу) верхом не садятся.

«Он [=домовой] ево [=теленка] тиготит, мучит, а он вспатива*е*т и всё это. Чаво – тогда ганяли – мужич·ий ошкур от штанов и митлой, и Ваня [=муж] вот с матирным словом… И по углам визде!.. Вот ошкур. И на мётлу воо привязывыть и этой митлой визде па углам, и матам: “Вот уходи, уходи, ты нам ни нужен, уходи, тудыт тебя пирисюдым, уходи! Ты нам ни нужен, ты над нами зоруешь!”. Ну, и этот – двери, и эту дверь, и на зады дверь, и там дверь – все двери роскрою. Это была у нас лично самих… И всё и ушёл… И уходит, уходит» [ГВН, ГИФ, с. Ждамирово; СЕВ, Ф2007-6].

В некоторых рассказах кочерга, метла и т.п. не упоминаются: ошкур или красную тряпку при изгнании держат непосредственно в руках. «Вот ана [=знакомая] как: брала этат ошкур и этим ошкуром-та хлыстала и матам ругалась и выганяла. <…> [И] уходит, уходит. А то корову мучил: утрам встанет, она вся в росе, вся мокра, ни знай какая. Аhа. По ней прям эта – тичёт как вроди вода вся шея, вот ана делала, мне самой ни приходилось» [БЗИ, с. Ждамирово; СЕВ, Ф2007-12].

«Ошкур, вот ошкур от штанов атрязали, и этим ошкуром по этому по клеву или там, если скотину мучил, матам надо ругацца и яво бить, по клеву ходить и бить: “Вот тибе, вот тибе, ни мучай скотину, иди отсюда, если тибе здесь у нас ни

нравицца, ни живи у нас, уходи от нас!..”» [ГАА, с. Ждамирово; СЕВ, Ф2007-2].

3. Привязывают красную тряпку (ошкур от штанов, бантики, ленты) на скотину (на рога или шею):

«Вот мы пришли сюды, у нас [домовой] корову больно мучал. Вот утрам встаёшь: она прям вся купана, как словна на ней дождик был. И вот красну тряпачку на рога привязыва*е*шь ей, и с ней всё проходит. Я вот, мне самой приходилась» [ДЛС, с. Ждамирово; СЕВ, Ф2007-8]. «Вот он [=теленок]: “А-а-а!!” – што есть духу орёт. А ана [=соседка] грит: “Это его дедушка-домовой муча*е*т!”. Да говорит: “Привяжите красный бантик к нёму на шею, и он больши не будит”. Ну, и правда: мама привязала – и он больши ни кричал» [КРГ, с. Ждамирово; СЕВ, Ф2007-7].

4. выгоняют прутом или дубинкой, ругаются матом, открывая все двери:

«Эта кто зна*е*т чаво… Это вот на этим (ну, бывало ведь фирма [=ферма]), на фирме-ти и лошади, и всё. Вот при́дут: ну, што ты – лошадь вся в мыле. <…> Вот и всё и гаварили, што вот там куды-то пайдут да кто прутом, кто чем, ну, кто чаво делал, вот» [ГАС, с. Княжуха; СЕВ, Ф2007-18].

Если дамавой мучает лошыдь, «так саветуют: “Значит – чужой дамавой…”. Хазяин бирёт дубинку, аткрывает двери – и ту, и ту, и ту [показывает рукой на двери во дворе] и с матам ево па углам ганяет: “Выдь чужой дамавой, у нас свой будит!”» [ГЕВ, с. Сара; СЕВ, Ф2000-32].

5. Выгоняют с помощью *знающих*:

«Есть дамавой мучит, аһа, мучит скатину. <…> Вот утрам встаёшь – каровушка вся макрюща-макрюща. <…> К этому народу к эдакыму идти [=знающим]… Да-да, пачитать [чтобы выгнать]» [ААМ, с. Княжуха; СЕВ, Ф2007-16].

Ответные действия человека на негативное поведение домового не всегда носят отрицательный или агрессивный характер. В некоторых рассказах дедушку пытаются умилостивить и договориться о хороших взаимоотношениях.

В доме дочери информантки сами собой открываются краны с водой, пропадают вещи и т.п.; рассказчица говорит дочери: «“Любк, эта у вас шутушка! Кто-нибудь жил – не взял. Ваш-та [=шутушка], ну, ни заравал…”. Ладна. Перьехали в новую квартиру – эдак же: “Мам, грит, вот нарошна, завирнём, грит, туга, утрам встаним – вада”. Ладна. Гена [=муж дочери] гаврит: “Мам, ищё чуда-та какó: стал, грит, я эту.. чаво-та шить иголкай и палажил на стол на край стал иголку, аглянулся – нет иголки. Искал-искал-искал, – а, грит, смиёцца. – Мам, пришли, ана на этим мести лижит, а мы, грит, все искали”. И многа им прихадилась <…>. “Люб, я слыхала, што пакармите яво вкуснее” – “А чем, мам?” – “Ну, чаво: сделай, чай, чаво-нибудь вкусненького, паложь калбаски, там чаво-нибудь, стаканчик чайку и скажи: «Шутушка-батюшка, нá вота, кушай, толька ни хулигань! Ты што хулиганишь-та у нас? Пагляди-каська: ты чаво ты над нами дела*е*шь?»”. Ну, пришли: “Айда, грит, давай, давай, Гена, делать, чаво мама сказала” – “Давай”. Ну, с тех пор, грит, эта – бросил. “А щас, – грит, – мы привыкли, што ль, грит, встаним…” – стала она гаварить: “Шутушка-батюшка, айда с нами ужинать!”. Привыкли, уж, грит. “И пиристала, – грит, – вадичка у нас капать. И пиристали, грит, у нас эти працидуры пра… это… прападать» [УЗИ, с. Большое Шуватово; ЧМП, Ф2003-33]. «Давича рассказывали: у нас вот мама, пакойница, ана у нас уехала жить к сыну в Ульянавск, и вот ана рассказывала (вот я приезжала к ней, пака ана живая была) и гаварит: “Дочка, миня замучил дамавой!” – “Мам, ну как?” – “Вот приходит и лажицца, вот прям эта… прям вот душит меня, прям вот душит меня, ни магу прям спать лажицца”. Гаварю: “Мам, ну, ты чаво-нибудь сделай!”. Ана гаварит: “Дочинька, я уже сделала: я схадила к адной старушке <…>, ана сказала: «Ты яму найди где-нибудь мéста, такое, штобы он лажился там». Я, – грит, – яму састягала матрасик, палажила яво в прихожке ([там] стаял шифонер), палажила, грит, этат матрасик на шифанер, и он, грит, больши ка мне ни пришёл. Чувствую, грит, ночью шастает, ходит, но ка мне, грит, больше ни пришёл, – всё время

спал вот эта [на матрасике]”. Это вот прям, прям савсем вот нидавно» [ВРС, с. Засарье; ЦАЮ, Ф2000-9].

Определенный комплекс обрядовых действий, адресатом которых является домовой, совершается при переезде в новое жилище. Дедушку обязательно нужно позвать с собой. Если это не совершается, то на новом месте жизнь может не заладиться (например, может начать досаждать чужой домовой, см. выше).

В основном, действия, связанные с переездом, достаточно просты. Известные нам описания можно условно разделить на те, где есть упоминание о переносе домового (например, в корзине), и те, где об этом не сообщается. В последних обычно говорится о том, что дедушку зовут, при этом сообщается типичная формула приглашения домового:

«Когда, слышь, в другой дом пириезжа*е*шь, то говоришь: “Айда, дедушка домовой, с нами!”. [Сафронов Е.В.: Рассказывали, што его как будто переносили в чем-то – в корзине, в зобне?] Ни знаю, этого ни приходилось, ни знаю» [ДЛС, с. Ждамирово; СЕВ, Ф2007-8].

Переезжая в другой дом, говорили: «“Дедушка-дабраходушка, пайдём с нами!”. А если кто ни скажет, он, грит, остаёцца, знаешь, как плачет! Што ево с сабой ни взяли, грит, очинь плачит… Абизатильна нада ево пазвать с сабой. [Сафронов Е.В.: Просто позвать, в чем-нибудь его переносить не надо?] Нет, проста пазвать: “Айда с нами!”. Ты ево не видишь: проста пазвать…» [ЕНИ, с. Сухой Карсун; СЕВ, Ф2004-31].

В текстах, в которых сообщается о необходимости перенести домового, эти действия могут производить при помощи лукошка, зобни, кузова, корзины, *руна* (т.е. ткани, мешковины), какой-либо посуды.

«Кагда вот уходют, строяцца, вот абязательна берёшь лукошка, бярут лукошка и вот ставят, грят: “Дедушка-дабрадедушка, айда с нами на ново жильё!”. И вот он залазит туда, яво не видят, он залазит, нясут, – тяжило в этай карзинке-то, на ново жильё пиритаскивают» [КМФ, с. Полянки; СЕВ, Ф2000-19]. «Кагда мы сюды пирихадили (дом пастроили

новый), мы аттуда все вещ·и брали и брали – яво с сабой звали: “Дедушка-дамавой, пайдём с нами в ново наше жилищ·е!” – вот, приглашали яво. А вот раньши ехали там примерна куда-та, – из диревни в диревню пириезжали, – яво тоже приглашали: брали старую зобню (вот такие плитёные есть зобни, ну, плитёнки, ну, как типа корзины толька бальшие), вот эту зобню ставили на́ лошадь, на телегу и приглашали дедушку дамавого. Если скажут: “Паехали, дед дамавой, с нами” – лошадь с места не тронецца. А скажут: “Пайдём с нами пешком, тебе припасли жилищ·е!” – вот лошадь паедет, а он идёт, – там неви́дима, но идёт, видимо, – лошадь пайдёт» [АЕП, с. Княжуха; СЕВ, Ф2007-16].

В некоторых рассказах к домовому обращаются не только на старом месте, но и после того, как придут в новую избу. Благодаря этому описанные действия приобретают более завершенный характер: обряд переезда начинается в старом жилище, а заканчивается в новом. В отдельных случаях эта тенденция подкрепляется специальными действиями с хлебом: тесто затевается в старой избе, а хлеб пекут в новой. Нередко в описаниях действий, связанных с переездом, также упоминается о необходимости первой пускать в новое жилище кошку – известную «ипостась» домового.

«А вот кагда приходишь, – вот пастроишь дом и заходишь, первый раз захадить, – затява*е*шь хлеб в кастрюльку и бирёшь кошку. Первым долгам завёшь: “Шутушка-батюшка, айда с нами жить!” – и кошку пуска*е*шь впирёд. Патом уж заходишь и пикёшь хлеб, вот уж эта начина*е*шь пирьходить жить. [Сафронов Е.В.: То есть затеваешь хлеб на старом дому и печешь в новом?] Да-да» [БВЕ, с. Большое Шуватово; СЕВ, Ф2003-34]. «Ну, говорят, што дом биз домового ни быва*е*т <…>. Например, у миня сын пириезжал туда на кардон-та, нада домового пригласить туда с собой, <…> сказать: “Айда вот в тот дом, храни моих дитей”. Я вот, например, так сказала, когда провожала дитей: “Дедушка домовой, айда, в тот дом, храни моих дитей”. Я туда пришла, дверь как открыла, первой зашла, с кошкой в руках и буханка хлеба, соль, зашла и тоже говорю:

“Вот оставайся типерь здесь, храни моих дитей!”» [ШАИ, с. Сухой Карсун; СЕВ, Ф2004-13]. «Дедушка дамавой в каждам доме есть. Вот мы строились, баушка мая, свякровь, пашла за этим, значит, на старо мéста, где мы раньши жили. Гаварит: “Дедушка дамавой, айда с нами на ново жительства!”. Ана туда пошла с забёнкой, забня, витая такая, вот. И аттоль нисёт – и тижило, вот. Дамой пришла, эту зобню паставила на двор: “Айда, дедушка-дамавой, в избу!”. А то без дамавого нильзя» [ГАБ, с. Княжуха; БЛА, Ф2000-2].

В рассказах и поверьях, в которых домовой выступает в роли предвестника, к дедушке могут обращаться со специальным вопросом: «К худу или к добру?». Эта формула довольно устойчива. Вариативны, в основном, обращения к домовому (в зависимости от того, как называют в том или ином селе дедушку).

«Вроди, душит, гаварят, он [=домовой]. Гаварят, спрашивают яво всё: “Дедушка дамавой, к дабру или к худу?”. Если, скажем, к худу, он грит: “К х-х-х… К х-х-х… ” – вот так вот. Я слыхала: крёстна была, мая тётка, иё душил, ана рассказывала. Ана спрасила яво, грит: “К х-х-х… К х-х-х…” – и ана та*г*да, у неё… ана тоже маленна была, и муж был псаломщик. Вот церквя кагда стали тут всё ламать-то, у ней иё мужа забрали и увязли… Забрали и увязли, – я, грит, хадила-хадила визде, узнавала-узнавала…» [ЕНФ, с. Большое Шуватово; СЕВ, Ф2003-34]. «[Сафронов Е.В.: Вот говорят, что в домах есть какой-то хозяин?] А-а, как всё гаварят: шут. Шут балакиряв. Как вот вроди душит-душит ва сне, никак ничаво ни выгавариш. Мне прихадилось то*г*да, вроди как душит: “А! А! [с придыханием]”. Вздохнёшь: “Ой, уйди!” – и ачнёшьси. Ачнёшьси – никаво нет. <…> Я слыхала, если он там, яво спрашивают: “Шут-батюшка балакиряв, к дабру или к худу?”. Если к худу, то он скажит, и к дабру – скажет. Да, если он душит: “К дабру или к худу?” – он скажет: “К худу!” – значит, какая-та бяда будет в даму» [ЦВС, с. Валгуссы; СЕВ, Ф2001-18].

В большинстве записанных текстов домовой предвещает несчастье. Ответ: «К худу!» произносится либо отчетливо, либо

распознается человеком в фырчании, ухании и т.п. Ответ: «К добру!» связывается или с молчанием домового, или также с отчетливым ответом дедушки (см. выше).

Еще одна ситуация взаимодействия домового и человека может быть обусловлена желанием последнего «вызвать» дедушку, тем или иным образом спровоцировать его появление.

К известным способам вызова относится манипуляция с карандашами, посредством которых узнается предсказание от дедушки. «Карандаши, вот сколь уж забыла – три, читыре ли карандаша <…> слаживали и, значит, дедушку-[до]брахудушку звали: “Дедушка-браходушка, прихади к нам!”. И вот этат браходушка будто бы прихадил, и всё расскажит, што далжно быть. Гаварят вот эта, но я ни пыталась сама, ни знай, но гаварят… <…> Дёржишь их в руке и вот их слажива*е*шь, и вот ка*г*да их дёржишь и дедушку-браходушку просишь: “Дедушка-браходушка, прихади к нам вроди в гости и вот нам расскажи эта…” – там чаво ты загада*е*шь ли, как ли”, – и вот будта он прихо… ну, там приходит – видят ли яво, не видят ли, а вроди кто-та где-то баит [=говорит]» [КАН, КВН, с. Шеевщино; КИС, Ф2000-13Ульян.).

В с. Княжуха Сурского района встретился гораздо менее распространенный вариант: дедушку вызывали особым приговором, в котором упоминается другой, тесно связанный с домовым персонаж быличек и поверий – полевой:

«Вот я была дивчонкай, мы с адной, – нас научили двух дурачик: “Вы, – гаварит, – эта… вот в абед, в двянадцать часов, скажите, грит: «Дамавой-дамавой, умир палявой!» – и вы, гварит, услышите стон». Ну, и правда: мы с ней эдак-ту сидели две дома: “Дамавой-дамавой, умир палявой! Дамавой-дамавой, умир палявой!” – три раза эдак сказали. И вот стон: “Э-э-э!” – эх, мы из избы-то убигли – напугались (мы дивчонками были), мол, и убигли. Вот таки дяла» [АЕП, с. Княжуха; СЕВ, Ф2007-16].

Несмотря на то, что домовой в современных записях предстает, в основном, как недифференцированный персонаж, «синтез духов крестьянского подворья», рассказчица

последнего из приведенных примеров эту дифференциацию сохраняет (возможно, редкое упоминание о полевом обусловлено сохранением наименования этого персонажа в приговоре, провоцирующем появление дедушки). «Тожи палявой есть ище дамавой. Называецца ище паливым дамавой, каторый в поли живёт. Вот яво называют Кузьма, палявого. <…> Палявой – он ни вредный был, он в поли. Вот раньши пахали жи на лашадях, на канях, – он как вроди путь исвещал каням. Да, а рано жи уизжали в паля, и вот он дарожку им паказывал, каню. Вот всё так старики гаварили» [АЕП, с. Княжуха; БЛА, Ф2000-14].

Таким образом, типичные функции домового связаны с различными действиями (или бездействием) человека, обусловлены ими. Человек вынужден считаться с присутствием домового, реагировать на его поведение, ожидая определенных событий, исправляя собственные нарушения и т.д.

Список информантов

ААМ – Афанасьева Александра Михайловна, 1923 г.р., родилась и проживает в с. Княжуха.

АЕП – Афанасьева Екатерина Петровна, 1925 г.р., родилась и проживает в с. Княжуха.

БВЕ – Большакова Валентина Ефимовна, 1931 г.р., родилась и проживает в с. Большое Шуватово.

БЗИ – Блохинцева Зоя Ивановна, 1936 г.р., родилась и проживает в с. Ждамирово.

ВРС – Власова Раиса Степановна, 1932 г.р., родилась и проживает в с. Засарье.

ГАА – Головушкина Антонина Александровна, 1936 г.р., родилась и проживает в с. Ждамирово.

ГАБ – Громилина Антонина Борисовна, 1926 г.р., родилась и проживает в с. Княжуха.

ГАС – Горчакова Антонина Сергеевна, 1933 г.р., родилась

и проживает в с. Княжуха.

ГВН – Гроздова Вера Николаевна, 1934 г.р., родилась и проживает в с. Ждамирово.

ГЕВ – Гончарова Евгения Валентиновна, 1933 г.р., родилась и проживает в с. Сара.

ГИФ – Гроздов Иван Федорович, 1936 г.р., родился и живет в с. Ждамирово.

ГКМ – Гришина Клавдия Михайловна, 1951 г.р., родилась и проживает в с. Сухой Карсун.

ДЛС – Дурасова Людмила Семеновна, 1934 г.р., родилась и проживает в с. Ждамирово.

ЕНФ – Ершова Нина Филипповна, 1935 г.р., родилась и проживает *в* с. Большое Шуватово.

ЕЛА – Евгеньева Лидия Антоновна, 1933 г.р., родилась и проживает в с. Ждамирово.

ЕНИ – Елистратова Нина Ильинична, 1941 г.р., родилась и проживает в с. Сухой Карсун.

ЗЕВ – Запольнова Елизавета Васильевна, 1926 г.р., родилась и проживает в с. Ждамирово.

КАН – Крупякова Антонина Николаевна, 1932 г.р., родилась и проживает в с. Шеевщино.

КВН – Крупякова Валентина Николаевна, 1930 г.р., родилась и проживает в с. Шеевщино.

КМФ – Кулыгина Мария Федоровна, 1925 г.р., родилась и проживает в с. Полянки.

КРГ – Козлова Раиса Григорьевна, 1932 г.р., родилась и проживает в с. Ждамирово.

НЕС – Николаева Екатерина Семеновна, 1926 г.р., родилась и проживает в с. Княжуха.

ПАИ – Панова Антонина Ивановна, 1928 г.р., родилась и проживает в с. Сара.

ПЛП – Полнякова Лидия Петровна, 1941, родилась и проживает в с. Вальдиватское.

ПМД – Парфенова Мария Дмитриевна, 1914 г.р., родилась и проживает в с. Ждамирово.

САП – Супонина Александра Петровна, 1912 г.р., родилась и проживает в с. Ждамирово.

УЗИ – Усачева Зинаида Ивановна, 1937 г.р., родилась и проживает в с. Большое Шуватово.

ЦВС – Цыпина Вера Сергеевна, 1917 г.р., родилась и проживает в с. Валгуссы.

ХФИ – Хахулина Фаина Ивановна, 1938, родилась и проживает в с. Сухой Карсун.

ШАИ – Шаляева Анастасия Ильинишна, 1926, родилась и проживает в с. Сухой Карсун.

ЯАИ – Яшина Анна Ивановна, 1926 г.р., родилась и проживает в с. Александровка.

Е.В. Сафронов

СНОВИДЕНИЯ О ПОКОЙНИКАХ

Одним из возможных способов общения и контакта с умершими близкими является сон. В Ульяновском Присурье поверья и рассказы, связанные с подобными представлениями, широко известны.

Сновидения о покойниках могут пересказываться в любое время (в рамках беседы), однако наиболее значимы в этом отношении так или иначе отмеченные периоды: например, поминки, день рождения умершего и т.п. Рассказывают и толкуют сновидения об умерших чаще всего пожилые женщины. Однако это преобладание достаточно условно: активными участниками такой беседы могут быть и дети, и мужчины. Последние, как правило, склонны придавать меньшее значение своим снам, реже воспроизводят их повторно.

В большинстве текстов о приснившемся покойнике его приход так или иначе мотивирован. Наиболее часто в рассказах о снах в качестве возможной причины прихода покойника называются нарушения, связанные с похоронно-поминальной обрядностью: забыли помянуть или положить в гроб определенные предметы; обрядили покойника в неподходящую одежду; неправильно повели себя во время похорон или на кладбище; излишне тосковали по умершему и т.д.

Указание на нарушение в таких рассказах оформляется благодаря достаточно ограниченному набору мотивов. Например, благодаря прямому словесному указанию покойника.

Соседка рассказчицы не смогла помянуть умершую мать; затем пришла к информантке «и гаварит: “Тётя Наля, грит, замучила миня мамка-та, грит [во сне]: “Таня, ну, ведь ты, грит, так и сделала, ты уж ни пазвала никаво, – ну, ана, вроди, как живая, – ну, уж ни пазвала ты на мой праздник никаво, а я, грит, как дажидалась этава праздника-та, а ты, грит, не пазвала”. Вот ана ка мне пришла [сновидица в реальности пришла к

информантке], мне принясла вота: “На вот, тётя Наля, памяни маму”» [ЕАН, с. Потьма; СЕВ, Ф2005-1].

Более распространены тексты, в которых указание на нарушение представлено в опосредованной форме (через определенное действие покойника, сопровождающееся характерными репликами, либо через описание условий существования умершего).

«Мая мама каждый год паминала в день смерти иё матири, паминала её. Аднажды ана забыла эта сделыть, и вот ей в эту ночь (на следующую, значит) приснился сон: ана идёт, а навстречу идёт иё мать, с бальшой чашкой пустой, падашла к ней и ударила этай чашкой по галаве маму. Мама гаварит: “Ты што, мам, миня как ударила?”. Ана гаварит ей: “А ты миня как ударила!”. Ана, грит, вспомнила, что иё ни памянула» [ФМИ, с. Сара; СЕВ, Ф2006-5].

«Вот Файя мне приснилась го́ла, Файя вон Губина <…>, мая соседка, го́ла. Умирла, вот сорак дней прошло токо што… го́ла, в тимнате. Ане [=родственники] ни жгли лампадку, нада жечь лампадку сорак дней. Ани ничаво не жгли, я им и лампадку атдала <…>. Ана [=умершая соседка при жизни] сама на сибя наговорила: “Я и в Боhа ни верываю”, – а у самой икон пално. Я и ни хотела читать… А патом уж я пашла, пачитала: ну, как жи – соседка» [ГЗС, с. Барышская Слобода; СЕВ, Ф2006-4].

Кроме того, указание на нарушение в подобных текстах может оформляться, например, как просьба покойного, обращенная к живым. Типичными реакциями на действия приснившегося покойника является выполнение просьбы или ликвидация нарушения.

«Вот брата яво видала, дедушкинава [видела во сне брата своего мужа]. И вот вижу: падашёл к акошку. И я падашла к акошку – [он] во все́[=э]м в старом и спрашиваит: “А ты, знаишь, видь, Валь, как я есть хачу…”. А у няво детей [в реальности] цела куча, четвира… А я [после сна] дедушки [=мужу] гаварю: “Дедушка, видна, уж ни падаю́т ани [=дети умершего] ничаво об нём. Давай, давай, я куплю хоть пяченья

да атнясу в садик рибятишкам”. Рибятишки, – ани ведь лучше всех памянут, патаму што радасть им какая! Я принясла, ани: “Баба Валя, баба Валя пришла, принясла нам гостинец!”» [АВИ, с. Потьма; СЕВ, Ф2005-1]. «Иё [=знакомую женщину информантки] покаранили, ну, как абычно, ва всём такем нарядным, ну, кагда вон винчаюцца, в такем платье, увал и всё там. И надели на ниё белы туфли на каблуке. И вот прашло сколька, и иё мать видит ва сне: “Эх, мам, как я устала, у миня как ноги балят! Купи тапочки..” – да гаварит: “Вот падай вот этаму чилавеку, – там назвала, – как, гаврит, у миня толька ноги балят!”. Я гаварю [информантка говорит сновидице]: “А ты уж, Зин, дадумала! Туфли да на каблуке ещё, – зачем? Пускай какая бы ана ни была, маладая ана, всё равна нада каранить – класть в тапачках, абязательна в тапачках…”» [АВИ, с. Потьма; СЕВ, Ф2005-1].

В некоторых рассказах описывается повторное явление покойника в сновидении, в котором он как бы подтверждает правильность выполненных сновидцем действий.

«И вот будта он [=умерший муж, во сне] сидит как на печки. Я гаврю: “Чево у вас там? Чем вас кормят?”. А он говорит: “Да кормят-та харашо, да вот курива нет”, – он курил – и курива нет. И вот я, значит… Значит, нет курива, – я [после сна] канун прачитала и падала́, падала́… Юрка Котирив [односельчанин] курил [и ему подала]. И вот мне [еще раз] приснилси: вот кури́т!.. И дыму валит, из папироски валит дым. И такой улыба́ющай – эта значит он накурился» [ГЗС, с. Барышская Слобода; СЕВ, Ф2006-4]. «Крестик забыла вот тут (ана дваюрна ма*е*му мужу), брат умир, ана забыла на няво адеть крест [при погребении]. Он ей приснился: “Тайк, ты што уж так и ни адела на миня крест-то?..”. Ана гаврит: “Чё мне таперь делать-та?”. А я [информантка] гаварю: “Чево делать? Иди на кладбищи, вырай ямку, где галава лижит, паглубжи, и апусти туды крест, – я гаварю, – он дайдёт да няво”. Прашло, наверна, месица два, ана и гаварит: “Катирин, а, наверна, крест-та дашёл!”. Я, мыл: “Чаво?” – “Он, грит, мне приснился ва сне и грит: “Спасиба, Тайк, пиридала ты мне крест-та, а то, гаварит,

миня ни пускают биз кряста-та”» [АЕП, с. Княжуха; СЕВ, Ф2007-14].

Соблюдение правил со стороны живых (т.е. их ненарушение) расценивается как вероятная причина отсутствия упомянутых действий покойника.

«[Сафронов Е.В.: Во сне ваш сын, может, просил что-нибудь?] Нет, он и ни будит прасить, патаму што мы падаём, я всё время…» [АВИ, с. Потьма; СЕВ, Ф2005-1].

Определенные действия живых (например, постоянная молитва об умерших) способны вообще предотвратить явление покойника во сне. «Вот плачу об [умерших] сыни, об внуки, плачу день и ночь, и ничово ни во сне ни видицца, и ничово ни делаецца. А бывала сразу вот [снились], а щичас нет, ни най, молюсь всё время на книжки да лампадка горит. [Сафронов Е.В.: То есть если молишься, то сниться не будет?] Нет, ни сняцца» [ММД, с. Ждамирово; СЕВ, Ф2007-4].

Такие действия могут приводить к своеобразному внутреннему конфликту: несмотря на то, что сновидение об умершем желанно, поступки живых не позволяют реализоваться этому желанию. Характерно в приведенном ниже примере и обращение к *знающему* (роль которого в данном случае выполняет представитель церкви), поскольку сновидения часто провоцируют проблемные ситуации, требующие совета и интерпретации.

«Ну, мне вот ни приходилось [=не снились умершие], – я всё время молилась об них, а хотелось, вроди, штоб приснилась… Я б вот с [умершей] доченькай-та бы павидалась да поговорила... У батюшки спрашиваю: “Што мне ни сницца, вот адин раз толька ана мне приснилась? Как хочицца вроди бы: скучилась я”. А он говорит: “Хорошо, што не сницца, эта ты молишься за неё, вот она и ни сницца, и не нада, штобы снилась”» [ЧАИ, с. Ждамирово; СЕВ, Ф2007-3].

Особенно любопытны (с точки зрения региональной и локальной специфики) тексты сновидений, в которых акцентируется внимание на конкретных деталях

(представлениях, реалиях и т.п.) похоронно-поминального обряда.

Например, в с. Потьма Карсунского района установка индивидуальных оград на кладбище воспринимается, скорее, негативно (как нарушение). Это объясняется бытующим здесь поверьем о том, что ограды мешают душам умерших «гулять», «ходить». Такие представления отчасти поддерживаются и рассказами о снах.

«Я была, видала сон: вот хажу, хажу как по кладбищам, на кладбищи, хажу и хажу по кладбищам-та, а оне будта вот таке-еи бальшие кладбища, и визде всё загорожено и сидят все миртвицы, все сидят в этих в сваих загародках. А я вот их ищу, ищу и ищу и никак ни найду. И будта я падашла к аднаму знакомаму [=умершему], я грю: "Шур, а вот ты ни видал здесь, я гаворю, наших?". <…> А он гаварит: "Нагарадили еще, грит, клетков здесь, зачем, грит, этих вот клеткав здесь нагарадили, мы сами сидим вот все в клетках" <…>. [Сафронов Е.В.: Это вот на кладбище ограды?] Да-да-да, здесь же аграды делают щас все, бывала, не была никаких аград, а щас всё – на какую красату, што ли, или чаво ли – ни знай…"» [ЕАН, с. Потьма; СЕВ, Ф2005-1].

В другом селе Ульяновской области – Засарье Сурского района (как и в ряде других сел Сурского района – Сара, Ждамирово и др.) принято до сорока дней после смерти подавать жёрдочку (т.е. полено или палку). Обычно это совершается ближайшими родственниками умершего в качестве потайной милостыньки. Согласно поверьям, если жёрдочка не подается, то покойник не может перейти на том свете через некую реку.

Данные представления подтверждаются рассказами о снах.

Родственники умершего не подали жердочку. «Ей [=родственнице] сницца сон: где-та сидит он [=умерший] на бирягу. Вроди какая-та речка ни речка, но какая-та трисина. Ана, значит, апять иму гаварит, <…>, грит: "Ну, пирихади сюда". Он гаварит: "Да я бы рад пиришёл, да мне нé па чему, а

тут видишь, лодка-та ни прайдет: вон какая тут трисина-та, как лодку-ту пустить-та, а мне шагать-та да и нé па чему. Нет у миня пирихода-та”. Вот тожа, эта ищё сорак дней ни паминали. Тожи я взила жирдину и вот туда саседям атнясла. Прям палажила молча, никаму ничё ни сказала. Все, – и палажила» [ВЕМ, с. Засарье; ЦАЮ, Ф2000-9].

Родственники утонувшего не подали жердочку. «И вот, грит, ва сне я видил: он [=умерший], грит, карабка*е*цца, карабкацца, – ни в какую никак. Он [=один из родственников умершего, в реальности после сна] в агарод бросился, схадили в дубки, принясли две жерди <…>» [СЕМ, с. Сара; СЕВ, Ф2006-8].

Отметим, что данное представление актуализируется и в тех рассказах о снах, которые напрямую не связаны с мотивом указания на нарушение. Такие тексты как бы подтверждают правильность действий представителей «нашего мира» (подачи потайной милостыньки – жёрдочки).

«И вот он [=умерший муж рассказчицы] мне сницца потом [после того, как подали жёрдочку соседке]. <…> Он кричит мне с той стороны-ти: “Лизк, я ведь к тибе иду!”. Я говрю: “Иди”, – вроди еще… как живой. Я говрю: “Иди”. Ну, вот… Говорит: “А негди мне пирьходить-та”. Я говрю: “Как негди?” – “Нет”. Я грю: “Погляди хорошенька-та”. А у нас там эдаки вот сталы были, я грю: “Погляди там хорошенька-та”. Он спустился да грит: “Эх, правда, тут видь есть ход, да доска-та хоро-оша”» [МЕМ, с. Ждамирово; СЕВ, Ф2007-11].

Наряду с нарушениями тех или иных правил похоронно-поминальной обрядности, приход покойника может мотивироваться в рассказах о снах и нарушениями другого типа: например, несоблюдением некоторых этических и бытовых правил.

Снится умершая соседка. «Я [сновидица] гаварю: “Расскажи, как вы там живете?”. Ана гаварит: “Харашо, очинь харашо: всё у нас есть, эта как прадалжение жизни сущиствуит” – <…> “Кормят вас нармально?” – “Всё нармальна, мни ни хватаит толька вады”, – “не нам”, а “мне”, – а у ние атец [в

реальности] ни пускал людей в калодец воду брать…» [КЗИ, Поселки; ПЮА, Ф1999-22]. «У миня у самой-та муж умир… И вот адин раз – у нас тут, у миня крылечко паламалось [в реальности]. Ну, как паламалось – вылитила вот на чиво наступать и скрипит, а я, значит, – затаплять (вроди там кательная у нас), затаплять… Села, тожи затапляю <…>. И взила картошку мять вот курам [взяла колотушку, которой мнут картофель] и взила и вот так, думаю: щас вот нимножко пристукаю иё, эту [доску на крыльце]. Ну, пастукала – ладно… Ну, биза всякава: чё – я ничё ни сделала, ладна... После этаво ночью, в эту же ночь мне сницца сон: он мне гаварит, – ничё са мной ни разгавариваит, толька мне гаварит: “Мать, ни этай калатушкой нада забивать: нада взять малаток, сначала атарвать, а патом прибить”. Я удивилась, я вот после этаво, я удивилась: да сих пор я сматрю на это крылечко, и я вспаминаю этот сон…» [ПНФ, с. Потьма; СЕВ, Ф2005-3].

Явление умершего во сне может мотивироваться приближением срока жизни сновидца или его непосредственного окружения. Приход покойника в таких текстах расценивается как предвестие смерти. Типичными действиями умерших в этих рассказах являются зов, приглашение или увод с собой сновидца (его родственников и знакомых).

Перед смертью друг информанта видит во сне умерших свояков «И ани, сваяки, гаварят иму: “Аликсандр Иванавич, <…> прихади к нам, нам биз тибя тижило, у нас есть – как там… калым или шабашка, я ни знаю, – мы будим строить малинькие домики, да ани сказали, мы будим малинькие домики строить, мы уж тибе работу там нашли”…» [УИД, с. Сара; СЕВ, Ф2006-1]. «Ани [=покойники] ва сне завут, каму умиреть, ани завут. <…> Ана [=сновидица, родственница рассказчицы] гаварит: “Ка мне мать прихадила <…>, – гаврит: “Шурка, я ведь за табой пришла”. Ана [=сновидица] гаврит: “Ну, я ни хачу идти с табой” – “Ну, ты ни хочишь, всё равно придёшь, гаврит, ка мне”. Вот эта ана рассказывала жи вот пирид смертью» [АЕП, с. Княжуха; СЕВ, Ф2007-14].

Отметим, что в качестве предзнаменования смерти (а также ряда иных негативных для сновидца и его окружения событий – болезни, аварии и т.п.) могут выступать и некоторые другие действия приснившегося покойника.

«Вот щас у этих… у Волкавых: в общем, муж, этат… атец умир, полгода ни прашло и мать умирла. И я ни знаю, или Гени или Шурки приснилси этат сон, а эта плахой сон. Вроди атец паставил с улицы с пиреднива угла крёст вот агромный, – вроде эта нихарашо. Сколька-та времини прашло – мать умирла. Вроди уж разгадали, што эта – тирпение…» [АМИ, с. Сухой Карсун; СЕВ, Ф2004-5]. «Вы знаите, у миня мама умирла многа лет назад, и до сараковова дня (как мы гаварим, примета: верим – ни верим) ва сне видила я маму, как будта ана паднималась из гроба – ну, можит, што-та такои я сама па сибе падумала, ну, наверна, што-та случицца ищё, патому што ана паднилась, глаза аткрыла, ничиво ни гаварит, а толька сматрит. И сон прашёл, я встаю мужу гаварю: “Што-то сон я такой ниприятный видила, видала бы я маму так вот проста, как бы наиву, а эта вот в грабу да вот вставала – эта што-та какая-та ниприятнасть”. Чириз день тилиграмма: брат умир, вот ана пажалуста – тилиграмма» [ЛАН, с. Сухой Карсун; СЕВ, Ф2004-13].

Последние примеры весьма близки по функциям к так называемым «собственно вещим» снам (термин М.Л. Лурье). Главная функция этих рассказов – прогностическая. Значимость описания самого контакта с покойником (пересказ собственно содержания сна) здесь сведена до минимума. В таких текстах более важным является соотнесение с определенным событием реальности, нежели описание сновидения.

Помимо перечисленных мотиваций прихода, действия умершего могут быть ограничены сообщением определенной информации об ином мире (информированием). При этом какое-либо соотнесение с событиями реальности (по принципу: приснилось – сбылось) в таких рассказах обычно отсутствует. Эти тексты часто организуются на основе вопросно-ответной конструкции: сновидец спрашивает умершего о том свете, покойник отвечает.

Мать информантки спрашивает во сне свою умершую мать: «“Мам, ну как вы там? Чаво делаите?” – “Ой, мы в саду живём, яблаков у нас много урадилось, яблаки сабирам” <…>. “И многа яблакав?”, – я иё спрашиваю. “Ой, многа, аж девать некуда, прям кучи лижат в саду-ту у нас”. И я, грит, абирнулась, и ана у миня прапала, больши никаво ни сказала, ана у ней пропала» [ММС, с. Потьма; СЕВ, Ф2005-2]. «Вот здесь у нас жила, ну, ана как стара девка была, аhа. Я ей гаварю [после ее смерти, во сне]: “Панка, где ты живёшь? – я иё спрашиваю вроди ва сне-то. – Где ты живёшь?” – “Катька, я живу в раю”, – ана гаварит. – Са-ады адни цвятут, грит, так цвятут сады, – ана рассказываит, – так цвятут сады”. А я, мыл: “Ну, всё там гаварят, там ад есть?” – Ана: “Есть, есь, узнаите, придёте, узнаите, за што будите атвичать, вы придёте – узнаите”…» [АЕП, с. Княжуха; СЕВ, Ф2007-14].

Нередко в подобных рассказах акцентируется сходство между мирами живых и мертвых. В известных нам текстах указанная близость выражается через тождество основной деятельности (в частности, профессиональной) умершего на том и этом свете.

«Я гаварю: “Мне вот Салай [=умерший знакомый] приснился”. Я иму: “Ты што там делаш?” – “Да все эта ж. Из кирпича печки кладу [умерший при жизни был печником]”» [ШВИ, с. Барышская Слобода; ЦАЮ, Ф2000-8]. «У миня вон у мужа дядя умир, вот сницца жине, яво жине сон, гаврит: “<…> Што я здесь жил, што там жизнь: закатали, грит, миня бирёзовые драва”, – а ан в лясу [при жизни] работал… И там, грит, работаю, эдак же, как и здесь работал: пилю, калю, кладу» [СЕМ, с. Сара; СЕВ, Ф2006-8]. «У миня умир атец, он умер, сорак три года иму ищё не была, а работал – канюшил (раньши лошади были в бригадах-та), он конюхом был... И вот кагда помир, а саседка (я на той улице жила), саседка вышла, ей сон приснился <…>. А ана… я, грит, вышла ка двару-ту, гляжу, грит: он идёт аттоль, а он – мёртвый. Идёт аттоль, руки назад, без шапки в куфайке (бывало, куфайки насили), в куфайке. Падашёл ка мне, грит, я думаю: “Пагади-ка: Стенька, ето ведь

он мёртвый!”. Падашёл, грит, ка мне: “Здравствуй!”. Я гаварю: “Здравствуй” <…>, в первую очиридь гаварю: “Как там живёшь?”. А он, грит, мне рукой махнул в глаза: “Пилагея, адно ярмо – што здесь, што там!”. <…> Вот ана утрам-та идёт к мамке, грит: “Я ведь как Стеньку-та видила, – видна, там он канюшит: адно, грит, Пилагея, ярмо – што там, што здесь!”» [МПС, с. Сара; СЕВ, Ф2006-5].

Иногда в текстах, организованных на основе упомянутой вопросно-ответной конструкции, описание того света сопровождается формулой «хорошо, но только…». С помощью данной формулы выражается определенная просьба или претензия умершего к живым, т.е. мотивация прихода связывается не столько с информированием об ином мире, сколько с указанием на конкретное нарушение сновидца или его окружения.

«И стала, грит, иё спрашивать [сноха рассказчицы спрашивает во сне умершую мать информантки]: “Баба Сар, как ты там живёшь?” – “Харашо живём, работаем, у нас харашо, <… > вот [только] сахарку нет”. Прихажу [=в реальности], ана [=сноха] мне рассказываит: “Мам, значит, баби сахару нада, ана, навернаи, сахару просит у миня”, – ана пашла купила полкило и падала́…» [ММС, с. Потьма; СЕВ, Ф2005-2].

Односельчанину снится умерший отец информантки (“Стёпа”); сновидец спрашивает его: «“Стёп, ты што? Как ты там живёшь?”. А он гаварит: “Живу я харашо: адетый, абутый. Всё у миня есть, – сытый. Вот толька все чужии, ни магу привыкнуть”, – пахаронин-та в Ульяновски, никаво нет…» [ВРС, с. Засарье; ЦАЮ, Ф2000-9].

Информирование об ином мире может реализовываться в рассказе о сне не только как словесное описание того света, но и как его своеобразный «показ» (посещение).

«Вот сон этат я ни забуду: вот видала я яво больно уж в цвятах, мужа: вот што ни иду – цвяты, што ни иду – во всё цвяты – вот уж всякыми, всякыми цвятами, а я будта иду, а мне навстречу идут вроди как женщ·ины. <…> “Ты далёко ли идёшь?” – вроди миня спрашивают. “Да иду, мыл, вот сюды – к

мужику” – “О-ой, ты, грит, к няму ни дайдёшь: туды, грит, што ни пойдёшь, то ищё больши цвятов, да”. И вярнули будта миня две женщ·ины в чёрнам, вярнули, миня: “Айда-ка, мы тебе ещё чаво пакажим” – “Чаво, мыл, пакажите вы?” – “Вот где, грит, упокойники-ти ещё – вот стары-то, стары-ти” – “Где, мыл?”. Вот будта в гору, в гору пришли, и туда будта вдалблённа вот как яма какая туды, и мы туды – миня завяли, акошков нигде нет, а святло. “Вот, грит, мы здесь находимся” – “А как же вы, мыл, здеся?” – “Мы, грит, всё здесь видим”, – вот в такую в тёмну вещ·у меня ввили, вот там как в гаре врыто в какое, в яму, вот мне паказали. И вот мне яво, я яво ни вижу, а толька вот гаварят, што это вот твой, мол, мужик тама, в этих цвятах, што, грит, дальше ни пайдёшь, ещё, говрит, больше цвятов-та» [ЗМД, с. Потьма; СЕВ, Ф2005-2].

Приведенные нами типы текстов о снах (с различными мотивациями явления умерших) выполняют ряд функций в повседневной практике их рассказывания (dream-telling). Анализ известного нам материала (в том числе – записанного с использованием метода включенного наблюдения) показывает, что к наиболее значимым функциям dream-telling относятся дидактическая, гносеологическая, интегрирующая и психотерапевтическая. Они могут соприсутствовать в пределах одного текста, при этом, как правило, доминирует одна из них.

Так, в рассказах, в которых покойник указывает на нарушение сновидца (или его окружения), доминирует дидактика. При этом сновидение может не просто регулировать соблюдение определенных правил, но и устанавливать (конституировать) их.

Например, для одной из семей, проживающих в с. Потьма Карсунского района, описанное выше представление (о негативной роли оградок для посмертного «бытия» умерших) было актуализировано благодаря следующему сновидению: «А у нас вот нет аградки [=у родственников рассказчицы на местном кладбище]: мама тагда, пакойна свякровь, дедушка-та ей приснился, свёкр-та: “Вот бы Катя, всё харашо, но эта… кругом агарожина, высокый забор, нигде выйти ни магу…”. Вот

эта приснился, да, ей сон… Ана тагда мне говорит: “Умру, мне аграду ни делайти, ни нада никакой аграды, а то я и буду – ни вылизу нигде”» [ПВП, с. Потьма; СЕВ, Ф2005-14].

Таким образом, общее (для определенного социума) представление на уровне отдельной семьи конституируется и поддерживается благодаря dream-telling. Рассказ о сне выполняет здесь функцию своеобразного семейного предания, фиксирующего правила действий в определенных ситуациях.

Эта же функция эксплицирована, например, в следующем тексте, в котором достаточно распространенное поверье (о том, что покойники одного кладбища собираются вместе, чтобы встретить душу погребенного) актуализируется и – одновременно – дополняется благодаря сновидению. Во сне устанавливаются правила поведения, которых сновидица должна в дальнейшем придерживаться.

«Вот Зойка-та вот Пахомава, у ней муж-то умир, вот [она] тожи говорит: “Вот как покойника понисут на кладбищи, я, – говрит, – все дела бросаю и бигу коронить этова чиловека-та: там, говрят, когда этова чиловека коронют, все эти мёртвы, они ево встричают. Ну, и вот: я, грит, хожу и хожу, и он, грит, мне один раз [во сне] и говрит: “Зой, – говорит, – ты ни ходи в этот мамент ко мне, когда коронют” – “А што, – грит, – не ходить-та? ” – “Я, – грит, – тебя не вижу: мы встреча*е*м, к нам го́стей нясут, мы, – грит, – все тама: мы встречам, а мы вас ни видим, кто пришли к нам”…» [ХФИ, с. Сухой Карсун; СЕВ, Ф2004-31].

В рассказах о сновидениях, в которых роль покойника состоит, в основном, в сообщении ряда сведений о том свете или показа инобытия, доминирующей является гносеологическая функция.

«Вот у миня мать-та видела жи: иду, гаварит, гляжу во сне – ох, скока, гаварит, тока рабитёшичков и луга, цвяты цвятут, и ани, гаварит, все тута. А я, гаварит, спрашиваю тут (стаит, гаварит, женщина): “Эта, гаварит, што?” – “Ну, што, гаварит, вот рабитёшички – как детскый сад” – “А чаво, гаварит, ани?” – “Ани, гаварит, сабярают цвяточки” – “А тут, гаварит, вот што тичёт?” – “А эта, гаварит, сахарна речка. Ане, гаврит, вот

сабирают тут и папьют тут”. Ани чаво – каторы бизымянны, каторы какие, – вот ане все ходят, – уме́рши…» [КЕВ, с. Сара; СЕВ, Ф2006-3]. «И вот у миня умирла внучка, ей была шесть лет, и бабушки, – другой бабушки, – приснился сон: значит, ана где-та аказалась на таком мести низнакомам и смотрит: какая-та такая изгарадь, очинь красивая всё, и там очинь многа дитей бегают. И я, гаварит, увидила нашу Катиньку, кричу ей: “Катинька, Катинька, иди сюда!”. Ана, гаварит, падбижала ка мне: “Как ты здесь живёшь?” – “Харашо, баб, харашо, мы здесь играим” – “Ты, гаварит, идём са мной дамой” – “Не-ет, нам выхадить атсюда ни разришают”, – вот такой ей сон приснился…» [ФМИ, с. Сара; СЕВ, Ф2006-2].

При соприсутствии в пределах одного текста дидактической и гносеологической функций обычно доминирует дидактика. Это обусловлено тем, что описание того света в таких рассказах почти всегда подчинено указанию на нарушение, т.е. сновидцу описывается (показывается) только то, что непосредственно связано с несоблюдением определенных правил.

В подобных текстах дидактическая направленность может реализовываться опосредованно – через описание или показ последствий нарушений самих умерших (совершенных тогда, когда они были живы). «Он [=умерший сосед, во сне] стаит в старай фуфайке, в старай шапке, – это нихарашо, канешно: в старам ва всем. “Ой, – грит, – Валинтина, как, грит, мне там плоха!” – “А што, мол, тибе там плоха?” – “Ни принимают, грит, миня нигде”. Вот… А пачиму ни принимают – он жил раньши с систрой са сваей, он грешный, – вот паэтаму, паэтаму иму и плоха…» [АВИ, с. Потьма; СЕВ, Ф2005-1].

«У миня внучонку приснился сон [он тятей ево, дедушку, звал]: “Тять, а тять, а ты видишь маму-ту?”. А он гаварит: “Нет, Вань, ни вижу, ана, – гаварит, – с избранниками, а я матирно ругался, миня туды ни пускают”, – вот приснился прям сон яму… Ну, с избранниками, – всё-таки ана, мама, всигда гавела, ни с кем ана никогда ни ругалась, церкви ана навищала… Ну, и

вот – его тятя-та и спрашиваит, тятя-та яму приснился…» [СЕВ, с. Потьма; СЕВ, Ф2005-3].

Реализацию интегрирующей и психотерапевтической функций dream-telling можно наблюдать, прежде всего, при анализе контекста бытования рассматриваемых текстов. Так, анализ материалов, записанных методом включенного наблюдения на поминках в нескольких селах Ульяновского Присурья, показывает, что участники этого обрядового акта создают совместную «поминальную биографию» умершего, в которой рассказы о снах (главным образом, тех, что предвещают смерть покойного) занимают существенное место.

Рассказывание сновидений на поминках (как и участие в похоронно-поминальном обряде в целом), подкрепленное эмоциональной необходимостью пережить случившееся несчастье, определенным образом объединяет собравшихся. В качестве примера можно привести описание похорон четырнадцатилетнего мальчика – А. Трунина, проходивших в 2001 г. в с. Проломиха Ульяновской области. На поминках после похорон была воспроизведена серия текстов о снах, среди которых особенно значимы рассказы матери умершего: «Сын ей все время снился при жизни и снился очень плохо: то он упадет во сне в яму, то он приснится со всеми умершими родственниками и т.д. Все женщины на поминках начали говорить: “Это означает, что ранняя смерть – его судьба, она предписана Богом, ты не переживай” и т.п. Другая женщина, присутствовавшая на поминках, рассказала о том, что у нее умер племянник – также молодой парень. При этом она сообщила свой сон, в котором она увидела пришедшего к племяннику Бога. Бог сказал: “Ты не переживай, со всеми простись, с матерью простись, <…> я тебя призываю”. В общем, этот сон она рассказала на поминках, и мама Трунина начала немного успокаиваться» [Материалы из полевого дневника А.М. Карвалейру].

В качестве другого достаточно показательного примера реализации психотерапевтической функции dream-telling можно привести следующий рассказ.

«Вот адин-то [=погибший сын], каторый втарой-та – убили у миня яво, пришли вот эдак пьяницы-те… Он уже был, яму питьсят шесть гадов было, он с жаной развялся, жил адин, взял другова вот сына. И вот пришли ночью-та пьяны и скрутили голаву… Вот третий год уж он у миня. Вот он мне эта… приснился, что: “Я, – гаварит, – сам с ними разбярусь патом, вот…”. И мы зна*е*м, кто [убил], а всё равно – милиция щас так ни судит: нада денег памногу, а у миня нет… <…> Внук – у миня задавили машиной специально, яму тридцать адин год был, девачка посли ево асталась, тожи… Щас ведь как: с багатым ни судись. <…> Матири [внука] приснился, тожи так гаварит: “Мам, ты ничаво ни гавари пра няво, кто задавил: я сам яво накажу”» [КАИ, с. Барышская Слобода; СЕВ, Ф2006-4].

Можно предположить, что подобные сны и их пересказы для ближайшего окружения информантки (прежде всего, среди родственников) инициируют действие своего рода компенсаторного механизма, ослабляющего психологический дискомфорт ситуации.

В отдельных случаях рассказы о снах используются как средство своеобразного утверждения собственной социальной позиции (мнения, отношения) или позиции определенной группы.

Информантка в праздник («на Родителей») помянула всех умерших за последнее время в селе, за исключением тех, на кого была в обиде; после этого ей снится сон. «Он [=умерший муж] будта в церкву пришёл… Я всё село помянула, а все, ково помянула, вот у нас церква там открыта, и оне будта там все под этим, ни мочит их, а на улицу глянула – а тут чирнó, дождик идёт, и каторых ни памянула, ани тут стаят <…>. Злая была на которых и я их ни помянула, и они вот около церкви в этим в этаком в густым, жутка да темно там. И вот ани там… Посли-те [сна, в реальности] поминала их…» [КлАИ, с. Ждамирово; СЕВ, Ф2007-10].

Добавим, что подобную функцию могут выполнять не только сны о покойниках. Показателен, например, следующий текст, в котором сон также используется как средство

утверждения собственной социальной позиции. При этом отчасти актуализируется интегрирующая функция dream-telling, поскольку указанная позиция выражает отношение определенной группы людей.

В настоящее время в с. Ждамирово между местным священником и немногочисленными прихожанами (в основном, пожилыми женщинами) сложились достаточно непростые отношения, обусловленные в определенной степени поведением самого «батюшки»; все опрошенные нами информантки священником недовольны; это групповое отношение находит свое отражение и в рассказах о снах прихожан местной церкви. «У нас батюшка нимножка грубаватый… И как-та вот приснилась мне: темно-о в церкви, и этат батюшка Аликсей как-та спаткнулся да упал. Гаварю: "Батюшка, вот ни нада грубость-ту на нас пускать-то, а то, видишь, мы в какой темнате", – вот так как-та приснилась…» [ЧАИ, с. Ждамирово; СЕВ, Ф2007-3].

Характерно, что рассказы о снах достаточно часто используются в агиографических текстах и в рассказах о сакральных локусах. Во всех этих случаях рассказы о сновидениях выполняют функцию «гаранта святости», реплики инобытия, подтверждающей правильность избранной позиции или отношения.

Так, в с. Сара Сурского района почитается местная целительница и провидица («нянюшка Наташа»). К ней ходили, чтобы исцелиться и узнать судьбу. В настоящее время после ее смерти односельчане посещают ее могилу и рассказывают о чудесах, связанных с ее именем. Определенное место в этом своеобразном культе занимают рассказы о снах. В зафиксированных нами текстах умершая нянюшка указывает во сне на те места, которые нужно почитать (место бывшей церкви, ее могила и др.); говорит о том, как надо вести себя на кладбище; утешает и помогает сновидице обрести желаемое; оценивает окружающих сновидицу людей и т.д.

Важность таких текстов обусловлена не только их высоким статусом реплики инобытия, но и уникальной возможностью пережить и рассказать другим об опыте

(например, об опыте контакта с умершей нянюшкой), который в любой другой форме невозможен.

«У нас вот мая заловка вот видила вот няньку Наташу: ана к ней хадила, она… ей уж восимьдисят семь лет, этай вот заловки-ти, ана к ней и хадила и всё… И вот, грит, мне сницца сон: бижит, грит, саседка,тожи мёртва анна, и грит: “Пайдём-ка, грит, в агород-та”. Я грит: “Чаво, грит, тама?” – “Да пайдём скорее!”. Я, грит, выбягаю тоже, и ана, грит, впирёд – я, грит, за ней. И вот, грит, вот эдак вот: “Гляди, грит, сейчас”. Я, грит, гляжу – и спуска*е*цца, гаврит, сверьху – вот эдак вот, грит, – крутицца-крутицца-крутицца-крутицца, и пирида мной, грит – хлоп! – и спустила́сь: нянька Наташа… Гаварит: “Слушай-кася, ты, гаварит, крести́сься, а ты, грит, схади, грит, к святому-ту месту-ту, и пакланись, гаварит, всем святым – к церкви”, – у нас церковь здесь была. – “Схажу, нянинька, схажу! Пакланюсь” – “И так што, грит, у тя*б*я падруги-ти, они, грит, чир… чирнакнижники: ты, грит, к ним ни ходи <…>. Найди, гаврит, лучши других” – “Каких?” – “Вот, хади [показывает в сторону рукой], а к ним, грит, ни хади” – “Пакланюсь, схажу, всё…”, – и абратно, грит, вот раз-раз – закрутился и всё: стаю, грит, я адна…» [КЕВ, с. Сара; СЕВ, Ф2006-3]. «Была гарбатинька старушка, ана веруща была: “Ой, Хоспади, сницца, грит, мне нянька Наташа, [сновидица] гаварит: “Нет у меня платочка надеть”. Ана [=нянька Наташа] гаварит: “Приходи ка мне, я тибе дам платочик”. – “Жид те возьми! – у ней [=сновидицы] всё пагаворка была. – Жид те возьми! Я вскочила [после сна], рана-рана утром и пашла – платок лежит <…>”. На магиле, да, лежит, у ней там тумбачка и в тумбачке платочик. “Я, – гаварит, – взяла и абвязалась в этат платочик”» [КЕВ, с. Сара; СЕВ, Ф2006-3].

Таким образом, основные функции рассказов о снах, в которых так или иначе описывается контакт с умершими, обусловлены в первую очередь необходимостью утвердить и урегулировать определенные правила поведения (дидактика); пережить эмоционально значимый контакт с умершим близким человеком (поделиться этим переживанием с аудиторией и

пережить его самому в процессе dream-telling). Другие функции этих рассказов определяются желанием пополнить информацию об условиях «бытия» иномирных персонажей, а также объединить некую группу и помочь ей социализировать (принять) определенную ситуацию (например, смерть близкого); санкционировать и повысить статус собственной и групповой позиции и др.

Список информантов

АВИ – Андрианова Валентина Ивановна, 1940 г.р., родилась и проживает в с. Потьма.

АЕП – Афанасьева Екатерина Петровна, 1925 г.р., родилась и проживает в с. Княжуха.

АМИ – Андреева Мария Ивановна, 1932 г.р., родилась и проживает в с. Сухой Карсун.

ВЕМ – Власова Евгения Максимовна, 1927 г. р., родилась и проживает с. Засарье.

ВРС – Власова Раиса Степановна, 1932 г.р., родилась и проживает в с. Засарье.

ГЗС – Гусева Зинаида Степановна, 1925 г.р., родилась и проживает с. Барышская Слобода.

ГКМ – Гришина Клавдия Михайловна, 1951 г.р., родилась и проживает в с. Сухой Карсун.

ЕАН – Елизарова Анастасия Николаевна, 1933 г.р., родилась и проживает в с. Потьма.

ЗМД – Заплаткина Марья Дмитриевна, 1923 г.р., родилась и проживает в с. Потьма.

КАИ – Карманова Александра Ивановна, 1925 г.р., родилась и проживает в с. Барышская Слобода.

КЕВ – Киреева Евгения Васильевна, 1938, родилась и проживает в с. Сара.

КЗИ – Кирсанова Зоя Ивановна, 1937 г.р., высш. образ., родилась и проживает в с. Поселки.

КлАИ – Кляузова Анна Ивановна, 1938 г.р, родилась и проживает в с. Ждамирово.

ЛАН – Ларина Алла Николаевна, 1937 г.р., высш. образ, родилась в г. Новосибирске, прожив. в с. Сухой Карсун (с 1962 года).

МЕМ – Моисеева Елизавета Михайловна, 1930 г.р., родилась и проживает с. Ждамирово.

ММД – Матвеева Мария Дмитриевна, 1918 г.р., родилась и проживает в с. Ждамирово.

ММС – Митина Мария Сергеевна, 1932 г.р., родилась и проживает в с. Потьма.

МПС – Морозова Пелагея Степановна, 1923 г.р., родилась и проживает в с. Сара.

ПВП – Просина Валентина Петровна, 1934, родилась и проживает в с. Потьма.

ПНФ – Потехина Нина Федоровна, 1945 г.р., родилась и проживает в с. Потьма.

СЕВ – Суслина Екатерина Васильевна, 1921 г.р., родилась и проживает в с. Потьма.

СЕМ – Соврина Евгения Матвеевна, 1939 г.р., родилась и проживает в с. Сара.

УИД – Умрик Иван Данилович, 1962 г.р., высш. обр., родился в Волгограде, прожив в с. Сара (с 1970 г.).

ФМИ – Фадеева Марья Игнатьевна, 1933 г.р., высш. образ., родилась и проживает в с. Сара.

ХФИ – Хахулина Фаина Ивановна, 1938 г.р., родился в с. Большой Кувай Ульяновской области, проживает в с. Сухой Карсун (с 1957 г.).

ЧАИ – Черняева Анна Ивановна, 1934 г.р., родилась и проживает в с. Ждамирово.

ШВИ – Шеянова Валентина Ивановна, 1943 г. р., родилась и проживает в с. Барышская Слобода.

Список населенных пунктов

Сурский район	Инзенский район	Карсунский район
пгт. Сурское с. Араповка с. Астрадамовка с. Барышская Слобода с. Ждамирово с. Засарье с. Княжуха с. Малый Барышок с. Полянки с. Сара д. Кольцовка с. Шеевщина с. Цыповка с. Чернёново с. Чеботаевка с. Большой Кувай с. Гулюшево с. Кирзять с. Студенец д. Алейкино с. Кезмино	г. Инза с. Большая Борисовка с. Валгуссы с. Коржевка с. Новосурское с. Чумакино с. Большое Шуватово с. Тияпино с. Палатово с. Чамзинка с. Проломиха с. Первомайское	с. Большая Кандарать с. Кадышево с. Потьма с. Сухой Карсун с. Большие Поселки д. Сосновка с. Русские Горенки с. Котяково с. Вальдиватское с. Малая Кандарать д. Александровка с. Жемковка с. Комаровка

Список собирателей

АНС – Антонова Н.С.
БАН – Баранов А.Н.
БЛА – Белоусова Л.А.
ГЕН – Гусева Е.Н.
ГОГ – Гладкова О.Г.
КИС – Кызласова И.С.
МИА – Морозов И.А.
ММГ – Матлин М.Г.
ПЮА – Пыркина Ю.А.
СЕВ – Сафронов Е.В.
СИС – Слепцова И.С.
ССА – Симанова С.А.
ЦАЮ – Цухлов А.Ю.
ЧМП – Чередникова М.П.
ЯИВ – Явкина И.В.

Содержание

Федеральное агенство по образованию
ГОУ ВПО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова»
Кафедра литературы
Лаборатория традиционной культуры
и визуальной антропологии

Духовная культура русских Ульяновского Присурья: материалы к этнодиалектному словарю. – Ульяновск: УлГПУ им. И.Н. Ульянова, 2008. (Проблемы полевой фольклористики. Вып. 7)

Коллектив авторов.

Подписано в печать с оригинал-макета.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная. Гарнитура “Times New Roman”.
Усл. печ. л. 14,75. Тираж 250 экз. Заказ N

Отпечатано в типографии Облучинского.
Г. Ульяновск, ул. Гончарова, 11а .